

В І С Н И К
ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

ISSN

K-14038

№ 435

17-327007

**РОМАНО-ГЕРМАНСЬКА
ФІЛОЛОГІЯ**

1999

З. прн.

КОНСТАНТА

V.N. Karazin Kharkiv National University

00267768

8

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ISSN 0453-8048

**В І С Н И К
ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ**

№ 435

**СЕРІЯ
РОМАНО-ГЕРМАНСЬКА
ФІЛОЛОГІЯ**

Харків
КОНСТАНТА
1999

Видається згідно з рішенням Вченої Ради факультету іноземних мов Харківського державного університету від 19 березня 1999 р., протокол № 3.

Редакційна колегія:

Головний редактор

А.Г.Дородних (докт. філол. наук)

В.А.Дмитренко (канд. філол. наук), В.І.Говердовський (докт. філол. наук)

В.І.Каравашкін (канд. філол. наук), Л.М.Мінкін (докт. філол. наук)

В.Г.Пасинок (канд. пед. наук), Н.І.Сукаленко (докт. філол. наук)

О.В.Тарасова (докт. філол. наук), В.О.Ужик. (канд. філол. наук)

Л.М.Черноватий (канд. пед. наук), С.О.Швачко (докт. філол. наук)

І.С.Шевченко (канд. філол. наук, відп. редактор)

О.Д.Нефьодова (секретар)

У статтях цього вісника розглянуто проблеми фонетики, лексикології, комунікативної лінгвістики, прагматики, філософії мови, міжособової та міжкультурної комунікації, системи мови, методів викладання іноземних мов та виховання.

Для лінгвістів, викладачів, студентів старших курсів, аспірантів та пошукачів.

Адреса

редакційної колегії: Україна, 310007, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський державний університет,
факультет іноземних мов.
Тел.: (0572) 45-75-04.

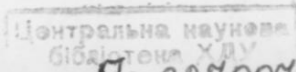
Copyright © Харківський державний університет, 1999

Copyright design © "КОНСТАНТА" 1999

Copyright cover © "КОНСТАНТА" 1999

ISBN 966-7309-52-5

К-14038

ИРОНИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В САТИРИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Андрієнко Т.П. (Харьков)

Ирония рассматривается в современной лингвистической литературе как стилистический прием, основанный на противопоставлении контекстно-обусловленного значения слова его словарному значению (Гальперин 1981: 1475; Кухаренко 1986: 46; Арнольд 1990: 86-87; Мороховский и др. 1991: 183). Такое переосмысление всегда сопровождается заменой оценочного знака, чаще положительного, на отрицательный, например: *"But good in any case, ... good she had been. Not nice, not merely molto simpatica—how charmingly and effectively these foreign tags assist one in the great task of calling a spade by some other name."* (A. Huxley)

Традиционно выделяется словесная ирония, связанная с переосмыслением определенного слова в контексте, и развернутая, при которой ироническим является смысл высказывания или текста в целом (Кухаренко 1985: 47), что объясняется тем, что ирония может "постепенно утрачивать свой чисто лингвистический характер и приобретать общесемiotическую значимость" (Мороховский и др. 1991: 183).

Словесная и развернутая ирония объединяются понятием иронического смысла, который определяется С.Н. Походней как "смысл такого предложения, высказывания, СФЕ, предикативно-релятивного комплекса, текста в целом, в котором субъективно-оценочная модальность отрицательного характера содержится в подтексте и находится в отношениях противоречия, противопоставления с поверхностно выраженным содержанием, которое, в свою очередь, создается несоответствием традиционно и ситуативно обозначающего, узуального и окказионального, прямого и переносного значения языковых единиц" (Походне 1989: 60). Создание иронического смысла происходит по схеме $S_1 \Leftrightarrow S_2 \Rightarrow S_3$, где S_1 - буквальное значение, S_2 - переносное, противоположное S_1 , а S_3 - возникшее при взаимодействии S_1 и S_2 имплицитное, формально не выраженное значение (там же с. 14).

Поскольку ирония является видом скрытой субъективно-оценочной модальности, как правило, автор вводит определенные "опознавательные знаки" — формальные показатели, указывающие на противоположный смысл высказывания (Мороховский и др. 1991: 184). Наиболее распространенными из них являются:

а) интонационное оформление при помощи особого интонационного контура со значительным ударением на слове, употребленном в иро-

ническом смысле (Гальперин 1981:147; Мороховский и др.1991:184). На письме эта особенность интонации может быть передана путем выделения слова курсивом или жирным шрифтом, кавычками и т.д., например: "Thats your little mob in there, said Grimes ; 'you let them out at eleven."

"But what am I to teach them?" said Faul in sudden panic.

"Oh, I shouldn't try to *teach* them anything... Just keep them quiet."

(E. Waugh).

б) паралингвистические средства - жесты, мимика (там же; Баженова, 1987), описания которых могут присутствовать в контексте, например: "I was wondering," said Mary with a gasp, "whether they were really were unattached. I thought that perhaps you might... you might..." "It was very nice of you to think of me, Mary darling," said Anne, smiling the tight cat's smile. "But as far as I am concerned, they are both entirely unattached."

(A. Huxley).

в) лексические средства - употребление заимствованных слов, иноязычных слов и выражений, например: "I loath them", said Bruin. "I hate every one poor, or ill, or old... they make me positively sick."

"*Quelle ame bien-nee*," piped Mr. Mercaptan. "And how well and frankly you express what we all feel and lack the courage to say." (A. Huxley).

г) различные виды повторов, осложненные изменением семного состава значения того же звукового комплекса:

"You never read any papers at all—not even our friend Mercaptan's delicious little middles in the weeklies? How is your delicious little middle, by the way?"

(A.Huxley).

д) синтаксические конструкции с эмоционально маркированной структурой, например: "Denis thought of that advertisement of the Nestle's milk—the two cats on the wall, under the moon, one black and thin, the other white, sleek and fat. Before inspiration and after." (E. Waugh).

Ирония в очень высокой степени зависима от контекста и должна исследоваться как явление, относящееся к речи, т.к. практически никогда не входит в языковую систему (Гальперин 1981:147). В связи с этим представляется интересным изучение речевого акта, выражающего иронию, как основной единицы речи (Карабан 1989:8).

Традиционно выделяемыми элементами речевого акта являются локуция, иллюкуция и перлокуция (Остин 1986). В основе иронического речевого акта лежит высказывание, содержащее оценочную модальность. Основные элементы оценочной модальной рамки - субъект оценки, ее объект и оценочный предикат (Вольф 1985:12).

Субъектом оценки в речевом акте может быть говорящий ("изрекающий"), "автор" и "ответственное лицо" (Goffman, 1979— цит. по: Кларк, - Карлсон, 1986). Важным средством создания иронии в сатирическом ро-

мане является отстранение автора от говорящего (персонажа), служащее выражению авторской позиции и создания "многоголосия" в романе (Бахтин 1975). Как правило, персонаж выступает в роли "изрекающего", а автор является субъектом отрицательной оценки и иронии.

Для оценочного предиката в ироническом высказывании характерна инверсия с заменой оценочного знака (обычно положительного на отрицательный), которая осложняется такими приращениями смысла как эмоциональное отношение объекта оценки. Как следствие этого, реальный смысл иронического высказывания не соответствует содержанию, вытекающему из буквального значения языковых знаков. Из взаимодействия с референциальным либо коммуникативным подтекстом (Долинин 1985), который противоречит этому содержанию, рождается иронический смысл высказывания. Таким образом, порождение иронического смысла в высказывании можно также описать формулой

$$S_1 \leftrightarrow S_2 \Rightarrow S_3$$

Изучение речевого акта (РА) в основе которого лежит ироническое высказывание, приводит к выводу, что в таком речевом акте "зашифровано" два сообщения: одно из них - это подлинный иронический смысл высказывания (S_3), второе можно было бы назвать "смысловой запиской" - это содержание, вытекающее из буквального значения языковых знаков (S_1). Этой особенностью можно объяснить принципиальную невозможность несогласия с ироническим РА: отвергая одно из сообщений, мы неизбежно согласимся с другим. Собеседником может быть воспринято как первое, так и второе сообщение, например:

"Ah, but then you are an exception, Mary, you are an exception," said Mr. Scogan. "You are a *femme superieure*."

A flush of pleasure turned Mary's face into a harvest moon. (A.Huxley).

В отличие от обычного случая непонимания в диалоге, говорящий в ироническом РА не стремится добиться понимания истинного иронического смысла собеседником. В этом случае, по-видимому, можно говорить, что слушающий воспринял речевой акт на уровне его локутивного содержания, но не понял иллюкутивной цели.

Иллюкутивной целью иронического РА является выражение психологического состояния говорящего с целью изменения психологического состояния слушающего, что позволяет отнести иронический РА к классу экспрессивов (Серль 1985). Успешность иронического РА зависит от распознавания его истинной иллюкутивной цели, которая является скрытой. (На основании этого А.П.Портер характеризует иронический РА как контрперформативный (counter-performative), т.е. достигающий перлокутивного эффекта путем иллюкутивного провала. (Porter 1993).

Наибольший интерес представляет РА, где адресатом прямого РА является лицо-объект иронии. В этом случае употребление прямого отрицательно-оценочного РА противоречит принципу вежливости, в частности, максиме одобрения, которая гласит "минимально выражай неодобрение" (Leech 1983 - цит. по Вольф 1985:170). Стремление выразить неодобрение скрыто от его объекта, но явно для других слушающих можно считать одним из мотивов, побуждающих говорящего использовать иронический РА.

В ироническом РА говорящим выделяются две группы слушателей, которым адресуется два сообщения, заключенных в этом РА. В одну группу включаются лица, которые являются объектом иронии, или которым близок объект иронии. Им адресуется буквальное положительно-оценочное сообщение. Во вторую группу входят слушающие, на чью психологическую поддержку рассчитывает говорящий; им адресуется подлинный отрицательно-оценочный иронический смысл высказывания. Например:

Denis listened gloomily. "Extraordinary," he said when Mr. Wimbush had finished; "quite extraordinary." He helped himself to another slice of cake. He didn't even want to tell about London now; he was damped.

В приведенном примере адресатом буквального смысла является мистер Уимбуш, адресат РА; за притворным восхищением Дениса кроется недовольство из-за того, что мистер Уимбуш перебил его рассказ. Остальным же слушающим адресуется побочный речевой акт: из несоответствия действий и слов Дениса, а также благодаря акцентированному повторному употреблению восклицательного предложения, они должны заключить, что истинный смысл высказывания – иронический. На их сочувствие рассчитывает Денис.

В межличностных оценках "есть некая горизонталь на которой говорящий размещает себя и других в социальном пространстве" (Чернейко 1996: 46). Иронический РА возможен в тех случаях, когда говорящий ставит себя и адресата иронии "выше" черты, а объект иронии - "ниже", чему соответствует отношение высокомерия (там же). Именно поэтому он рассчитывает на понимание адресатом и непонимание объектом скрытой иллюкутивной цели иронического РА. Поэтому в случае если объект иронии также понимает истинную иллюкутивную цель - отрицательную оценку своих качеств, деятельности, интересов и т.п., он чувствует себя оскорбленным и задетым больше, нежели в случае прямого отрицательно-оценочного РА. В этом кроется сила иронии как средства воздействия. Возможная реакция в таком случае - возмущение, которое, однако, может быть превращено другими участниками РА в шутку, т.к. иронический РА невозможно оспорить или не согласиться с ним. Например:

"It's a pity I'm not Ivor," said Gombauld, with a laugh. "I could throw in a picture of their Auras for an extra sixpence."

Mary flushed. "Nothing is to be gained," she said severely, "by speaking with levity of subjects..." (A.Huxley).

(Мери возмущает оценка, данная ее возлюбленному Айвору говорящим, однако по форме это положительная оценка, и оспорить высказывание Гомбо или не согласиться с ним она не может). Те же из слушающих, которым адресован иронический смысл РА, чувствуют польщенными из-за того, что говорящий поставил их выше других: ирония — это комплимент для адресата (Roberts 1989: 303).

Ирония возможна и в РА с одним слушающим, как в следующем примере: Mary sighed. "Well," she said, "I think I had better go to bed and think about it."

"Carefully and dispassionately," said Anne.

At the door Mary turned round. "Good night," she said, and wondered as she said the words why Anne was smiling in that curious way. It was probably nothing, she reflected. Anne often smiled for no apparent reason. (A.Huxley).

Отношение говорящего к собеседнику в таких случаях как правило, не "высокомерное", а "покровительственное" ("Я выше черты" - Чернейко, 1996), связанное с реальными различиями в возрасте, осведомленности о ситуации, умственных способностях и т.п. В этом случае слушающий - объект иронии может сам отнести себя к группе "понимающих" иронию и путем этого понимания подняться на "уровень" говорящего, либо к группе "непонимающих" и воспринять выраженную в языковых знаках положительную оценку как искреннюю оценку говорящего и комплимент себе, тем самым оставаясь на своем уровне.

В том случае, когда иронический РА порождается в отсутствие лиц, интересы которых могут быть задеты отрицательной оценкой, можно предположить, что основным мотивом, побуждающим говорящего употребить иронию, является стремление показать свое превосходство над объектом иронии, и отчуждение от него, а кроме того, в адресате говорящий видит не только единомышленника, но и человека, стоящего с ним на одном "высоком" уровне, тем самым показывая уважение адресату, завышая его социальный статус и привлекая его на свою сторону.

В современной филологической литературе утвердился подход к художественному тексту как к коммуникативному событию (Воробьева 1992:59), речевому акту, имеющему превращенный, имитационно-фиктивный характер (Степанов 1986). В таком речевом акте адресантом выступает, как правило, рассказчик, выражающий позицию автора. Эта позиция, как правило, выражается имплицитно, через соотношение содер-

жательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации (Гальперин 1981).

Объектом иронии могут быть персонажи, их отдельные черты и поступки, целые жизненные ситуации. Адресатом выступает эксплицитный или имплицитный адресат художественного рассказа и, конечно, реальный читатель текста. В связи с этим закономерно предположить, что ирония в сатирическом романе является одним из основных средств воздействия на читателя: высказывая свое отрицательное отношение к явлениям действительности не открыто, а иронически, автор, с одной стороны, отстраняется от этих явлений, показывает свое превосходство над ними, а с другой стороны, указывает читателю на его превосходство над персонажами сатирического романа, на то, что поступать подобно им - недостойно человека. Это делает возможным для автора выражать положительные идеалы через критику отрицательного (Макарян 1967:6). Ирония, таким образом, выступает как средство создания сатирического эффекта произведения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. (1990) Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). - М.: Просвещение.
2. Баженов И.С. (1987) Коннотация и создание эмоционального подтекста // Коннотативные аспекты семантики в немецкой лексике и фразеологии. - Калинин. - С.12-18.
3. Бахтин М.М. (1975) Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. - М.: Художественная литература.
4. Вольф Е.М. (1985) Функциональная семантика оценки. - М.: Наука.
5. Воробьева О.П. (1992) Реализация фактора адресата в художественном тексте в аспекте лингво-культурной традиции // Фил. науки. - №1. - С.59-66.
6. Гальперин И.Р. (1981) Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука.
7. Грайс Г.П. (1985) Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. - М.: Прогресс. - С. 217-237.
8. Долинин К.А. (1985) Интерпретация текста. - М.: Просвещение.
9. Карaban В.И. (1989) Сложные речевые единицы. Прагматика асиндетических полипредикативных образований. - Киев: Изд-во при КГУ. Вища школа.
10. Кларк Г.Г., Карлсон Т.Е. (1986) Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. - М.: Прогресс. - С.270-321.
11. Макарян А.М. (1967) О сатире. - М.: Сов. писатель.
12. Мороховский А.Н. (1984) и др. Стилистика английского языка. - Киев: Вища школа.
13. Остин Дж. Л. (1986) Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. - М.: Прогресс. - С. 22-130.
14. Походня С.И. (1989) Языковые виды и средства реализации иронии. - Киев: Наукова думка.
15. Степанов Г.В. (1988) Единство выражения и убеждения (автор и адресат) // Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. - М. 16.
16. Серль Дж.Р. (1986) Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. - М.: Прогресс. - С.170-195.
17. Черненко Л.О. (1996) Порождение и восприятие межличностных оценок // Фил. науки. - № 6. - С.42-53.
18. Galperin I.R. Stylistics. - M., 1981.
19. Kukharenska V.A. (1986) A Book of Practice in Stylistics. - M.
20. Porter A.P. (1993) When Failure in Success: Counter-Performative Speech Acts. Internet E-mail: porter@sl.gov.
21. Roberts E.V., Jacobs H.E. (1989) Literature. An Introduction to Reading and Writing. - New Jersey.

К ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Безуглая Л.Р., канд. филол. наук (Харьков)

Среди общенаучных приемов изучения явлений действительности весьма значительная роль принадлежит сравнению.

Как общенаучная познавательная операция, сравнение лежит в основе суждений о сходстве и/или различии рассматриваемых объектов.

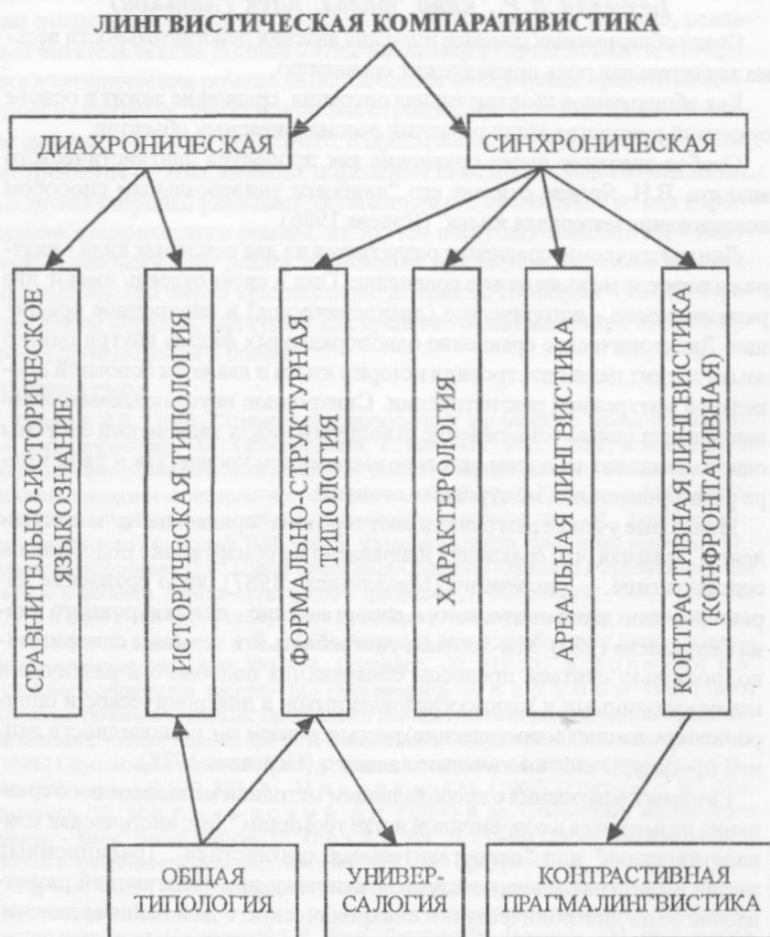
Особое значение имеет сравнение как процедура лингвистического анализа. В.Н. Ярцева считает его "наиболее универсальным способом исследования материала языка" (Ярцева 1986).

Лингвистическое сравнение разделяется на два основных вида - внутриязыковое и межъязыковое сравнение. Они в свою очередь имеют две разновидности - историческое (диахроническое) и синхронное сравнение. Диахроническое сравнение однопорядковых фактов внутри одного языка служит целям построения истории языка и является основной процедурой внутренней реконструкции. Синхронное внутриязыковое сравнение имеет целью установление отношений между элементами системы одного языка как на одном отдельно выделенном уровне, так и на примере разноуровневых и межуровневых связей.

Некоторые ученые разграничивают термины "сравнение" и "сопоставление", отмечая, что сравнение направлено на обнаружение подобного, а сопоставление — различного (Михальченко 1987), либо сравнение характерно для диахронического, а сопоставление - для синхронного плана (Журавлева 1989). Мы склонны употреблять эти термины синонимично, поскольку считаем процессы обнаружения подобного и различного взаимосвязанными и взаимообусловленными, а диахроническое и синхронное сравнение (сопоставление) рассматриваем как разновидности данной процедуры лингвистического анализа (Нерознак 1978).

Разделы языкознания с преобладанием методики межъязыкового сравнения называются в современной науке термином "лингвистическая компаративистика" или "сопоставительная лингвистика". Традиционный взгляд на лингвистическую компаративистику, предполагающий разветвление ее на диахроническую и синхроническую с дальнейшим делением их на дочерние области в зависимости от предмета исследования, можно представить в виде схемы:

Рис. 1. Дисциплины лингвистической компаративистики: традиционный взгляд.

В настоящее время в центр сопоставительных исследований выдвигаются преимущественно функциональные категории, лингвистический ана-

лиз переносится в функциональный план, приобретая все особенности интерпретации выделяемых категорий в терминах прагмалингвистики. Функциональные аспекты привлекаются к исследованиям в области каждой из сопоставительных дисциплин, то есть “прагматизация” языкознания не обошла стороной и компаративистику.

Процесс “прагматизации” коснулся, в частности, контрастивных исследований, что проявилось в появлении и успешном развитии нового направления — контрастивной прагмалингвистики.

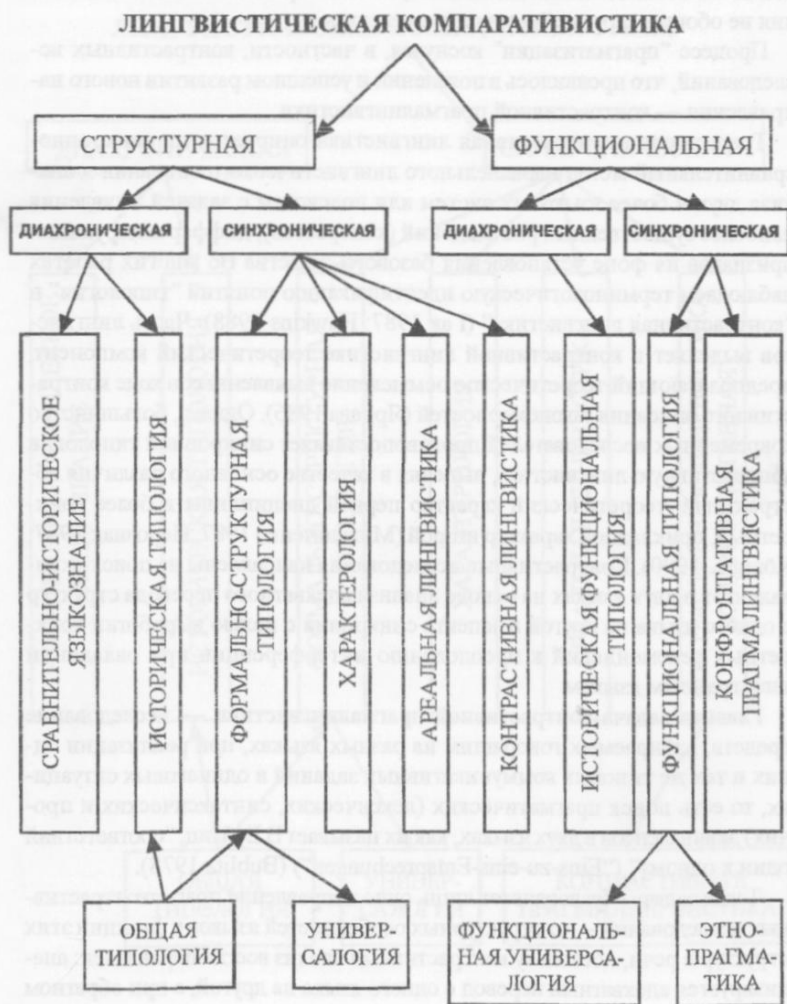
Традиционно контрастивная лингвистика опирается на синхронно-сравнительный метод параллельного лингвистического описания и анализа двух и более языковых систем или подсистем с задачей выявления наиболее существенных расхождений (контрастов), дифференцирующих признаков на фоне установления базового сходства. Во многих работах наблюдаем терминологическую идентификацию понятий “типология” и “контрастивная лингвистика” (Гак 1987; Hawkins 1988). Часть лингвистов выделяет в контрастивной лингвистике теоретический компонент, предполагающий теоретическое осмысление выявленных в ходе контрастивного описания закономерностей (Ярцева 1986). Однако, большинство современных исследователей противопоставляет синхронной типологии контрастивную лингвистику, выделяя в качестве основного различия абстрактный, теоретический характер первой дисциплины и более конкретный, прикладной характер второй (Михальченко 1987; Нерознак 1987; König E. 1990). Контрастивные исследования направлены на поиск эквивалентов в двух языках на основе анализа адекватного перевода структур с одного языка на другой в аспекте синхронии с целью выработки конкретных рекомендаций к преодолению интерференции при овладении иностранным языком.

Главная задача контрастивной прагмалингвистики — исследование средств, избираемых говорящим на разных языках, при реализации одних и тех же типовых коммуникативных заданий в одинаковых ситуациях, то есть поиск прагматических (лексических, синтаксических и прочих) эквивалентов в двух языках, как их называет В.Бублиц, “соответствий один к одному” (“Eins-zu-eins-Entsprechungen”) (Bublitz 1978).

Такая задача обуславливает лишь одно направление прагмаконтрастивных исследований — от структурных особенностей языков к функции этих структур в речи, поскольку контрастивный анализ всегда параллелен: анализируется адекватный перевод с одного языка на другой, а при обратном подходе, то есть от функции к структуре, анализ перевода не предусмотрен.

Новое понимание лингвистической компаративистики отражает следующая схема:

Рис. 2. Современные направления лингвистической компаративистики.

Согласно новому підходу, лінгвістическа компаративістика розділяється на структурну і функціональну. Термін "функціонально-сопоставительная лінгвістика" належить В.Г.Гаку (Гак 1987). Однак, в своїх роботах він отождествляет його с понятієм контрастивної прагмалінгвістики, подразумеваю синхронне сопоставление средств выражения речевых актов в двух различных языках.

Наше понимание функціонально-сопоставительной прагмалінгвістики несколько шире: в структуре сравниваемых языков ее интересует то, что обнаруживает свою функціональну релевантность в речевой коммуникации, причем данные явления могут принадлежать как к синхроническому плану (способы реализации речевых актов, их прагматические характеристики, функции структур в речи), так и к плану диахронии (развитие отдельных типов речевых актов, способов организации дискурса, прагматических характеристик определенного речевого акта).

Необходимость проведения сопоставительных исследований в рамках теории речевого акта неоднократно подчеркивалась отечественными и зарубежными учеными. В частности, О.Г.Почепцов пишет об этом в своей диссертации: "Уже накоплен значительный объем знаний о речевых актах и назрела необходимость отделить универсальные положения от этнорелевантных. Важность проведения сравнительного исследования речевых актов связана с тем, что ядро теории речевых актов имеет панэтнический характер, а установить, является ли некоторое положение универсальным или лишь этнорелевантным, можно только на основе сравнительного анализа. Сравнительные исследования речевых актов будут способствовать созданию прагматической типологии, поиску прагматических универсалий" (Почепцов 1989).

К числу первых исследований такого рода принадлежит историко-компаративное исследование речевого акта квеситива на материале немецкой и английской драматургии 16-20 веков (Безуглая 1998), которое позволило выделить среди языковых и речевых явлений, соприкасающихся с функционированием квеситива, постоянные и переменные единицы. В качестве диахронических и межкузыковых переменных выступают единицы локутивного акта квеситива, в качестве диахронического инварианта и межкузыковой универсалии выделяется иллюкутивный акт квеситив.

Целесообразными и актуальными в этой связи были бы компаративные исследования других типов речевых актов. Спектр исследовательских объектов и подходов в функціональній типології очень велик, и расширение исследовательской практики именно в этом направлении способно принести множество интересных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безуглая Л.Р. (1998). Историческая динамика речевого акта квеситива в немецком и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук. - Харьков. 2. Гак В.Г. (1987). К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. - М.: Наука. - С. 37-48. 3. Журавлева Т.А. (1989). Сопоставительное изучение языков и некоторые проблемы сопоставительного терминоведения // Актуальные проблемы сравнительного языкознания: — Сб. научн. трудов / МГПИИЯ им. М.Тореза. - М. - Вып. 328. - С. 56-63. 4. Михальченко В.Ю. (1987). Актуальные аспекты сопоставительного описания языка межнационального общения // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. - М.: Наука. - С. 48-52. 5. Нерозник В.Л. (1987). О трех подходах к изучению языков в рамках синхронного сравнения (типологический, характерологический, контрастивный) // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. - М.: Наука. - С. 5-37. 6. Почепцов О.Г. (1986) Основы прагматического описания предложения: Дисс. ... д-ра филол. наук. - Киев. 7. Ярцева В.Н. (1986). Теория и практика сопоставительного исследования языков // Изв. АН СССР. Сер. Лит-ры и яз. - Т. 46. - № 6. - С. 493-500. 8. Bublitz W. (1978). Ausdrucksweisen der Sprechereinstellung im Deutschen und Englischen. Untersuchungen zur Syntax, Semantik und Pragmatik der deutschen Modalpartikeln und ihrer englischen Entsprechungen. - Tübingen: Niemeyer. 9. Hawkins J. (1988). The Unity of English/German Contrasts: Inferring a Typological Parameter // On Language: Rhetorica, Phonologica, Syntactica. - London, New York: Routledge. - P. 361-380. 10. König E. (1990). Kontrastive Linguistik als Komplement zur Typologie // Kontrastive Linguistik. - Frankfurt a. M. etc.: Lang. - S. 117-139.

О ПОЭТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ Б. БРЕХТА (формально-содержательный аспект)

Григорьева Л.М. канд. филол. наук (Харьков)

Поэтическое творчество Б. Брехта, столетие со дня рождения которого недавно широко отмечалось, исследовано еще явно недостаточно. В частности, за пределами анализа осталась такая черта его творчества, как поэтическая живопись - имеются ввиду стихотворения-картины, в которых "словесными мазками" рисуется какой-либо факт (артефакт) или как бы остановленное во времени событие. На основе анализа такого стихотворения художник мог бы создать картину. Естественно, разные художники создали бы разные картины, но в основе всех этих картин, однако, был бы инвариант.

Рассмотрим следующее стихотворение:

Die Maske des Bösen

*An meiner Wand hängt ein japanisches Holzwerk
 Maske eines bösen Dämons, bemalt mit Goldlack.
 Mitfühlend sehe ich
 Die geschwollenen Stirnadern, andeutend
 Wie anstrengend es ist, böse zu sein (Brecht 1976: 153).*

В этом стихотворении очень емко отражено единство абстрактного и конкретного: зло, представленное в виде конкретного существа, отрицательно по форме и содержанию и тяжело (даже физически) для творящего зло. Не употреблен ни один глагол, выражающий активное действие. Нетрудно себе представить, что на основе этого стихотворения могла быть создана картина. В духе современного синтетического искусства она могла иметь вместо надписи все это стихотворение, и зритель мог бы сопоставить свою трактовку картины с этим стихотворением, сравнить свое ощущение с лирическим „*ich*“ автора.

В следующем стихотворении содержится уже больше динамики:

Rudern, Gespräche

*Es ist Abend. Vorbei gleiten
 Zwei Faltboote, darinnen
 Zwei nackte junge Männer. Nebeneinander rudern
 Sprechen sie. Sprechend
 Rudern sie nebeneinander (Brecht 1976:152).*

Здесь в картине могут быть отражены средствами живописи все действия: *gleiten, rudern, sprechen* стихотворения, название дополнило бы только то, что не отразимо в картине - повтор действий „*Sprechend rudern sie - rudern - sprechend*“.

Следующие стихотворения построены в композиционном плане таким образом: сначала изображение - потом комментарии к нему. Без такого комментария картина лишалась бы основного смысла:

Zufluchtsstätte

*Ein Ruder liegt auf dem Dach. Ein mütlerer Wind
 Wird das Stroh nicht vertragen.
 Im Hof für die Schaukel der Kinder sind
 Pfähle eingeschlagen.
 Die Post kommt zweimal hin,
 Wo die Briefe willkommen wären.
 Den Sund herunter kommen die Fahren.
 Das Haus hat vier Türen, daraus zu fliehen (Brecht 1976: 103).*

Именно последняя строфа контрастирует с изображением тихого, спокойного дома: стихотворение относится к периоду борьбы против фашизма. Глаголы со значением состояния, покоя противопоставляются глаголу *fliehen*. Стихотворения такого рода довольно разнообразны. Так, после изображения может быть описание действий персонажа (автора) в данной обстановке:

Auf der Flucht

*Von der weißgetünchten Wand
Steht der schwarze Soldatenkoffer
mit den Manuskripten.
Darauf liegt das Rauchzeug
mit den kupfernen Aschbechern.
Die chinesische Leinwand,
Zeigend den Zweifler
Hängt darüber. Auch die Masken
sind da. Und
neben der Bettstelle
Steht der kleine sechslampige
Lautsprecher.
In der Frühe
Drehe ich den Schalter um und höre
Die Siegesmeldungen meiner Feinde (Brecht 1976:102).*

Глаголы активного действия появляются здесь в последних двух строчках, выражающих действие лирического персонажа („ich“) в изображенной обстановке: *drehe um - höre*. На основе описания комнаты могла быть нарисована картина, однако без комментария она не соответствовала бы замыслу автора стихотворения.

Обратим внимание, что и здесь появляется характерный для творчества Б.Брехта мотив маски. Этот мотив, как и вообще семиотический аспект анализа произведений писателя, заслуживает специального рассмотрения.

В анализируемом произведении большая часть - поэтическая живопись. Однако композиционные части могут быть примерно равны:

Der Rauch

*Das kleine Haus unter Bäumen am See.
Vom Dach steigt Rauch.
Fehlte er,
Wie trostlos dann wären
Haus, Bäume und See (Brecht 1976: 151).*

В этой лирической миниатюре в авторском примечании к изображению дома раскрывается замысел автора „без людей дом мертв“. Показано

это очень выразительными и экономичными средствами. Ни одного активного глагола, словосочетание *steigt Rauch* поддается изображению. Если была бы создана картина, то она, стихотворение и его название были бы взаимодополняющими.

Наконец, есть стихотворения, где изображение дано только в названии стихотворения:

Auf einen chinesischen Theewurzelöwen

Die Schlechten fürchten deine Klaue.

Die Guten freuen sich deiner Grazie.

Derlei

Hörte ich gern

Von meinem Vers (Brecht 1976: 155).

Здесь все стихотворение - это комментарий к заглавию, т.е. по сути развернутое сравнение.

Дальнейшее исследование поэтической живописи Б. Брехта может быть направлено на более полное изучение композиции стихотворений в зависимости от позиции „картины“ - в начале, конце, середине или как обрамлении всего стихотворения в целом.

Во всех рассмотренных случаях стихотворение и созданная на основе нашего художественно-мыслительного эксперимента картина находятся в отношении взаимной дополнительности. Хотя, как может судить автор, исследование лирики с такой точки зрения еще не предпринималось, все же на практике взаимодействие слова и изображения довольно широко используется при иллюстрировании художественных произведений, где живопись является не обязательным, а дополнительным средством экспрессии. С другой стороны, слово является часто обязательным компонентом картины — в качестве ее названия. Нередко без него картина (особенно в современной живописи символического или абстрактного направления) может быть неверно понята или вообще непонята. Названия особенно важны, когда картина и „тексты“ с ней связанные разделены, например, картины, посвященные определенным (достаточно известным) историческим событиям или эпизодам из библии, художественным героям и т.п.

Можно себе представить и более тесную связь, о которой мы выше вскользь упоминали: картина и стихотворение-название составляют единое целое, возникает своего рода синтетическое искусство. При этом поэт может вдохновиться картиной и наоборот; можно представить себе также случай, когда поэт и художник — одно лицо (подобно некоторым современным „бардам“). А для карикатур это, кажется, является нормой. Даже если трудится коллектив карикатуристов (напр. Кукрыниксы), разделение функций не обязательно.

17324004

Дальнейшее исследование лирики может быть продолжено также уже и в динамическом аспекте. При этом интересно сравнить развитие событий в сюжетном произведении (песня, баллада) с развитием кинематографического действия (см. в этой связи, напр. теоретические работы С. Эйзенштейна).

Многие стихотворения Б. Брехта - песни, зонги - переложены на музыку и исполняются как в спектаклях, так и отдельно. В связи с этим представляет интерес вопрос о возможности создания на основе еще не исполнявшихся песен клипов, где содержание песни органически связано с изображением определенных действий персонажей. В отличие от многих современных клипов, где изображение имеет очень отдаленное (или вообще никакого) отношение к содержанию песни, такие клипы позволили бы глубже раскрыть замысел автора.

Мысли, изложенные в данной работе, возникли у автора при перечитывании стихотворений Б. Брехта в связи с его юбилеем и обращением после этого к ряду классических работ (Лотман, 1972; Семиотика, 1983; Структурализм, 1975; Иванов, 1976 и др.).

Представляется, что дальнейшее исследование лирики Б. Брехта (а может быть и вообще поэзии) на основе идей, изложенных в вышеупомянутых работах и в исследованиях постструктурного периода, посвященных анализу поэтического текста и соотношениям между текстами разной природы, обладает значительным эвристическим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В.В. (1976). Очерки по истории семиотики в СССР. - М.: Наука.
2. Лотман Ю.М. (1972). Анализ поэтического текста. - Л.: Просвещение.
3. Семиотика (1983). - М.: Радуга.
4. Структурализм. "За" и "против" (1975). - М.: Наука.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО НАМЕРЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКОМУ АСПЕКТУ ОБЩЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Гриценко Е.И. (Черкассы)

Как известно, адекватное использование говорящими языковых средств на текстовом уровне зависит не только от знания грамматических правил и фоновых знаний, но и в не меньшей степени от речевой интенции говорящего, в соответствии с которой происходит развёртывание структуры текста и осуществляется выбор языковых форм, которые детерминиру-

ются конкретной ситуацией, образующей фон высказывания. Грамматические правила выступают в роли вспомогательного средства для организации и оформления передаваемого смысла. Речь идёт о том, что вне зависимости от смысла высказывания, оно гораздо чаще необходимо для оказания воздействия на коммуникативного партнёра, нежели для обмена информацией (Bolinger, Sears 1981:145). Другими словами, имеется в виду прагматический эффект речевого произведения.

Анализ языка как средства коммуникативного воздействия и взаимодействия ставит перед прагматикой тройственную задачу: 1) объяснение условий, при которых высказывание или принимается или отвергается; 2) формулирование принципов, которым должно удовлетворять высказывание для его успешной реализации; 3) выявление связи приемлемого и успешного высказывания со структурой или интерпретацией дискурса (Dijk 1977:3-4).

Изучение явлений языка в аспекте прагматики отражает закономерный интерес к содержательной стороне языка. Выдвижение на первый план проблемы «значения» означает смещение акцента в лингвистических исследованиях, когда действие, вызываемое высказыванием, становилось основным критерием самого речевого акта; языковое же оформление тех знаков и сигналов, которые служили причиной соответствующих действий, не связывались с какой-либо грамматической конструкцией, а допускалась возможность многовариантного грамматического построения высказывания (Колшанский 1984:128). Современные методики выдвигают требование усилить практическую направленность обучения, что согласуется с общей установкой лингвистической прагматики знать, какие речевые действия (вопрос, утверждение, просьба, приглашение, возражение и т.д.) и в какой ситуации могут осуществляться при помощи тех или иных грамматических форм. Таким образом, вслед за многими исследователями, мы считаем, что необходимо обучать умению выражать сомнение или радость, удовлетворение или недовольство, высказывать пожелания, просьбы, то есть при помощи вербальных сигналов (лексически и грамматически оформленных) передавать состояния, эмоции и чувства, что важно для коммуникативного воздействия. В свете указанного выше представляется естественным искать прагматику речевого общения не в области взаимоотношений языковых знаков, а в сфере взаимоотношения людей, участвующих в коммуникации.

Прагматический момент играет также большую роль в способах достижения того или иного эффекта или цели в построении языка текста в различных аспектах - выразительности (красноречие), корректности (смысловой и грамматической), стилистики (соблюдение жанровых особенностей, учёт социального статуса ситуации). Таким образом, именно

стилистическое оформление текста способствует созданию эффекта, который текст оказывает на партнёра по коммуникации, и эта воздействующая сила может рассматриваться как одна из сторон прагматического воздействия языка, в основе которого лежит отбор специальных средств языка (Колшанский 1984:137). Из сказанного вытекает, что любой стилистический приём, употребляемый в любом диалоге или монологе, в принципе есть способ организации речевого акта, в котором обеспечиваются со стороны коммуникантов адекватные передача и восприятие его содержания, смысла, включая и фактор прогнозируемого воздействия как неотъемлемой части речевого общения. В основу речевого акта кладётся единство содержания любого речевого произведения, включая все аспекты смыслового наполнения языковой единицы (информативный, интенциональный, экспрессивный, эмоциональный и т.д.) в том понимании, что признание единства и цельности семантики языковой единицы не налагает запрета на аспектные использования этого сложного явления (Колшанский 1984:145).

В лингвистических исследованиях последних лет выделяются два подхода к определению прагматической стороны языка. Первый подход предопределяет восприятие языкового знака как средства формирования определённой мысли с последующим достижением какого-то результата. Второй подход изучает воздействие вербальной формы на поведение человека. Использование языка входит в содержание речевого акта (РА) и шире - речевой деятельности (РД). В каждом фрагменте коммуникативного процесса содержится момент воздействия на партнёра по коммуникации. Это позволяет заключить, что «прагматический аспект языка есть не что иное, как его коммуникативная функция» (Колшанский 1984:149).

Таким образом, порождая текст на разных его уровнях, учащиеся не просто обмениваются информацией, а используя соответствующие языковые и речевые средства, реализуют свои коммуникативные намерения, воздействуя на партнёров в той или иной степени. Причём, от степени воздействия в определённой мере будет зависеть выбор грамматической структуры и стилистическая окраска высказывания. Следовательно, необходимо, чтобы в сознании студентов установилась связь между их коммуникативными намерениями и необходимыми языковыми средствами и стилистической дифференциацией речи. Это положительно скажется на одном из важнейших параметров речи - её корректности, которую следует рассматривать не только с точки зрения языковой системы, но и речевой нормы (общепринятого употребления) и узуса (соответствия речевой ситуации) (Г.И.Богин, Л.К.Мазунова, Ю.И.Осипов, Л.П.Смелякова).

Общепризнано, что коммуникация рассматривается не как разрозненные факты, а как системы с ядром в виде конкретной единицы РД - рече-

вого акта. Одним из предназначений РА является осуществление воздействия на партнёра по коммуникации (например, привести в замешательство, напугать, оскорбить и т.д.), то есть имеет место перлокутивный акт.

В структуре РА выделяются следующие основные компоненты: 1) говорящий; 2) адресат; 3) исходный материал высказывания; 4) цель сообщения; 5) развитие, внутренняя организация РА; 6) контекст и ситуация общения.

К категориям, отражающим его специфическое положение, относятся: 1) локализация речи (выделяются три её вида: персональная, пространственная и временная); 2) модальность, отражающая отношение сообщаемого к действительности с точки зрения говорящего и модуса, выражающего знание, волю, чувства говорящего по отношению к тому, что сообщается; 3) оценка; 4) эмотивность (эмоциональность); 5) дистантность (степень заинтересованности говорящего в сообщаемом) (Демьянков 1986:13).

Таким образом, речевой акт, как сложное образование, соотносится со способом вербализации намерения говорящего и обладает способностью отражать социальный, психологический и лингвистический аспекты языка. Ориентация коммуникативного подхода на речевые акты приводит к смещению акцента от речевых и грамматических структур иностранного языка к его коммуникативным функциям, соответственно, задачей обучения грамматическому аспекту общения становится освоение студентами «широкого спектра функциональных средств, позволяющих выражать всевозможные отношения партнёров по общению» (Мельник 1986:18), используя при этом адекватные языковые средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов А.С. (1973) Английская буржуазная философия XX века. - М.: Мысль.
2. Демьянков В.З. (1986) «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы // НЗЛ. - М.: Прогресс. - Вып. XVII. - С. 223-235.
3. Колшанский Г.В. (1984) Коммуникативная функция и структура языка / Отв. ред. Г.В. Булыгина. - М.: Наука. 4. Мельник С.И. (1986) Текст как единица обучения при коммуникативном подходе // Проблемы интенсивного обучения иностранным языкам дипломированных специалистов: Сб. науч. тр. / Под ред. С.И. Мельник (отв. ред.), И.А. Зимняя и др. - М. - Вып. 280. - С. 15-29. 5. Bolinger D., Sears D.A. (1981) Aspects of Language. - N.Y.: Harcourt, Brace, Jovanovich.
6. Dijk T.A., van. (1977) Text and Context: Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse. - London - N.Y.: Longman.

ON THE INTERPERSONAL DIMENSION OF WORDPLAY

Dmitrenko V. O., Morozova M.V. (Kharkiv)

Punning traditionally enjoys a rather poor reputation with conversationalists: puns count as frivolous and superficial even as vehicles of humor, and certainly contribute nothing to the ongoing conversation. A pun constitutes a little showcase with a single conversationalist performing for the others. Further, as Sherzer (1978) points out, puns disrupt topical talk by misconstruing and redirecting it. One does not announce puns or preface them as one does anecdotes and "canned" jokes. We cannot ask if our listener has heard the one about so and so, because puns grow out of the immediate context of talk. They test our attention to this context, and our ability to reanalyze the talk within it rapidly, as well as our ability to take a joke in some cases; that is why punning infrequently finds its place in ongoing conversation.

Of course, we test for more than attention to context and analytic aptitude with our wordplay. We may play on rather marginal senses of a word, those related to arcane or abstract areas of knowledge. And we may play on more or less covert sexual and religious connotations of words and phrases. So we gather insight into the background knowledge of our listeners, and also into their attitudes toward and tolerance about potentially embarrassing and taboo areas. Wordplay has no monopoly on this sort of insight, of course: personal anecdotes and canned jokes can and often do touch on sensitive topics like politics, religion, and sexuality. But the allusions in wordplay are better camouflaged, more easily denied, and hence more effective tools of reconnaissance.

Puns rank quite high not only on the scale of testing but of aggression as well. For some conversationalists, and especially for some pairs or larger groups in frequent contact, wordplay provides a recurrent instrument of redistributing power relations.

The present article is an attempt to explore power relations in wordplay as found in a specific type of jokes. In their structural aspect, if we follow Jefferson, Sacks, Schegloff, and other works in Conversation Analysis, these jokes consist of one or two successive turns taken by two speakers. These turns are organized into so-called adjacency pairs at the micro-level of analysis. The adjacency pair consists of a question / statement / command and a response to it. The question / statement / command counts as a "first pair part", which constrains the sort of turn which can occur in the next conversational slot as its "second pair part".

Now, as Schegloff (1987) points out, in real conversation the recipient of any utterance that ordinarily requires a response may choose to "joke first" before

producing the relevant second part. In doing a joke-first the recipient of an utterance generally pretends misunderstanding and reanalyzes it in such a way as to clash with the current context. The joke-first often plays on an ambiguity or vagueness in a particular word or phrase, and hence depends not only on a particular semantic content but also on a particular lexical or syntactic form.

The jokes considered in this article are "canned" puns where the "joke-first" turn serves as a punchline. There is no context to follow. Thus the recipient of the joke does not know what the reaction of the first speaker might be: the testing function of the joke remains beyond its bounds. Yet the jokes of the given type provide the minimal context in which the exchange is taking place. This minimal context allows us to analyze the power relations involved.

Let us turn to specific examples, which are taken from the collection of linguistically based jokes and anecdotes by G.G.Pocheptsov.

(1) *Judge Ben B.Lindsey was lunching one day – it was a very hot day – when a politician stopped beside his table. "Judge," said he, "I see you're drinking coffee. That's a heating drink. In this weather you want to drink iced drinks, Judge, – sharp iced drinks. Did you ever try gin and ginger ale?"*

"No," said the Judge, smiling, "but I have tried several fellows who have."

The Judge constructs an ambivalent utterance with one meaning oriented toward understanding the preceding utterance and a second meaning also fitted to that utterance but based on a contextually inappropriate analysis of it—which is roughly the definition of the pun Sacks (1973:139) offers. The punning turn consequently clashes with the topic and tenor of current conversation, while the linguistic element "try" establishes its claim to a rather tenuous formal relevance. Thus, in the passage above, talk shifts abruptly from the "small talk" about the weather and the suitable drinks to the professional area of trial via the fortuitous connection based on the use of homonymous forms. Interpersonally, the Judge's remark can be given the following interpretation: the Judge, resenting the politician's act of negative face threatening (the Judge's desire to be left alone), shifts from the "lunch" scenario to the "court" scenario. He stresses his power of a judge in order to maintain distance and make the politician act respectful in the lunch situation as well.

(2) *"How many times have I told you to fall in for these formations on time, private Smith?"*

"I don't know, sergeant. I thought you were keeping the score."

In this joke the situation (the army) is set by the words "private", "sergeant" and "formations". Thematically jokes like this one are based on the stereotypical perception of an officer as stupid and demanding and a private as smart and trying to make his life easier. Here we deal with a typical positive face threatening act that brings out the relations of subordination. Yet the smart retort of the

private reverses them by misinterpreting the illocutionary force of a reprimand as a question.

(3) *The decrepit old car drove up to the toll-bridge.*

"Fifty cents," cried the gateman.

"Sold," replied the driver.

Here we deal with the negative face threatening act of the gateman. The driver shifts of scenario of a "toll-bridge" to "auction" - reversing the roles implying that it is the gateman who ought to pay him. The implication of the driver's willingness to sell his car for fifty cents adds up to the effect of neutralizing face threatening.

(4) *A scriptwriter was describing a scene to film director Mike Curtiz when Curtiz cut in to tell him how the scene should be played. The writer tried to go on, but Curtiz held up his hand.*

"Please don't talk while I'm interrupting," he snapped.

Here the first pair part is given in indirect speech, thus seemingly not meeting the requirement of adjacency pair we have formulated above. But the wordplay here has metalingual function to the degree that it comments on language forms and ways of speaking, in our case, on the speech acts of "talking" and "interrupting". Also, Curtiz's remark is built on an intertextual reference, since it reverses the well-known phrase "Don't interrupt while I'm talking." It also demonstrates what Tannen (1986) calls the "paradox of power and solidarity", whereby a single turn allows dual interpretation in line with both power / negative politeness and with solidarity / positive politeness. Thus Curtiz's remark, while bringing the scriptwriter to order and showing "who the boss is" in the given situation, is a mitigated face-threatening act. This effect is achieved through applying to humor based on wordplay.

Thus it can be concluded that punning as a type of wordplay may function not only to amuse or to test but also to verbally attack: both the positive and the negative face of the speaker or / and the hearer can be threatened. Here humor serves as an instrument of redistribution of power relations of the participants.

LITERATURE:

1. Sacks, Harvey. (1973) On some puns with some intimations. In *Report of the twenty-third annual roundtable meeting in linguistics and language studies*, ed. by R. W. Shuy, 135-44. Washington, DC: Georgetown University Press.
2. Schegloff, Emanuel A. (1987) Some sources of misunderstanding in talk-in-interaction. *Linguistics* 25. 201-18.
3. Sherzer, Joel. (1978) Oh! That's a pun and I didn't mean it. *Semiotica* 22. 335-50.
4. Tannen, Deborah. (1986) *That's not what I meant!* New York: Morrow.

К МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Ейгер Г.В., докт. филол. наук (Харьков — Хаммельн)

Дальнейшее развитие лингвистики требует более углубленного изучения лингвистических объектов, разработки новых классификационных систем на основе современных представлений о языке и накопленных эмпирических данных. Ниже предлагается одна из возможных моделей описания лингвистических объектов (ЛО).

ЛО — это любой элемент языка, обладающий формой, значением и/или функцией. Признаками ЛО являются: 1) форма, 2) значение, 3) функция, 4) коннотация, 5) сочетаемость с другими ЛО, 6) роль и 7) позиция в составе ЛО более высокого яруса. Каждый признак может состоять из субпризнаков и иметь количественные характеристики. Субпризнаки и признаки в ЛО носят системный характер. Они установлены априорно и апостериорно и охватывают все уровни языка.

Между ЛО существуют следующие семантические отношения. Во-первых, отношения подобия (от изоморфизма до гомоморфизма), например, семантическое и/или функциональное сходство. Отношение идентичности свойственно только моделям ЛО. Во-вторых, отношения взаимосвязи: а) $ЛО_1$ детерминирует $ЛО_2$; б) $ЛО_1$ и $ЛО_2$ детерминируют друг друга. Более детальные семантические отношения (характеризация, экспликация, причинно-следственная, условная связь и др.) проявляются на разных уровнях и в разных типах ЛО.

ЛО взаимодействуют в речевом потоке: а) субпризнаки $ЛО_1$ или их совокупность влияет на выбор конкретных субпризнаков ЛО и/или их взаимосвязи; б) субпризнаки $ЛО_1$ и $ЛО_2$ влияют друг на друга. В результате в языке могут возникать новые ЛО, их модели и варианты.

Развитие ЛО происходит следующим образом: 1) ЛО утрачивает категориальные признаки; 2) ЛО приобретает некоторые признаки; 3) ЛО утрачивает одни, приобретает другие признаки; 4) то же касается связей между признаками. Пути развития 1—3 могут сочетаться с развитием по четвертому типу. Таким образом, возникает большое число вариантов развития. Их релевантность определяется конкретным типом ЛО и задачами исследования. Ими же определяются изменения признаков и их взаимосвязей, переводящих ЛО из одного класса объектов в другой. Развитие одних ЛО может менять взаимосвязи, характер взаимосвязей с другими ЛО.

На основе указанных признаков уже созданы различные описания и классификации ЛО (например, в части речи, грамматические категории, члены предложения, поля, пространства и т.п.). Между тем монографи-

ческие работы, которые бы последовательно описывали все взаимосвязи ЛО и их признаки отсутствуют. Особенно мало описаны связи между признаками и субпризнаками, допускающие весьма разнообразные комбинации. Их изучение позволит установить более тонкие, "интимные" связи внутри языка, описать наряду с релевантностью/нерелевантностью невозможность определенных связей, что само по себе представляет немалый теоретический интерес.

Модель описания ЛО построена по принципу "от формы — к признакам". Разработка описания "от признаков — к формам реализации", с одной стороны, даст более систематическое и подробное описание этих признаков, с другой стороны, покажет их спецификацию для изучаемых уровней и классов.

Модель описания ЛО может быть использована для системного описания сравнения языков (например, для установления частных и общих универсалий), она может привести к созданию эволюционной типологии языков.

В процессе перевода переводчику приходится неоднократно (осознанно или неосознанно) оперировать как целыми ЛО, так и их признаками (на которые "разлагается" ЛО одного языка при поиске соответствия в другом). Предложенная модель в этом смысле должна способствовать развитию теории перевода (в частности, исследованию процессов анализа и синтеза).

Предлагаемая модель может быть также использована (при соответствующей экспликации и дополнении признаков) при изучении текстов (видов, типов, "сортов") и жанров литературы (с привлечением литературоведческих понятий). Ее абстрактный характер допускает экстраполяцию на другие семиотические системы или системы, рассматриваемые в семиотическом аспекте.

В психолингвистическом плане модель описания ЛО может оказаться полезной при изучении становления языкового сознания в онтогенезе, для психолингвистической онтологии, а также для исследования стадий "измененных состояний" человека.

В методологическом аспекте модель можно использовать при исследовании такой важной и практически неизученной проблемы, как мышление лингвиста в процессе классификации и идентификации ЛО. В этом отношении существенный интерес представляет сравнение деятельности лингвиста с деятельностью биолога-систематика, поскольку биология относится к наукам, в которых классификация играет важную роль и достаточно исследована (как в теоретическом, так и в практическом плане). Затем, идя "от настоящего к прошлому", можно будет изучить развитие классификационных идей в истории лингвистики.

С психологической точки зрения интерес представляет экспериментальное изучение действий “наивного” носителя языка при решении задачи классификации лингвистических объектов в сравнении с действиями при классификации других объектов.

Такая широкая применимость модели описания ЛО объясняется тем, что ею охватываются основные логические категории — вещь, свойство и отношение, а также важнейшие логико-семантические связи. Все это позволяет полагать, что данная модель обладает значительным эвристическим потенциалом.

ДО ПИТАННЯ ПРО ГРАМАТИЧНЕ ЗНАЧЕННЯ КАТЕГОРІЇ СТАНУ ЯК ЛІНГВІСТИЧНОЇ УНІВЕРСАЛІЇ

Жабoryuk O., канд. філол. наук (Одеса)

Категорія стану як лінгвістична універсалія - це, в нашому розумінні, лінгвістичне явище, здатне діяти лише у висловлюваннях, співвідношеннях в об'єктивній дійсності з процесами-відношеннями і яке забезпечує на базі певного відрізка мовлення, а також в межах відповідного йому процесу-відношення, “інверсію” думки. З наведеного визначення бачимо, що воно ґрунтується на двох філософських передумовах, а саме, на обов'язковій співвідносності з процесом-відношенням і на динамічності мислення. Розглянемо ці дві передумови детальніше. Однак перш, ніж це зробити, необхідно визначитися з рядом інших, більш загальних філософських проблем, які можуть загальмувати процес їх осмислення.

Передусім, проблема співвідношення мови і мислення. Як відомо, в лінгвістиці й філософії ця проблема розглядається під різними кутами зору. Не отожднюючи поняття мова і мислення, все ж відзначимо, що за своїми суттєвими характеристиками, своєю природою, вони взаємообумовлені. Адже основною функцією природної мови є висловлювання і передача думки. Більше того, крім мови не існує більше жодної — ані природно, ані штучної — “системи”, яка так повно задовольняла б “запити” мислення. Про це свідчить уже сама структура мови, адже в ній немає жодної категорії, яка була б змістовно “пустою”, - навіть формальної.

Звідси зрозуміло, чому лінгвістика і логіка в своєму розвитку останнім часом ідуть назустріч одна одній. Філософи й логіки все частіше залучають факти природної мови, як і деякі досягнення лінгвістики, для з'ясу-

вання суті мислення, а лінгвісти, зі свого боку, намагаються створити "алгоритм" функціонування мови, спираючись на досягнення логіки. Через це звернення до таких понять, як "думка" і "процес" здається нам цілком правомірним. Тим більше, що лінгвісти уже давно вільно оперують цими та іншими філософськими термінами.

Процес відношення передбачає наявність, як мінімум, двох субстанцій, що забезпечує йому певний потенціал для "розвороту" думки - адже кожна з цих субстанцій при певних комунікативних умовах може стати основним предметом думки. Саме на цьому етапі процес мислення "вступає в конфлікт" з мовою. Суть цього "конфлікту" полягає в тому, що "динаміка" мислення блокується усталеним конвенціональним характером номінативних одиниць, які мають властивість лише "однонаправленого" (лінійного, або морфологічного) комбінування в потоці мовлення. Зміна "напряму" розташування комбінованих одиниць на "протилежний" неминуче приведе або до їх лексичної несумісності (при певних морфологічних змінах, теж обумовлених мисленням), або ж до повного перекручення думки (нижче проілюструємо це прикладами).

В процесі свого розвитку мова, йдучи за мисленням і намагаючись найповніше задовольнити його вимоги, "виробляє" засіб, здатний зняти цей "конфлікт" і відкрити шлях для вільного руху думки. Саме таким засобом і є категорія стану.

Спробуємо розкрити зміст поняття "думка", оскільки воно впритул підводить нас до розуміння суті категорії стану.

Слід зауважити, що до поняття "думка" стосовно категорії стану ми прийшли не відразу. Нас "підвела" до цього спроба розібратися в суті лінгвістичної структури предикації, у межах якої і реалізується ця категорія.

Загальновідомо, що лінгвістична структура предикації завдячує своєю назвою і своїм категоріальним оформленням структурі логічній. Вважалося, і до цього часу вважається в певних лінгвістичних колах, що ці структури співвідносні одна одній. Якщо це так, то необхідно визнати, що лінгвістична структура предикації опосередкована, через структуру логічну, виражає той "згусток" змісту, без якого немислиме будь-яке висловлювання, а звідси - сама виступає в ньому "носієм" змісту. Таку точку зору відстоюють зокрема представники так званої "логіко-граматичної школи".

Останнім часом досить широкого розповсюдження набула інша - протилежна точка зору, яку в лінгвістиці репрезентує так званий "темарематичний напрям". Згідно з цією точкою зору лінгвістична структура предикації є нічим іншим, як основним організуючим (синтаксичним), центром висловлювання і далеко не завжди співпадає з логічною структурою. Остання, як відомо, більш мобільна і залежить від комунікативної ситуації.

Зіставляючи ці полярні точки зору, слід, на наш погляд, перевагу віддати першій з них. Спробуємо це обґрунтувати.

Спостереження над мовленням показують, що, як не може бути жодного висловлювання без "сміслового вузлика", тобто, по суті, без логічної структури предикації, так і не можливе його (висловлювання) існування поза мовною структурою предикації. Інша річ, що ця остання не завжди експліцитно виявлена. Як і логічна структура предикації, вона завжди транс-універсальна. В цьому її особливість у порівнянні з іншими лінгвістичними явищами, універсалізмами включно.

Лінгвістична структура предикації - це засіб, за допомогою якого здійснюється процес "мовленнєтворення". Суть його полягає не стільки в синтаксичній організації висловлювання в єдине ціле, скільки в "синтезуванні" суб'єктивного елементу з об'єктивним - мислимого "я" висловлювана з тим або іншим елементарним процесом об'єктивної дійсності. (На співвідносність структури предикації з елементарним процесом об'єктивної дійсності першим звернув увагу проф. А. Корсаков).

Справді, саме в структурі предикації наявні всі ознаки такого синтезу, а саме: часова характеристика процесу, характеристика його через призму "особи", "числа", "роду", "способу" тощо. Адже всі ці категорії хоч і обумовлені об'єктивно, насправді - мисленні (суб'єктивні) (Корсаков 1978). Про це свідчить чимало лінгвістичних фактів і, передусім, так звані "аномалії": вживання теперішнього часу з метою передачі об'єктивно минулих або ж майбутніх процесів, різночасова характеристика партнерами по діалогу одного й того ж процесу, наявність в різних мовах неоднакової кількості часових форм для передачі одного й того ж часового плану (наприклад, минулого), вживання займенників "ми" і "ви" замість "я" і "ти" і т. ін. Лише визнаючи суб'єктивний характер категорій, які стоять за цими явищами, можна їх пояснити.

Наше розуміння структури предикації як засобу мовленнєтворення, в процесі якого здійснюється "синтез" двох елементів - суб'єктивного і об'єктивного, співпадає з трактовкою цього лінгвістичного явища Г.Г. Почепцовим, який "предикації (Іванова и др. 1981:164).

Що ж являє собою другий компонент "синтезу", який реалізується в межах структури предикації, а саме - "елементарний процес об'єктивної дійсності"? Визначення цього поняття, введенного в лінгвістичний обіг А. Корсаковим, передбачає специфічне існування однієї або декількох субстанцій в просторі і в часі (або ж відношень між ними). Як стверджує С. А. Васильєв, "бути чимось означеним - це те ж саме, що мати певний смисл, становити певну цінність для людства як всесвітнього суб'єкта діяльності" (Васильєв 1989:85). Розкриваючи ж поняття "смысл" в даному контексті, С. А. Васильєв пише: "Поняття смыслу не має жорсткої орієнтації на психологію, а тому може правити за логічний еквівалент думки" (Васильєв 1989:19).

Зіставляючи висловлювання лінгвіста і філософа, бачимо, що вони "перегукуються": лінгвістична структура предикації через поняття "специф-

ічне існування" (певне буття) співвідноситься з думкою. Звідси висновок: лінгвістична структура предикації служить засобом висловлення елементарної думки.

В процесі ж операцій категорії стану ця структура, як відомо, зазнає суттєвих змін - як формальних, так і смислових. Вона повністю "переорієнтовується" на "новий" підмет, новий логічний суб'єкт, який в даній мовній ситуації займає (в лінійному потоці мовлення) місце попереднього підмета. Це дає підставу не тільки для введення поняття "думка" у визначення категорії стану, а й обумовлює введення в це визначення терміну "інверсія".

Запропоноване визначення структури предикації, по-перше, відкриває шлях до розкриття суті категорії стану, до чого ми, власне, й прагнули, а, по-друге, воно може посприяти у визначенні поняття "речення", при умові, звичайно, відмови від таких "ненадійних" параметрів думки, як "закінченість" чи "незакінченість".

Повертаючись до визначення категорії стану, можемо тепер з переконливістю твердити, що воно може стосуватися не лише мов з так званим "жорстким" порядком слів, але й мов, де цей порядок не є фіксованим. Це визначення допомагає знайти відповідь на запитання, в чому полягає різниця між такими висловлюваннями, як, наприклад, "Книга читається хлопчиком" і "Книгу читає хлопчик" порівняно з "вихідним" - "Хлопчик читає книгу".

У висловлюванні "Книга читається хлопчиком" наявні всі ознаки інверсії думки. Логічним суб'єктом у ньому є вже не субстанція "хлопчик", а "книга", бо саме ця субстанція репрезентується як певним способом існуюча в часі, саме на неї зорієнтовані такі "особистостні" (суб'єктивні) характеристики, як часова і кількісна ("читається", а не "читалась"; "книга", а не "книги" - відповідно). Інакше кажучи, ця субстанція стає своєрідним центром, в якому реалізується "синтез" двох елементів - суб'єктивного з об'єктивним, мисленого "я" з процесом об'єктивної дійсності. На рівні мови, як це вже відзначалося вище, логічна структура предикації передається лінгвістичною структурою. Цілком природно, що ця структура має передумовою ряд перетворень "вихідного" висловлювання: змінювання лінійного порядку слів, змінювання відмінка іменника, співвідносного з "новим" логічним суб'єктом і переведеного у зв'язку з цим у ранг підмета; погодження дієслівної форми присудка з підметом (в роді, числі, відмінку). Ці перетворення "породжують" нове висловлювання "Книга читає хлопчика", яке суперечить нормі української мови. "Зняти" цю суперечність може лише структура стану - у даному випадку частка "-ся" та орудний відмінок іменника, який уже не є логічним суб'єктом думки.

Отже, можна сказати, що "інверсія" думки умовно протікає у два етапи: фіксація її за допомогою структури предикації (етап, обов'язковий для всіх висловлювань) та усунення лексичних і семантичних "суперечностей", спричинених тим, що ці одиниці вступають в нові, нехарактерні для них зв'язки.

А тепер прокоментуємо висловлювання "Книгу читає хлопчик". Порівнюючи це висловлювання з "вихідним" - "Хлопчик читає книгу", ба-

чимо, що в обох цих висловлюваннях “синтез” мисленого “я” висловлювача з процесом об’єктивної дійсності проходить на стику номінативних одиниць “хлопчик” і “читає”, а це означає, що обидва наведені висловлювання містять у собі, фактично, одну і ту ж думку. Ця думка, зрозуміла, скріплена лінгвістичною структурою предикації.

Особливість першого висловлювання полягає в тому, що, крім передньої думки, в ньому зроблено ще й акцент (тема-рематичний, або емпатичний) на одній із “складових” частин” думки, причому цей акцент припадає на субстанцію, яка не є логічним суб’єктом. Таким чином різниця між висловлюваннями “Книга читається хлопчиком” і “Книгу читає хлопчик” при зіставленні їх з висловлюванням “Хлопчик читає книгу”” полягає в тому, що перше з висловлювань передає інвертовану думку, тоді як друге - лише акцентовану (або емпатично забарвлену). Відмінність першого висловлювання (порівняно з “вихідним”) - суттєва, тоді як другого - відтінкова.

Інверсія, як це впливає уже з самого терміну, що ним позначене давше явище, не може відбуватися на “голому місці”. Для її здійснення необхідна наявність певної бази. Такою базою для інверсії (а звідси й для категорії стану) слугує сформований у процесі взаємообумовленого розвитку мови і мислення певний “банк” висловлювань, який відбиває т. зв. “природний стан речей”. Характерною особливістю цих висловлювань, що уже неодноразово відмічалось, є “однаправленість” лінійного (або морфологічного) поєднання номінативних одиниць. Вірогідно, що цей тип висловлювань є найбільш давнім. Саме як такий, він і став тією мисленнєво-мовною базою, яка дала поштовх подальшому розвитку мови і мислення. “Як “матеріал” для мисленнєвих операцій, - справедливо відзначає Піаже, - людина починає використовувати не речі та їх матеріальні заміники, а висловлювання” (цит. по Брюшинкіну (Брюшинкин 1988:71)).

Звернення до висловлювань як до матеріалу для мисленнєвих операцій відкриває для мислення нові можливості. В свою чергу нові мисленнєві операції вимагають від мови більшої гнучкості, в результаті чого в ній формуються нові категорії. Саме за таких обставин і виникла категорія стану.

В процесі більш глибокого осмислення дійсності людина поступово усвідомлює можливість інвертування процесів-відношень, уже сформованих в її свідомості як “базових” уявлень про дійсність та закріплених в “однаправлених” висловлюваннях. Під тиском необхідності мова виробляє нову категоріальну форму - форму стану, яка “припасовує” “базові” висловлювання до умов інверсії.

Виходячи з цього, ми пропонуємо замість традиційних термінів “активний стан” і “пасивний стан” позначати опозиційні стани структури номерами, які б вказували на послідовність їх утворення (формування): Стан I і Стан II.

Підводячи підсумки сказаному, відзначимо, що висловлене нами розуміння категорії стану є лише першою спробою проникнення в суть цієї

складної, сповненої суперечностей, проблеми. Складність і проблема-тичність вирішення її полягає в тому, що корінням своїм вона глибоко вросла у "вічну" проблему взаємовідношення мови і мислення, яку "кожна епоха порушує та вирішує по-своєму" (Васильєв 1989:12-13).

ЛІТЕРАТУРА

1. Брюшинкин В.Н. (1988) Логика, мышление, информация. - Л.: Изд-во ЛДУ. - 146 с.
2. Васильев С.А. (1989) Синтез смысла при образовании и понимании текста. - К.: Наукова думка. - 238 с.
3. Иванова Й.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. (1981) Теоретическая грамматика современного английского языка. - М.: Высшая школа. - 281 с.
4. Корсаков А.К. (1978) Употребление временных форм в современном английском языке. - К.: Вища школа. - 233 с.
5. Корсаков А.К. Синтаксис современного английского языка. - Одесса: Рукопись.

A BRIEF REVIEW OF CONTEMPORARY COMPOSITION IN THE UNITED STATES

Zemliansky P. (Florida)

Composition theory, as a defined discipline within English studies, formed in the United States in the 1950s. In the fifties and the early sixties, first composition and rhetoric departments were organized, training of composition teachers began, and the most prominent journals in the field, *College Composition and Communication*, gained strength.

Before the 1950s, writing in college was almost always taught by professors of literature. It was assumed that if a person has a PhD in English (i.e. literary studies), he or she could successfully teach writing. This understanding resulted in a number of inefficient and even harmful pedagogical practices. First year college students were asked to write about topics, irrelevant to them, more attention was paid to the form than to the content, and mechanical errors were heavily penalized, thus discouraging beginning writers from writing. This approach, with its almost obsessive attention to mechanics and the "proper" use of language became known as "current-traditional" and is now either abandoned or heavily modified in most educational establishments.

Ever since composition became a defined discipline in the fifties, three large schools of thought in the field have been competing with each other for prominence and attention of educators and book publishers. These three schools are the so-called "expressivists", "academics", and "social-constructivists". Each of these schools has its proponents and opponents in the contemporary US educational system. It is safe to say, however, that lately the social-constructivists view of writing has gained a lot of popularity and to some extent eclipsed the other two theories.

Expressivist ideas emerged in the sixties. As its name suggests, expressivism sees writing as a means of self-expression and self-actualization of the writer. Audience is considered somewhat secondary, and the writer, especially, the student of writing, is invited to experiment with language and ideas. Perhaps, the two most prominent and still active theorists of expressivism are Peter Elbow and Donald Murray. In 1973, Elbow wrote his landmark book Writing without Teachers. In it, he proposed a model of teaching writing, where peers instruct each other by reading each other's work and critiquing it. Elbow believes that writers do too much "editing," thus preventing a free flow of thought: "It's not just 'mistakes' or 'bad writing' we edit as we write. We also edit unacceptable thought and feelings" (Elbow 1973:5). Later in the book, Elbow proposes that students are not constrained by the requirements of academic writing and the college environment but explore their thought and ideas instead. Teachers, according to Elbow, need to be encouraging more than critical, helping student writers write more instead of correcting mistakes.

Expressivists reject the one and only "correct" language. The writer's language, according to them, is evidence of the writer's meaning. Donald Murray writes, "... wrong word, the clumsy clause, the misplaced modifier, which are too often ruled mistakes in the English course, may be evidence of language being used to lead the mind to meaning" (Murray, 1970:25).

"Academics" have opposed expressivist ideas. In 1995, College Composition and Communication printed the now-famous debate between expressivist Elbow and "academic" David Bartholomae, who teaches at the University of Pittsburgh. Bartholomae, like most proponents of the "academic" theory of college writing, wrote that students come to university in order to master a certain mode of language use — language of academic writing. Hence, according to Bartholomae, a student must learn a set of "rules," which would help him or her write more "like an academic." Clearly, this approach goes contrary to the ideals of self-expression and self-fulfillment, put forth by Elbow, Murray, and other expressivists. In his other famous essay "Inventing the University," Bartholomae tries to prove the validity of the academic approach. He says that most first-year students write poorly not because they do not know how to write at all, but because, when they come to college, they face an unknown environment — the environment of academic writing. According to Bartholomae, "students locate themselves in a discourse that is not 'naturally' or immediately theirs" (Bartholomae, 1998:25). The task of the teacher, then, is to bring the student closer to his new (academic) discourse and away from non-academic writing.

Recently, the movement of "social-constructivists" has been gaining force. Social constructivists believe that what anyone (including students) writes is shaped and influenced not by the author's own or the academic community's ideas and rules of discourse, but by all social factors and impressions. Briefly described, the social constructive theory does not call for exploration of one's own ideas; nor does it defend teaching students the rules of the academic

community alone. Instead, social constructivists argue that students of writing must learn to adapt to all kinds of discourses, depending on the purpose of writing, the audience, and other factors. One of the best known social constructivist scholars Mike Rose wrote that the teacher must acquaint students with as many "stylistic and formal conventions across the disciplines and explain how to determine and respond to them" as possible (Rose, 1981:73). Therefore, here we are talking not about learning the rules of one writing community but of being able to recognize and use modes of discourse used by many such communities.

This view appears attractive, especially because contemporary US college students are often asked to read and write across disciplines, which all have different conventions and rules of discourse.

All three schools of thought have their fans among practicing teachers. Most writing programs, though, use a combination of the three. Those who prefer expressivist pedagogy often use free-writing in the classroom, when students are asked to write for several minutes about anything that comes to their minds, without paying attention to the mechanics. Such writing is then used as a stepping stone towards shaping of an essay, for invention and focusing of topics. Within the expressivist framework, students are always given a free-reign in the choice of topics and forms of the compositions. Some teachers even ask their students to experiment with fiction, poetry, and play-writing. Such teachers see their task not in preparing students to be academics, but in helping them become at ease with their own ideas and thoughts and know how to express them.

Conversely, proponents of the "academic" school put a heavy emphasis on academic modes of writing. While they encourage students to begin with writing about what they already know well (past experiences, family events, etc), their eventual goal is to lead students to composing about academic to composing about academic subjects. A good example of an academically-based course is Facts, Artifacts, and Counterfacts by David Bartholomae and Anthony Petrosky (1986).

Social constructivists encourage extensive class discussion of social, ethical, and academic issues. They teach their students to look for topics for their essays everywhere in life—from everyday encounters to television and popular culture. Social constructivists teach students to recognize and analyze points of view and argue their own. However, as I said before, a teacher who proclaims himself or herself a social constructivist, usually uses such "expressivist techniques as free writing or such "academic" modes of discourse as research writing. A notable example of a recent socially-based textbook, which is used in many universities, including Florida State, is *The Presence of Others*, edited by Andrea Lunsford and John Ruszkiewicz. (1997).

There is constant debate between representatives of all three movements in composition, each of them trying to defend their own approach. While in general the social constructivist approach has dominated the composition scene in the past ten or fifteen years, occasionally articles and books are published, reminding readers about the benefits of the other two theories.

WORKS CITED

1. Bartholomae, David. (1998) "Inventing the University." Background Readings for Instructors Using The Bedford Handbook. Ed. Glenn Bialock. — Boston. Bedford Books.
2. Bartholomae, David, Anthony Petrosky. (1986) Facts, Artifacts, and Counterfacts. — Upper Montclair, NJ: Boynton/Cook Publishers.
3. Elbow, Peter. (1973) Writing without Teachers. — New York: Oxford University Press.
4. Lunsford, Andrea, John Ruszkiewicz, Eds. (1997) The Presence of Others: Voices that Call for Response. New York: St. Martin's Press.
5. Murray, Donald. (1970). "The Interior View: One Writer's Philosophy." College Composition and Communication. — 21. — 1 — pp: 21-26.
6. Rose, Mike. (1981) "Sophisticated, Ineffective Books-The Dismantling of Process in Composition Texts." College Composition and Communication. — 32. — 1 — pp. 65-74.

К ПРОБЛЕМЕ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ (на материале однокоренных словообразовательных синонимов)

Ищенко Н.Г., канд. филол. наук (Киев)

В современном немецком языке выделяется обширная группа абстрактных существительных с категорией собирательности, оформленные разными словообразовательными формантами, которые вступают в синонимические отношения друг с другом (Зенюк 1974: 96-130).

Происхождение имен собирательных связано с формированием и развитием языковых средств выражения количественности. Имя собирательное может выражать в определенном контексте известное, количественно определенное, конкретное множество из ряда предметов. В этом случае оно выполняет функцию номинативного множества как целого. Употребляясь в номинативной функции, имена собирательные обозначают совокупность лиц как тип множества, и в таком понимании они представляют собой лексический неформализованный способ выражения множественности, соответствующий конкретному осмыслению количественных отношений.

В истории языков именам собирательным принадлежала активная роль в развитии языковых средств множественности, коллективности.

Под собирательными существительными понимается структурно-семантический разряд слов, в основу которого положен принцип отношения имени существительного к категории числа, множественности, собирательности, коллективности. Данный разряд собирательных объединяет существительные с различным лексическим значением, особенностью которых является выражение категории собирательности, множества, определенной совокупности предметов, лиц формообразующими и словообразовательными средствами.

Предметом данной статьи являются словообразовательные синонимы, оформленные различными словообразовательными средствами, выражающие категории собирательности, совокупности, множества, коллективности.

Имена собирательные представлены различными словообразовательными парами, рядами, различным морфологическим составом, различной словообразующей структурой.

1. Собственно собирательные существительные наиболее типичные, представленные разнообразным по своему морфологическому и словообразовательному составу существительными, у которых отсутствуют соотносительные формы единственного и множественного числа: *das Bauerntum – die Bauernschaft, das Studentum – die Studentenschaft, die Gemeinschaft – die Gemeinde*. Названные имена существительные с категорией собирательности не образуют форм множественного числа, не сочетаются с количественными числительными. Их называют неисчисляемыми существительными, содержащими в единственном и множественном числе семы множественности и совокупности. Поэтому критерием их отнесения к собственно собирательным, независимо от формальных и словообразовательных средств выражения ими категории собирательности, является отсутствие у них соотносительных форм единственного и множественного числа.

2. Синонимические пары итеративных имен существительных, выражающих категорию собирательности, представляют собой абстрактные отглагольные образования с общей корневой морфемой, выражающие в единственном числе совокупность отдельных повторяющихся действий, объединенных в одно целое. Эти синонимические пары представлены образованиями различного морфологического типа:

1) префиксальным образованием с префиксом *ge-*, с одной стороны, и суффиксальным образованием, с другой: *das Geschrei – die Schreierei, das Gelispel – die Lispelei, das Geschäft – die Beschäftigung*;

2) префиксально-суффиксальными образованиями с префиксом *ge-* и с суффиксом *-e*, с одной стороны, и суффиксальными образованиями с другой: *das Gerede – die Rederei, das Geseuf – die Säuferei*;

3) отглагольными суффиксальными образованиями с вариантными суффиксами, с обеих сторон: *die Deutelei – die Deuterei, die Dudelei – die Duderei*;

4) образованиями с синонимическими суффиксами от производящих основ, относящихся к различным частям речи: *die Macherei – die Machenschaft*.

Названные образования проявляют синонимичность, прежде всего в наличии общей корневой морфемы в тождественных или нетождественных производящих основах и в наличии синонимичных суффиксов, хотя синонимичность может наступить также и при присоединении вариантных суффиксов (Грицина 1976: 44-52). Все данные словообразовательные синонимы при наличии общности ряда факторов – общего лексического значения, общей корневой морфемы, общей производящей основы – различаются сло-

вообразовательными формантами и стилистически значимым компонентом-экспрессией и функциональным отличием. Данные словообразовательные синонимы не обладают соотносительными формами числа и способны выражать формой единственного числа совокупное множество действий.

3. Однокоренные параллели с категорией собирательности, совокупности могут быть представлены синонимическими парами, образованными от имен прилагательных и имен существительных различными морфологическими способами:

1) суффиксальными, образованиями с синонимическими суффиксами: *die Gemeinsamkeit – die Gemeinschaft*;

2) суффиксальными образованиями с вариантными суффиксами: *Gesetzlosigkeit – Ungesetzlichkeit, Gelehrsamkeit – Gelehrtheit*;

3) образованиями с нулевым суффиксом, с одной стороны, и суффиксальными образованиями, с другой: *das Geschick – das Schicksal, das Gesamt – die Gesamtheit*.

4) существительные, обозначающие большое количество: *die Zahl – die Anzahl, das Unmaß – die Unmasse*. Они выражают неопределенное множество предметов или лиц, обладая при этом семой множественности и одновременно семой неопределенного количества.

4. К собирательным существительным относятся иногда некоторые вещественные имена, которые объединены одинаковой семой – семой совокупности: *Eiterung – Vereiterung, Zähheit – Zähigkeit, Wirre – Wirnis, Wirrsal, Wirrung, das Erbe – die Erbschaft*.

5. Групповыми собирательными являются существительные, проявляющие синонимичность в своих морфологических признаках – производящей основе и синонимических суффиксах: *Ritterschaft – Rittersum, Ritterschaft – Ritterlichkeit, Gemeinde – Gemeindegemeinde*.

Во всех представленных синонимических рядах существительные с категорией собирательности, совокупности, коллективности характеризуются в своем большинстве четкими словообразовательными параметрами: оформлены словообразовательными формантами, в большинстве случаев производные первой степени производности, в качестве производящих основ служат основные части речи: существительное, глагол, прилагательное; в качестве словообразовательных формантов служат, в основном, немецкие суффиксы: *-schaft, -tum, -ei (-erei, -elei), -sel*, реже: *-ung, -heit, -keit*. Среди названных словообразовательных формантов большинство – синонимические суффиксы, которые подтверждают свою синонимичность семантической и функциональной общностью.

По своей семантике имена собирательные неоднородны. Семантика собирательных производных зависит от конститuentов, которые составляют словообразовательную структуру собирательных имен существительных.

Семантическая специфика производных заключается в том, что значение таких слов обусловлено их структурой. Каждая производная имеет в своей структуре две составные части: категориальную и индивидуальную (Кубрякова 1981: 131-138). Так, в словах *Bruderschaft*, *Witwenschaft* элементы *bruder-*, *witwen-* создают неповторимый облик каждого слова, а элемент *-schaft* является их общей частью, так как благодаря ему мы можем судить о принадлежности слова не только к определенной части речи (имени существительному), но и к такой группе, как *nomina qualitatis*. Всем словам с данным суффиксом присуще значение "предметности" в широком смысле этого слова, т.е. лексико-грамматическое значение существительного как части речи. Наличие такого значения связано не только с суффиксом, но и в первую очередь с особой парадигмой существительного, так как суффикс *-schaft* (суффикс с категориальным значением собирательности) чаще всего присоединяется к основам существительных: *Ritterschaft*, *Gegnerschaft*. Семантика собирательных существительных с суффиксом *-schaft* обусловлена семантикой производящей основы и семантикой или одной из сем семантической структуры суффикса *-schaft*: коллективность, собирательность, совокупность людей связанных признаком, выраженным в производящей основе: *Ärzterschaft*, *Lehrerschaft*, *Sängerschaft* (Мурысов 1980: 34-42).

Кроме того, в производных с суффиксом *-schaft* могут быть представлены две семы: собирательность и абстрактность: *die Nachbarschaft* – соседство (абстрактность), соседи (собирательность).

Характерной чертой собирательности является то, что она может рассматриваться в зависимости от речевой ситуации, цели высказывания, стиля, языкового восприятия, либо как разновидность единичности, противостоящая множественности, либо как разновидность множественности (коллективная, собирательная множественность), противостоящая единичности.

Рассматривая категорию собирательности на фоне категорий множественности, единичности, абстрактности, нужно отметить, что таких фонов может быть и больше, поскольку важным фактором является речевая ситуация, которая оказывает значительное влияние на представление, вызываемое этим словом у адресанта и адресата. Это обуславливает разнообразие контекстуальных, переносных значений слов, среди которых может быть и значение собирательности и возможности установления синонимичных отношений.

Таким образом, категория собирательности, представленная в современном немецком языке как синонимичными, так и вариантными аффиксами, различными аффиксальными словообразовательными моделями – префиксальными, суффиксальными (включая модель с нулевым суффиксом), префиксально-суффиксальными – является семантической предпосылкой, формально-семантическим ресурсом для создания словообразовательных синонимов, внося в их лексическое содержание различные свои отношения: коллективность, совокупность, множественность, способствуя при этом возникновению семантической цельности слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицина Н.І. (1976) Система зв'язків полисемічних суфіксів (на основі дослідження суфіксальних елементів *-schaft*) // Інземна філологія. Вип.41. – Львів. – С.44-52.
2. Зенюк Н.И. (1974) К вопросу сущности и методики исследования абстрактных существительных в немецком языке // Романское и германское языкознание. – Минск. – С.96-103.
3. Кубрякова Е.С. (1972) О соотношении парадигматических и словообразовательных рядов в германских языках // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. – М. – С.172-188.
4. Кубрякова Е.С. (1980) Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – С.133-138.
5. Мурясов Р.З. (1980) Словообразовательная система современного немецкого языка. –Уфа. – С.34-42.
6. Шубин Э.П. (1974) О функционировании аффиксальных и маркирующих сегментов // Вопросы лексикологии и стилистики английского языка. – Пятигорск: Изд-во ПГПИ – С.98.

ПРОБЛЕМА ІМПЛІЦИТНО-ЕКСПЛІЦИТНИХ ЗВ'ЯЗКІВ У СВІТЛІ ТЕОРІЇ МОВНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

Кагановська О.М., канд. філол. наук (Київ)

Причини загальної переорієнтації системи наукових досліджень на концептуалізацію подання фактів дійсності полягають як у політичних змінах останніх десятиліть, так і у позитивних зрушеннях людської свідомості кінця ХХ сторіччя, коли процес структурування суспільних та індивідуальних знань потребував звернення до когнітивних основ їх набуття та репрезентації. Теорія дискурсивного аналізу, розроблена американськими і розвинута західноєвропейськими когнітологами, зумовила дещо інший підхід до проблеми подання об'єктивної реальності: починаючи з експериментів у фізиці і завершуючи дослідженнями у галузях математичної (прикладної) лінгвістики та психолінгвістики, основною стає не проблема безпосереднього, “прямого” викладу матеріалу, а його розподілення і збереження у ментальних структурах. Значний недолік, яким протягом багатьох років відрізнявся підхід до системи досліджень в цілому, тобто вузьке, односпрямоване, “фрагментарне” бачення суто фактичного матеріалу без усвідомлення його витоків у мовленнєво-мисленнєвому процесі, призвів до того, що декілька поколінь як фахівців-практиків, так і теоретиків-науковців залишилися поза дійсно науковим підходом до обраної проблематики.

Можливість застосування концептуального підходу до наукових досліджень знайшла конкретне втілення у теорії лінгвістичної комунікації

американського вченого Р.Якобсона, який, беручи за основу теорію інформації та телекомунікації, обґрунтував думку про те, що змістом буття мовлення є здійснення комунікації (мова ще не йшла про розкриття терміну “вдалої” комунікації) між людськими істотами. Схематично зображена, його ідея може бути представлена таким чином: послання, що є центром і метою комунікації, знаходиться на інформаційній межі між адресатом і адресантом, реалізація інтенцій яких здійснюється завдяки контексту (або референтній віднесеності) шляхом проходження каналу через певний код (Milly 1992:34). Якщо не вдаватися у деталі і залишити цю схему без моделювання, можна стверджувати, що вона у першому наближенні подає основи теорії мовної комунікації. Подальший розвиток схеми Р.Якобсона дозволив виділити у відповідності із зазначеними вище факторами специфічні мовленнєві функції, де місце експресивної чи емотивної функції є одним із найвизначніших і чи не найдоступніших для обох комунікантів. З вираженням відношення адресата до того, про що він говорить, пов’язана конативна функція, спрямована на адресанта і реалізована певними синтаксичними та логіко-семантичними засобами (звертання, перехід від дійсного до наказового способу у процесі спілкування). Фатична функція викликана потребою звернення до каналу, тобто функціонує при намірі встановлення, продовження чи припинення комунікації, в той час як металінгвістична функція полягає у висвітленні складових функціонування коду (маючи на увазі роль визначень, апозицій та коментарів). Нарешті, поетична функція, яку нерідко називають стилістичною функцією, полягає у визначенні самої сутності послання, його внутрішньої форми незалежно від інформативного навантаження, що має на меті поєднати референційну та конативну функції. Таким чином, послання перестає бути простим засобом, перетворюючись на об’єкт власного інтересу.

Розглянуті вище фактори та функції, які визначають певні моменти у розвитку теорії мовної комунікації, передбачають урахування постульованої Л. Єльмслевим теорії про доцільність проведення аналізу, починаючи не з окремих елементів, а в єдиному комплексі, що дозволяє погодитися з думкою В.М.Ваняркіна про те, що будь-яке явище слід розглядати як з точки зору його компонентів, так і з точки зору їх синтезу на вищому рівні, тобто як явище, що посідає самостійне місце в ієрархічній мовній структурі і наділене в повній мірі функціями, пов’язаними з існуванням мовної комунікації (Ваняркин 1994:3).

Таке багатоаспектне явище як текст природно володіє притаманними йому текстовими категоріями, що зумовлюють його розуміння в рамках даних категоріальних ознак, і не останню роль у процесі розуміння запропонованого повідомлення відіграє поняття норми. Норма художнього тексту відрізняється від розуміння норми тексту взагалі, бо узвичаєне

відхилення від норми, що існує як текстова аномалія, в рамках художнього тексту стає нормою “комунікативно-текстового дистанціювання”, своєрідною “ новою ” нормою, що кодифікується і, отже, підлягає певним нормам. Останнє положення пояснюється тим фактом, що текстова діяльність припускає не просто комунікацію у вигляді передачі інформації лінійного характеру, а комунікацію емоційну, що сприяє асоціюванню певних мовних фактів з позамовленнєвою ситуацією. При адекватному розумінні градація знань адресанта минає етапи від пресупозиції до правил семантичного висновку та умовиводів (Молчанова 1988), що є важливим у разі звертання до значних концептуальних категорій, репрезентація яких не може бути частковою і розуміння яких потребує знань суміжних наук. Крім того, особливості мовної комунікації в різних галузях науки (що вже є предметом окремої науки про науку, а саме — наукознавства) сприяли висуванню в сучасних дослідженнях питань правильної, “вдалої” комунікації, що забезпечує однозначне тлумачення одиниць тексту, що створюється.

Якщо абстрагуватися від поняття однозначності, намір “правильного” розуміння реалізується у висловленій М.М.Бахтіним думці: “Два моменти визначають текст як висловлювання: його задум (інтенція) і здійснення цього задуму. Динамічні взаємовідносини цих моментів, їхня боротьба обумовлюють характер тексту”¹ (цит. за: Радзиевская 1990:148). У певному розумінні величина відстані між задумом і його здійсненням є важливою категоріальною одиницею при сприйнятті тексту: при її зростанні явно спостерігається посилення тенденції до багатозначності, тоді як при зменшенні відстані стає можливим виділення одиничного варіанту з багатьох підваріантів.

Інформативна і смислоформуюча функції певним чином перехреснюються з проблемою реконструкції адресатом запропонованої моделі світу. Цей процес проходить у кожній людини по-своєму, в особливому, її власному варіанті, однак образи, що містяться в тексті, алюзії і контрасти, висловлені безпосередньо, експліцитно, дозволяють мати хоча б загальне уявлення про те, що випущено і припускається. Можливість відтворення тексту і складає його семантику, наведену в структурі змісту як цілісне і системне утворення, що виникає в інтелекті людини, в її відношенні до лінійної структури.

Експлікована змістовно-концептуальна інформація, володіючи чіткими семантичними ознаками, відрізняється високою структурованістю і, хоча прямо не пов'язана з характеристиками тексту, зв'язок між елементами здійснюється через трансформації ознак, що утворюють по відношенню до словникового складу мови своєрідний гіперпростір. Інакше

¹ Тут і далі переклад з російської мови наш (О.К.).

кажучи, імпліцитна інформація є поданою у вигляді перетвореної експліцитної інформації, трансформації внутрішньої суттєвості існуючих зовнішніх ознак. В процесі подібного перетворення досить серйозною в загальнотеоретичному плані є проблема збереження смислової адекватності невираженої даності, бо ймовірність часткового викривлення смислового наповнення при черговій трансформації може значно віддалити текст від первісних інтенцій адресанта. Текстопобудова можлива з цієї точки зору як чинність, спрямована на розв'язання протиріччя між інтенціями та їх реалізацією, дія, в результаті якої відбувається як розмежування всіх компонентів тексту, так і визначення кожному з них функцій в залежності від існуючої форми вираження.

Подання факту відведення мові ролі знаряддя не тільки в процесі комунікації, але також при формуванні і експлікації думки, дозволяє з позицій сучасних психологічних та психолінгвістичних досліджень дещо уточнити поняття мислення по його відношенню до свідомості і прийняти тезу про те, що справжнє розуміння тексту не зводиться до уміння шляхом застосування певних мовних правил отримати повне семантичне уявлення. Поділяючи положення про те, що з більш протяжною системою пов'язуються більш складні функції мови, доцільно навести висунутий С.Д.Кацнельсоном постулат про заданість (а не спонтанність!) елементів мовного ряду: "Потреби формування думки і наступної її комунікації визначають характер мовних елементів, що послідовно включаються в мовленнєво-мисленнєвий процес на різних фазах його протікання" (Кацнельсон 1984:5). Таким чином, породження та інтерпретація тексту покликані вирішувати передусім емоційні й мисленнєві задачі, а потім вже – суто практичні, бо в будь-якій діяльності (і текстова діяльність не є винятком) саме задум передуює конкретним операціям і вибору засобів їх здійснення.

Психолінгвістичний нюанс розуміння й адекватного відтворення мовного повідомлення настільки значний, що викликає необхідність розгляду певних мовних явищ окремо в кожному з підвидів мовлення, підтвердженням чому є існування численних досліджень. У зв'язку з цим відмінності зовнішнього мовлення від внутрішнього з урахуванням орієнтації першого на слухача зумовлюють не тільки їх специфічну синтаксичну будову, але й істотно впливають на форму експлікації думки, визначаючи тип словесної комунікації. Трансформуючи думку Л.С.Виготського про "уявну чернетку" (Виготський 1982:341) і пристосовуючи її до поняття текстової невираженості як факта неспівпадання протікання думки з розгортанням мовлення, можна стверджувати наступне: імпліцитна частина інформації базується на тому, що міститься у думці відправника повідомлення і виникає у його одержувача в процесі комунікативного акту.

В такому випадку лінійний характер розгортання мовної структури має, з одного боку, припускати знаходження обох частин на одному, формально рівнозначному рівні, а з іншого, розуміти процес породження висловлювання в цілому як "витканий" із структурно релевантних одиниць більш низького порядку в більш великі блоки, з допомогою яких подається думка, що фіксує інтенції та мету відправника інформації.

Входження читача в ситуацію висловлювання зумовлює надбання останнім знань, якими він до ознайомлення з текстом не міг володіти. Водночас читач втілює в чинність власну, притаманну лише йому, програму конструювання тексту, минаючи паралельно з останнім етапи екстеріоризації інтеріоризованого мовлення. Інакше кажучи, як відмічає Г.Г.Почепцов (Почепцов 1981:267), відправник, реалізуючи свій задум як в експліцитній, так і в імпліцитній формах, навмисно надає можливість збереження не тільки інформації, переданої в формі прямих тверджень, але й інформації, що повідомляється в них опосередковано. Отже, породження мовлення стає процесом принаймні триєдиним (відправник - текст - одержувач), в якому прихід до оптимального можливого змістовного варіанту практично неможливий. Інакше кажучи, запропонована А.А.Леонтьєвим ще наприкінці 60-х років (Леонтьєв 1969) теорія тричленності структури висловлювання, яка надає мовній чинності заздалегідь зумовленої мотивованості та цілеспрямованості/в термінах теорії інформації може бути подана як така, що складається з програмування, здійснення програми та зіставлення того й іншого. Однак при зовнішній складності програми по формуванню мовного висловлювання основним є пошук і перевірка вибору тієї чи іншої одиниці з резервів тривалої пам'яті, в яких певним чином (передусім за здатністю асоціювання) містяться лексичні одиниці й граматичні парадигми. Таким чином, важливим з точки зору кореляції імпліцитно-експліцитних зв'язків є розкриття наступного положення: щоб значення малося на увазі, воно повинно міститися у внутрішній структурі висловлювання, незважаючи на те, має воно чи ні словесно-оформлене вираження в найближчому контексті або ж таке вираження здатне виділятися із заздалегідь зумовлених ментальних структур.

Водночас, зазначене положення дозволяє в дещо іншому ракурсі подавати категорію смислу у зв'язку з тим, що "сміслові завдання" не може бути ні одностороннім, ні одномоментним: мова йде не тільки і не стільки про окремі смисли, скільки про взаємодію (в іншій термінології - накладення, перетин) смислів, що примушує визнати спірність зауваження А.В.Бондарко з приводу обов'язкової наявності певної маркірованості шляхом використання окремих граматичних структур (Бондарко 1986:16). З наведеного вище положення варто зробити два досить узагальнюючих висновки. По-перше, акцент робиться на протиставленні смислової струк-

тури формальний, хоча, на нашу думку, використання самого терміну "протиставлення" можливе лише в загальнотеоретичному, методологічному плані. В даному випадку протиставлення явищ, що природно співіснують в інтегральній єдності і володіють властивістю взаємопроникнення, тільки підкреслює їхню двоєдну (і не тільки таку, що складається з даних двох елементів) сутність. Інший висновок, що впливає з першого, стосується галузі ментальних людських суттєвостей, які віддають перевагу в деяких випадках не безпосередньому, а скоріше опосередкованому найменуванню. Останнє ж, розглядаючись в онтогенезі не тільки власного знання, але й суспільне передбачуваної свідомості в зв'язку з наявністю соціальної відображувальної властивості будь-якого типу тексту та інтерактивного впливу індивідів, відрізняється досить розгалуженою структурою. Ця структура обумовлює вихід у різноманітні парадигми знань, накопичення і творча переробка яких здатні в принципі призвести до переходу від однієї парадигми до іншої, що визначає в цілому спіралеподібну структуру пізнавального процесу. З іншого боку, співіснування декількох парадигм знання, що розуміється як порушення "закоу знаку", тобто ідеальної однооднозначної відповідності вираження і змісту, видається одночасно порушенням закономірним, таким, що не позбавляє природну мову притаманної їй якості знакової системи, в чому й полягає її відмінність від будь-якої іншої системи в ряду семіотичних систем.

З точки зору особливостей формально поданої та неформально існуючої інформації в ракурсі їхнього співвідношення з іншими елементами дорозумовання визначається інтегративна функція даного двостороннього процесу, що спонукає, на думку О.С.Кубрякової, вивчати "інтеріоризовані форми і мови, і свідомості [...] через об'єктивно екстеріоризовані явища" (Кубрякова 1997:32). Своєрідна єдність двох видів номінацій (незалежно від рівня дослідження) не дозволяє розглядати їх відокремлено, бо в будь-якому тексті постійно спостерігаються ці дві протилежно направлені, але взаємодіючі тенденції. Останнє положення дозволяє тлумачити категорію мовної структури в плані розгляду невідповідності між інформацією явною та прихованою в конкретному мовному знаку з урахуванням "розширювальної можливості", що у ньому міститься. Якщо поділяти точку зору, згідно якої дорозумовання представляє опосередковану форму номінації, суттєвість даного явища може бути подана в аспекті теорії мовленнєвих актів. Звідси впливає висновок про те, що імплікативний компонент мовної комунікації покликаний не просто стимулювати ту або іншу форму відповіді (йдеться не лише про вибір з якоїсь безлічі варіантів); шляхом певної форми він обумовлює специфіку протікання мисленнєвих процесів, зумовлюючи входження в нові ментальні структури.

Лінгвістичні основи теорії мовної комунікації висвітлюють роль лексик, синтаксису та стилю в процесі адресатно-адресантних відносин. Надання лексичі особливого значення в ході вербального вираження емоційно-психічної і кваліфікативної сфери ставить дану категорію у виїняткове становище при дослідженні інтенціональності тексту. У певному розумінні співвіднопуваний ряд імпліцитно-експліцитних зв'язків можна уявити у ракурсі взаємодії багатозначності й неоднозначності слова, коли пропоноване значення підводить до розуміння асоціативного ряду значної величини.

Необхідність комплексного підходу до вивчення проблеми тексту у теорії мовної комунікації як до свідомо організованого результату мовленнєтворчого процесу визначила рівноцінне вивчення всіх його компонентів, заздалегідь передбачаючи їх вихід на певні мовні рівні. Тенденція розгляду досліджуваного об'єкту не розчленовано, а в єдності "нарівні з іншими різнорівневими одиницями й елементами тексту в аспекті їхніх віртуальних потенцій та актуальних властивостей, що проявляються в процесі створення тексту як комунікативної одиниці, в процесі формування загальних і часткових текстових категорій" (Воробьева 1986: 33), підтвердила необхідність "укрупнення" дослідницького базиса, надаючи йому більш чіткого смислового спрямування в реалізації смислорозрізнявальних структурних одиниць мовної системи. Певно тому багатосмислове розуміння художнього тексту не тільки припускає можливість наявності імпліцитного змісту поряд з експліцитним, але й обумовлює його існування в ряду актуалізованих властивостей тексту. З цієї точки зору можливий розгляд імпліцитності в зв'язку з експресивністю тексту, що припускає звернення до контрастних мовних і мовленнєвих форм. Останні пов'язані, передусім, зі змістом повідомлення і комунікативною ситуацією, що є передумовою руйнування автоматизму сприйняття і заміни їх на більш живі й відчутні побудови. В такому випадку експресивність побічного, опосередкованого (позатекстового) вираження нарівні з його безпосереднім варіантом представляється категорією комунікативно-прагматичною, хоча варіативність значень при її розгляді не настільки вже рідкісне явище і с позицій урахування чинника двох комунікантів робить можливим її сприйняття як цілісної, заздалегідь визначеної структури.

Таким чином, проблема цілісності розгляду взаємовідношень імплікації та експлікації у художньому тексті видається зумовленою поєднанням когнітивного та комунікативного аспектів, що дозволяє їх подавати в світлі теорії мовної комунікації. З цих позицій онтогенетичне корегування зв'язків між безпосередньо висловленою інформацією і такою, що мається на увазі (а отже, дорозумлюється), чітко простежується при усвідомленні як психолінгвістичних основ породження мовлення, так і тієї ролі, яку в

цьому процесі відіграють форма і зміст, смисл і значення, авторська та читачька точки зору.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. (1986) Семантика предела // Вопр. языкознания. - Москва. - №1. - С.14-24.
2. Ваняркин В.М. (1994) Экспрессия как фактор текстообразования : Дис. ... канд. филол. наук. - Днепропетровск: ДДУ.
3. Воробьева О.П. (1986) Стилистические средства в аспекте интеграции текста // Исследование целого текста : Тез. докл. и сообщений совещания. - М.: Наука. - С.33.
4. Выготский Л.С. (1982) Мышление и речь // Собр. соч.: В 6-ти т. / Под ред. А.Р.Лурия, М.Г.Ярошевского. - Т.2. - М.: Педагогика. - С.5-361.
5. Кацнельсон С.Д. (1984) Речемыслительные процессы // Вопр. языкознания. - Москва. - №4. - С.3-12.
6. Кубрякова Е.С. (1997) Части речи с когнитивной точки зрения. - М.: РАН.
7. Леонтьев А.А. (1969) Психологические единицы и порождение речевого высказывания. - М.: Наука.
8. Молчанова Г.Г. (1988) Семантика художественного текста (импликативные аспекты коммуникации). - Ташкент: ФАН.
9. Почепцов Г.Г. (1981) Предложение // И.П.Иванова, И.В.Бурлакова, Г.Г.Почепцов. Теоретическая грамматика современного английского языка. - М.: Высшая школа. - С.164-281.
10. Радзиевская Т.В. (1990) Прагматические противоречия при текстообразовании // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. - М.: Наука. - С.148-162.
11. Milly J. (1992) Poétique des textes. - P.: Edition Nathan.

ИНТОНАЦИОННАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Калита А.А., канд. филол. наук (Киев)

Высказывание принято рассматривать в контексте и в речевой ситуации, которые определяют коммуникативную значимость выбора интонации. При таком рассмотрении нетрудно убедиться в том, что языковая модель предложения-высказывания, реализуясь в различных ситуациях, подвергается разнообразным изменениям, преобразованиям, усложнениям, осуществляемым в основном на уровнях порядка слов и интонации. Указанные изменения выполняют дополнительные речевые функции: композиционно-синтаксическую, обязательную для каждого предложения-высказывания, и факультативную — экспрессивно-оценочную [Золотова 1973: 331].

Звуковые формы высказывания, будучи связаны в языке с определенными значениями, играют роль важнейших элементов формирования этих значений. С помощью таких элементов в процессах реальной коммуникации в сознании носителей языка закрепляются и воспроизводятся речемыслительные навыки. Поэтому элементы формирования системы значений звучащей речи, существующие на определенном культурно-исто-

рическом отрезке развития языка и общества, переходят в качестве объективированного ортодоксального знания отдельных значений к индивиду как их непосредственному пользователю.

Индивид использует при общении систему значений для определенного коммуникативного воздействия на собеседника. При этом эффективность реализации воздействующей функции достигается повышением экспрессивности высказывания, выражающей отношение говорящего к предмету или явлению, их оценке и т.п. Вообще говоря, экспрессия является одной из важнейших коммуникативных универсалий, так как даже обычная, называемая нейтральной, или монотонная речь позволяет достигать эффекта экспрессивности благодаря именно их намеренной нейтральности или монотонности. В связи с этим значения интонации всегда несут экспрессивную окраску, поскольку они имеют речевой характер.

В функциональном плане интонацию можно рассматривать как средство выражения мысли говорящего, отражающее сложную совокупность психических переживаний, побуждающих и сопутствующих реализации его интенций на основе задач коммуникации. Однако, чаще всего система значений, передающих оттенки эмоций говорящего, не может существовать вне контекста. Поэтому они возникают в речи на основе главного семантического содержания в структуре типовых контекстов и ситуаций. Являясь источником экспрессивности, такие значения именуются в лингвистике коннотативными и характеризуются практически бесконечным многообразием форм и альтернатив взаимодействия образующих их средств.

Проблема определения значения вообще и значения интонации в частности является весьма непростой и поэтому до настоящего времени не получила своего однозначного разрешения. В наиболее общем виде значением высказывания в лингвистике принято считать отображение реальной действительности, становящееся фактом языка и связанное с определенным звучанием. В структуре высказывания это отображение играет роль его внутренней стороны (содержания), по отношению к которой звучание языковой единицы выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и сообщения его другим, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития [Ахманова 1966:160].

Известно [Crystal 1992:214], что лингвисты, изучая значение, используют его как критерий для оценки других аспектов языка с применением понятий оппозиции, контрастивности и дистинктивности. Как видим, понятие "значение" в языке тесно связано с функционированием нелингвистических факторов, таких, как мысль, ситуация, знание, интенция и использование. Поэтому естественным представляется подход, направленный на выделение ведущих факторов, содействующих общей интерпре-

тации значения высказывания: отношения между языком и сущностью, событиями и т.д.; отношения между языком и мышлением говорящего; воздействия вариаций экстралингвистической ситуации на понимание и интерпретацию языка. В теоретических работах используется традиционная терминология, понятийное поле которой включает дефиниции следующих значений: лексическое, грамматическое, просодическое или интонационное, а также семантическое, пропозициональное, когнитивное и т.д., и т.п. Здесь, как правило, проявляется влияние механизма или специфики взаимодействия компонентов, интегрируемых в общее значение высказывания [Kalita 1998].

Что же касается смысла, то в семантике этот термин обычно контрастирует с референцией, входящей в толкование понятия "значение". Референция, или денотация, рассматривается как экстралингвистическое понятие сущности, состояния дел, и т.п. во внешнем мире, который символизирует лингвистическое выражение. С другой стороны, смысл относится к системе лингвистических (смысловых) отношений, внутри которых одна языковая единица контрастирует или находится в оппозиции с рядом других единиц [Ахманова 1966:313].

Формирование смысла высказывания в каждой речевой ситуации направлено [Арутюнова 1972:267-270] от коммуникативного замысла к номинации события. Следовательно, смысл высказывания формируется в процессе выбора и комбинации конкретных номинативных средств, в результате чего значение предстает как функция от смысла предложения-высказывания. Таким образом, высказывание создает специфические условия функционирования каждой интонационной единицы в речи, а смысл всегда представляет собой одну из возможных актуализаций значения в конкретном акте общения, где осуществляется переход смысла в значение. Иными словами, речевой смысл — это ситуативное значение, которое базируется на переосмыслении содержания высказывания и либо объединяется с пропозициональным значением, либо может приобретать противоположное значение. Специфика интонационной организации различных прагматических типов высказываний осуществляется с помощью смыслов-стереотипов и коннотаций говорящего.

Поэтому современные исследования интонации связаны с установлением ее влияния на коммуникативную направленность высказывания (см. например, [Brazil 1997]; [Cruttenden 1995]), т.е. с определением ее содержательности. Это объясняется тем, что интонационная система языка более подвижна, чем грамматическая [Торсуева 1979:29]. Таким образом, выражаемые интонацией значения точнее отвечают конкретным целям общения, а иногда являются единственным средством передачи смысла высказывания. В работе [Crystal 1969:282] акцентируется внимание на семанти-

ческом анализе интонации и обосновывается его приоритетность в исследованиях по интонологии. Углубляя данный подход, автор работы [Bolinger 1972] предлагает интерпретировать значения интонации независимо от конкретной семантики высказывания, т.е. соотносить их со смыслом.

Исходя из того, что в “фонологической системе ни один различительный признак не может существовать изолированно, вне оппозиции” [Якобсон 1990:34], было предложено установить такой их набор, который позволял бы идентифицировать и характеризовать значимые оппозиции интонационных единиц (моделей) — “минимальных контрастирующих пар” [Brazil 1997:1-2; Brazil 1996:6]. Данный подход к анализу интонации аналогичен анализу дистинктивных характеристик сегментной фонологии [Cruttenden 1995:120]. Кроме того, в результате этого анализа появляется возможность выявлять те характеристики, которые имеют относительно постоянное значение или способствуют установлению значения интонационных единиц. Отмечается также, что в качестве таких переменных могут выступать: тональный уровень; отношение сложных тонов к простым; частотность стилизованных тонов, включающих последовательность уровней и т.п. (см. также [Brazil 1996:1-6]), т.к. установление небольшого набора значимых оппозиций составляет дистинктивный подкомпонент значения-потенциала английского языка. Здесь [Brazil 1996:6] интересным представляется тот факт, что интонация образует небольшой набор значимых оппозиций, которые достаточно легко поддаются лингвистическому описанию, позволяющему выявить основные семантические качества интонации. При этом подчеркивается также необходимость включения в анализ составляющих сегментного уровня языка как его атрибута, участвующего совместно с интонацией в передаче значения [Brazil 1996:7]. Однако, фонологи имеют разные точки зрения на природу взаимодействия интонации с другими средствами, используемыми для выражения различных коммуникативно-прагматических целей. Указанная сложность, вытекающая из автосемантичности интонационных значений, позволяет объяснять их без соотнесения с другими характеристиками. При этом не следует забывать и об их определенной синсемантичности относительно контекста или ситуации, в которых интонационные значения функционируют как специфические средства передачи смысла.

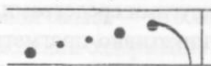
По мере того, как порядок слов в современном английском языке становится более постоянным, интонация приобретает все большее значение [Ившин 1982:33]. В определении смысла она может даже преобладать над порядком слов и существующими логическими и грамматическими принципами. Таким образом, интонация при неизменном порядке слов способна создать другое высказывание или выразить новое суждение в структуре одного и того же формально-грамматического предложения.

Анализ проблемы оппозиции значений тонов также указывает на возможность выявления их определенного набора с выделением их абстрактных и локальных значений. В работе [Cruttenden 1995:98] рассматриваются общие закономерности употребления конкретного тона, позволяющие утверждать, что любые его локальные значения, общие для говорящего и слушающего, в ситуации контекстного сопровождения образуют определенный набор, не выходящий за границы смыслового поля абстрактного значения. При этом с уменьшением количества ядерных тонов повышается абстрактность интонационного значения.

Иными словами, интонационные значения являются систематичными, конкретный тон всегда имеет определенное абстрактное значение, а под влиянием локально-обусловленных факторов конкретный тон будет приобретать и определенное локальное значение [Cruttenden 1995:99]. Известно, например, что нисходящий тон имеет абстрактное значение завершенности, финальности, категоричности. Однако, его варианты реализации, (низкий и высокий нисходящий тоны) относятся к разным сферам функционирования, а, следовательно, приобретают различные локальные значения: первый воспринимается как выражающий меньшую заинтересованность, сдержанность, холодность, неприязнь, индифферентность (в зависимости от ситуации и прагматической направленности высказывания), второй же выражает заинтересованность, встревоженность, возбуждение, и даже возражение, протест — в зависимости от типа предъядерного тона ([Cruttenden 1995:56], см. также [Калита 1984; Янчева 1997; Иванова 1997; Fedoriv 1998]).

Проиллюстрируем изложенное на примерах, рассмотренных в работе [Cruttenden 1995:56]:

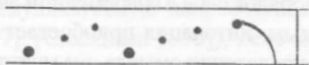
Why did you do that?

Здесь интонационный контур выражает удивление или реакцию на излишние и ненужные действия.

Сравнение описанного контура с последующим интонационным контуром высказывания

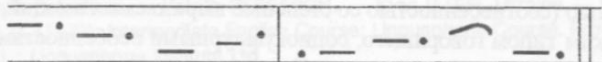
Why did you have to do that?

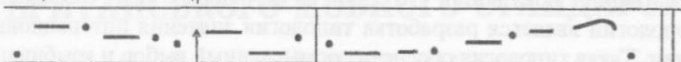
показывает, что передается один и тот же смысл, однако, на наш взгляд, во втором примере звучит уже удивление-недоумение с оттенком неодобрения, приобретаемом в высказывании за счет восходящей скандентной шкалы. Несмотря на определенное сходство значений, основанное на упот-

реблении высокого нисходящего тона, небольшое их различие все-таки наблюдается. Это говорит о том, что предтерминальный тон в какой-то мере способствует конкретизации локального значения высокого нисходящего тона, и всего высказывания в целом. В ряде ситуаций высказывания такого типа могут восприниматься как риторические вопросы.

Рассмотрим также пример высказывания, состоящего из двух интонационных групп, имеющих состоящие в оппозиции направления движения предтерминальных тонов: 'Malcolm ¹ever stops working | and ₁James | never starts |working || [Ware 1979:38].

Здесь говорящий для выражения контраста в отношении двух братьев к учебе произносит высказывание с оппозицией нисходящего предтерминального тона в первой интонационной группе восходящему предтерминальному тону во второй. Аналогичная ситуация имеет место в интонационном оформлении следующего высказывания: He ¹does his ¹homework in ¹five minutes S and ₁then rushes |out to play ¹tennis || [Ware 1979:38].

В нем говорящий выражает отношение Джеймса к учебе и его любимому занятию. Ведущая роль здесь принадлежит контрастирующим предтерминальным тонам, образующим оппозицию "нисходящий-восходящий". Это помогает безошибочно интерпретировать значение интонации данного высказывания, а следовательно, и его смысл.

Таким образом, семантика, выражаемая фонетическими средствами языка (в частности, интонационными), соотносится с содержанием как логических, так и эмоциональных форм мышления, выражая неразрывную связь языка/ речи и прагматики. При этом логические формы направлены на передачу рациональной информации, в то время, как фонетические средства способствуют передаче как рациональной, так и эмоционально-прагматической информации.

Отметим также, что значения интонационных единиц характеризуются типовыми ситуациями, в которых они играют роль базовых или инвариантных, превращаемых в реальных ситуациях общения в ограниченное количество стереотипных формул-моделей или набор широко распространенных интонационных моделей, передающих общие и регулярные смыслы. Такие типовые формулы-модели универсальны во всех языках, так как рациональная информация, передаваемая ими, отражает подобные явления и отношения объективной действительности в сходных формах мышления. Здесь, пожалуй, целесообразно отметить лишь некоторые естествен-

ные модификации базовых интонационных единиц, отражающие национальные особенности невербального поведения говорящих.

В свою очередь, интонационные единицы, выражающие смысл высказываний, характеризуются: 1) ситуативностью (соотнесенностью с конкретной речевой ситуацией); 2) коммуникативно-прагматической направленностью (мотивированностью, конкретизирующей интенцию говорящего); 3) экспрессивностью и коннотативностью (способствующими переосмыслению содержания высказывания); 4) ассоциативностью (соотнесенностью сознания с восприятием смысла за счет аналогии); 5) вариативностью (соотнесенностью со степенью выражаемых эмоций, психологическим типом говорящего, социокультурными особенностями, стилевой принадлежностью речи и т.п.). Такие интонационные единицы представляют собой варианты реализации базовых интонационных моделей, способные образовывать свою парадигму в рамках парадигмы базовой интонационной модели и передавать соответствующие оттенки значения или смысла. Они также могут рассматриваться как носители экстралингвистических характеристик интонации.

Изложенное показывает, что одной из актуальных задач современной интонологии является разработка типологии значения интонационных единиц. Такая типология обеспечит осмысленный выбор и комбинацию элементов интонационных единиц, а также позволит изучить способность интонационных единиц на основе ассоциативных связей передавать отношения между значением интонации и действительностью. Указанная типология, с одной стороны, может отразить особенности семантики интонационных единиц и дополнить сведения об их прагматической ценности. С другой стороны, необходимость ее разработки диктуется и практическими потребностями обучения корректному интонационному оформлению речи в различных ситуациях общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. (1972). Синтаксис // Общее языкознание. — М.: Наука. 2. Ахманова О.С. (1966). Словарь лингвистических терминов - М.: Советская энциклопедия. 3. Ившин В. Д. (1982). Коммуникативный синтаксис английского языка: Учебное пособие для ф-тов и ин-тов иностр. языков. — М.: МГПИ им. В. И. Ленина. 4. Иванова С.В. (1997). Просодичні засоби реалізації семантики здивування в англійському діалогічному мовленні (Експериментально-фонетичне дослідження). Дис. ...канд. філол. наук — К. 5. Золотова Г.А. (1973). Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М.: Наука. 6. Калита А.А. (1984). Интонация констатирующих высказываний в английской монологической и диалогической речи (Экспериментально-фонетическое исследование). Дис. ...канд. филол. наук — К. 7. Торсуева И.Г. (1979). Интонация и смысл высказывания. — М.: Наука. 8. Якобсон Р. (1990). Звук и значение // С.В. Воронин. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. — Л.: ЛГУ. — С.30-35. 9. Янчева Т.В. (1997). Просодія висловлювань-захоплень в англійському мовленні (Експериментально-фонетичне дослідження). Дис. ...канд. філол. наук — К. 10. Bolinger D.L. (1972).

Intonation. — Harmondsworth: Penguin. 11. Brazil D. (1996) Designing an integrated pronunciation course // *SpeakOut! Newsletter of the IATEFL Pronunciation SIG.* — No.17, January 1996. — P. 5-10. 12. Brazil D. (1997). *The Communicative Value of Intonation in English.* — Cambridge: Cambridge University Press. 13. Cruttenden A. (1995). *Intonation.* — Cambridge: Cambridge University Press. 14. Crystal D. (1969). *Prosodic Systems and Intonation in English* — Cambridge: Cambridge University Press. 15. Crystal D. (1992) *A Dictionary of Linguistics and Phonetics.* 3rd Edition. — Oxford: OUP. 16. Kalita A.A. (1998). Interaction of the aspects of meaning in the utterance sense interpretation // *IATEFL-Ukraine Newsletter*, No.12. — Kyiv: IATEFL-Ukraine, 1998. — P. 8-11. 17. Fedoriv Ya. (1998). Peculiarities of Prosodic Organization of Discontent Statements // *IATEFL-Ukraine Newsletter* No. 13. 1998 Dnipropetrovsk Conference Selections. — Vol. 2: RESEARCH. — Kyiv: IATEFL-Ukraine. — P. 20-22. 18. Ware D. (1979). *Intermediate English Course: Linguaphone Course. Programmes 1-10.* — L.: Linguaphone Institute Ltd.

РОЛЬ АМЕРИКАНСЬКОГО СЛЕНГУ ТА СОЦІАЛЬНИХ ДІАЛЕКТІВ В ПОПОВНЕННІ БРИТАНСЬКОГО МОВНОГО СТАНДАРТУ

Клименко О.Л. (Запоріжжя)

В останні десятиріччя в розвитку британського варіанту англійської мови ясно простежується тенденція до демократизації, тобто зближення писемно-літературної мови з усно-розмовною, яке найбільш очевидно проявляється в широких масштабах поповнення літературної лексики та фразеології з нелітературних різновидів.

Певну роль в збагаченні британського мовного стандарту відіграють американський сленг і соціальні діалекти (жаргони). Британські словники останніх років вже не маркують стилістичними позначками "slang", "non-standard", "informal" багато мовних одиниць, які ще в 70-ті роки мали стилістичну позначку "американський сленг": *brush-off, gimmick, jet-set, kick-back, rake-off, sit-in, think-tank*. Хоча і зараз внаслідок розбіжності в нормах британського та американського варіантів "елементи, які вважаються нормою в стандартній мові США, можуть бути сленгом для англійців" (Маковский 1963:30). Наприклад: *blockbuster, frame-up, graft, muscle in, pork-barrel* (Ayto, Simson 1996).

В деяких випадках колишні сленгізми та жаргонізми американського варіанту, що вже "нагатуралізувалися" в британському варіанті, навіть використовуються словниками для пояснення новоутворень. Наприклад, неологізм 80-х років *fraudster* "шахрай" глумачиться в словнику С.Морта за допомогою слова *conman*, запозиченого в 70-ті роки з американського кенту [Longman Guardian New Words 1986].

Широке використання в британській пресі лексики і фразеології американського сленгу і соціальних діалектів, свідчить про певну тенденцію до демократизації мови британських респектабельних видань - сучасні британські газети і журнали, за зразком американських, орієнтуються в цілому скоріше на "розмовність" ніж на "книжність". Слід також особливо відзначити значну насиченість сленгізмами та жаргонізмами навіть самої "якісної" британської преси - газети "Таймс" і журналу "Економіст", які вважаються "вартовими чистоти англійської мови" (Cameron 1996:318), але в останній час вже не можуть претендувати на такий статус. З іншого боку одиниці, які й досі мають позначку "сленг" в словниках, але широко вживаються в виданнях, що орієнтуються на "літературність", навряд чи можуть вважатися нелітературними.

В першу чергу до британського варіанту входять для поповнення номінаційних засобів мови сленгізми та жаргонізми, які є єдиними позначеннями певних речей, понять, явищ. Серед них можна виділити:

1. Одиниці, які позначають речі, поняття та явища, що виникли внаслідок суспільно-економічного та науково-технічного розвитку і пов'язані з життям і суспільною практикою окремих соціальних угруповань. Наприклад: *gay, hack, hacker, glitch, vapourware*.

2. Одиниці, які позначають речі, поняття та явища, що були специфічними для американського суспільного, спортивного та культурного життя. Наприклад: *ballpark, hardball, hip-hop, groovy, junk food, rap, reggae, sit-in, slam-dunk, street cred, streetwise, tag, twofer*.

3. Одиниці, які позначають речі, поняття та явища, що відображаються англіцями лише описово. Наприклад: *boomer, buster, dweeb, geek, nerd, groupie, mugging, ski-bum, wannabe*.

Подібні слова легко переходять до розряду спільних одиниць, оскільки вони замінюють цілі фрази та звороти, тобто усувають протиріччя між нерозчленованістю поняття і розчленованістю "номінеми".

Найбільша кількість запозичень в британський варіант з американського сленгу та соціальних діалектів представлена експресивно-стилістичними синонімами спільноанглійської лексики, що сприяє здійсненню тенденції до експресивності, яка завжди існує в мовній системі. Серед найбільш поширених в британському варіанті експресивних сленгізмів та жаргонізмів можна навести такі одиниці, як *bad-mouth, crack-down, motor-mouth, nitty-gritty, pig-out, rip-off, rub out, scamster, sleaseball, slam-dunk*.

Безумовно, легше всього запозичуються ті експресивні сленгізми та жаргонізми, образне вживання яких зрозуміло англіцям. Але, як свідчать спостереження дослідників (Зацний 1998:200-202), серед лексики та фразеології, яка зараз належить до спільноанглійської, є чимало одиниць з "національно-маркованими фразеологічними компонентами" (Ажнюк 1989:30), тобто пов'язаних з американською специфікою - з історичним

минулим, культурними традиціями, спортом, національними та політичними реаліями: *gas guzzler, in the (right) ballpark, to play hardball, to be on the bandwagon, to have an axe to grind, to go gangbuster*. Американський сленг та соціальні діалекти можна вважати одним з головних джерел запозичення до британського варіанту специфічно американської образної фразеології: *Montezuma's revenge, Murphy game*.

В деяких випадках важко визначити джерело запозичення того чи іншого слова до британської літературної норми. Наприклад, в останні десятиріччя в Англії широке розповсюдження здобув кентізм *mug* "грабувати на вулиці з застосуванням сили" разом з похідними *mugger, muggee, mugging, anti-mugging squad*. Але слово *mug* функціонувало, також, в мові лондонського злочинного світу в значенні "підійти до жертви пограбування ззаду і задушити її". Тому лінгвісти зазначають (Зацний 1998:205), що широке розповсюдження в літературній лексиці одиниць, що вважалися архаїзмами в Англії, але збереглися в окремих соціальних діалектах в США, сприяє процесу регенерації цих одиниць в британському варіанті.

Іноколи американські сленгізми та жаргонізми запозичаються спочатку до британського сленгу, а потім до літературної мови. Наприклад, вважається, що сленгізм *steaming* "масові вуличні пограбування бандами підлітків" та його похідні *steamer, to steam* був спочатку запозичений з американського сленгу до британського сленгу підлітків, а вже потім став вживатися в літературній мові британського варіанту [Oxford Dictionary of New Words 1992:175]:

Frightening for its victims, steaming is also providing to be a difficult crime to prevent and very expensive, in both manpower and financial terms, to stamp out. (Sunday Times, Feb.21,1988)

Колишній афроамериканізм *bad-mouth* "to criticise, slander, or gossip maliciously about" наприкінці 70-х років розповсюдився у британському слензі, а вже у 80-ті роки почав широко вживатися в поважних журналістських джерелах обох варіантів англійської мови без лапок та інших позначек сленгового статусу:

The dealing fraternity and the auctioneers, despite the fact that they never cease bad-mouthing each other, are mutually dependent. (The Times, Nov.16,1981)

Вживання сленгізмів та жаргонізмів американського варіанту в британських "якісних" та респектабельних газетах і журналах поза "американським" контекстом, без лапок, без пояснення їх значення, або дублювання іншими літературними синонімами є достатньою підставою для того, щоб вважати їх асимільованими в літературній лексиці британського варіанту англійської мови.

Деякі одиниці американського сленгу та жаргонів настільки засвоєні літературною мовою британського варіанту, що в останні роки функціо-

нують також для позначення реалій політичного, економічного, громадського та суспільного життя Англії та інших країн.

Наприклад, колишній афроамериканізм *fat cat* в значенні "дуже багата людина з привілеями" широко використовується в британському варіанті для позначення відповідної категорії англіїців:

This week it is British fat cats who are strutting. (The Times, Feb. 22, 1997)

Жаргонізм *spin doctoring* (похідне від *spin doctor*) "інтерпретація політики, подій", що виник в жаргоні політиків США на базі переосмислення спортивного терміну *spin* (в бейсболі "кручений мя'ч") і раніше з'являвся тільки в матеріалах про Америку, в 90-роки вживається також для характеристики політичних подій у Великій Британії:

Scottish Labour officials are now experts in spin doctoring and controlling unruly delegates. (The Times, Mar. 7, 1997)

Словосполучення *slush fund*, яке в "мові політиків" США позначає "схоритий грошовий резерв" у зв'язку з ростом корупції та хабарництва на всіх рівнях влади і розповсюдженням по всьому світу практики підкупу державних або політичних діячів під час виборчих кампаній знайшло громадянство і в британському варіанті англійської мови.

His new pal, Alexander Korzhakov, Mr Yeltsin's ex-bodyguard used to have a slush fund or two under his control. (The Economist, Nov. 9, 1996)

Американський сленг і соціальні діалекти є джерелом численних семантичних запозичень. Розходження між двома варіантами англійської мови – це частіше всього розходження не інвентарного, а дистрибутивного характеру, тобто одні й тіж лексичні одиниці можуть мати різне семантичне наповнення, різне значення. Прикладами семантичних сленгізмів, запозичених в британський варіант з американського, можуть служити нові значення таких слів як *basket-case* "каліка, інвалід", *flak (flak-catcher)* "людина, яка відповідає за зв'язок з громадкістю, реагує на критику", *high five* "жест привітання, поздоровлення", *homeboy* "друг, приятель; член вуличної банди молоді, підлітків", *posse* "група прихильників, друзів; банда молоді, підлітків".

Слід зазначити, що деякі семантичні сленгізми в процесі асиміляції в літературній мові британського варіанту розширюють свою семантичну структуру за рахунок нових лексико-семантичних варіантів. Так, словосполучення *basket case*, яке було запозичене зі сленгу до літературної мови американського варіанту в значенні "каліка, інвалід", внаслідок вторинної метафоризації здобуло нове значення "зруйнована країна, економіка, тощо" і в літературній мові британського варіанту, за нашими спостереженнями, вживається саме в цьому значенні:

In the past few years, free-market reforms have turned many Latin American countries from debt-ridden basket cases into sought-after emerging markets. (The Economist, Jan. 22, 1994)

Вплив американського сленгу і соціальних діалектів на британську літературну норму простежується також в галузі словотвору.

В деяких випадках сленгізми та жаргонізми американського варіанту стають основою для новоутворень у британським варіанті. Наприклад, популярний американський сленгізм *yurpie* став основою британських словосполучень *yurpie flu* “вірусне захворювання грипозного типу”, *yurpie line* “лінія метро, яка з’єднує приміські райони з діловою частиною Лондона”. Цікавий випадок являє новоутворення *smackerati* “відомі люди, верхи суспільства, які вживають героїн”, побудоване на базі слова *smack*, що в американському слензі позначає героїн, за допомогою афіксу *-erati*, який був виділений із американського сленгізму *glitterati*:

Rebranded, it is no longer just the scourge of the underclass, it is becoming the recreational drug of choice for a new “smackerati” of respectable professionals. (Financial Times, Nov.21,1998)

Саме з американських соціальних діалектів та сленгу прийшли в британський варіант нові словотворчі елементи *-(a)holic, -(a)thon, -buster, -cred, -erati, -gate, -gram, -head, -freak, -junkie, -jack, -mail, -nap, -nomics, -savvy, -ville*. Під впливом американського сленгу і жаргонів в останній час в британському варіанті розширилося поле діяльності конверсії. Наприклад, сленгізм *cowboy* “необережний водій” був конвертований у британцизм *to cowboy* “порушувати правила дорожнього руху. Активізувалися такі засоби словотвору, як скорочення (*arb, des res*), телескопія (*nerk < nerd + jerk*).

В деяких випадках американський сленг та соціальні діалекти виступають в ролі посередника в процесі поповнення британської літературної норми іншомовними словами, оскільки вони, в свою чергу, поповнюються лексикою з мов іммігрантів. Нещодавно в Великобританії почали вживатися сленгізми італійського походження *bimbo* “обмежена, але чуттєва людина”, *mondo* “дуже, надзвичайно”, *primo* “першокласний”, японського походження *honcho* “хазяїн, бос”, німецького походження *geek* “нудна людина”, *flak* “людина, що відповідає за зв'язок з громадкістю”, іспанського походження *big enchilada* “важлива персона”, *chiva* “героїн”, запозичення з ідіш *glitch* “помилка, проблема”, *klutz* “дурень”, *schmooze* “улепсувати кого-небудь”, які в американській літературній мові вживаються вже протягом тривалого часу і тому з’являються у британському варіанті вже в “англізованій” формі, разом з елементами словотворчої та фразеологічної парадигми (*bimbo-bimbette-bimboy(himbo)-bimbology-bimbettude, geek-geekboy, geekdom, geekhood, geekonomics, geekspeak, non-geek, ungeekish, glitch - glitchy, glitch-free, glitch-prone, honcho- to honch, klutz- techno-klutz, mondo -mondo cool, mondo bizzaro, schmooze, v-schmooze, n - schmoozefest - schmoosiesie*).

Слід зазначити, що до британської літературної норми сленгізми та жаргонізми американського походження також входять з елементами семантичної, словотворчої та фразеологічної парадигми. Хоча в умовах взаємодії американського та британського варіантів, як варіантів однієї мовної системи, не завжди можна стверджувати, що елементи таких парадигм були запозичені, а не виникли в обох варіантах незалежно внаслідок їх конвергентного розвитку.

Таким чином, в останні десятиліття літературна лексика і фразеологія британського варіанту інтенсивно поповнюється словами, їх лексико-семантичними варіантами та словосполученнями, які виникли в американських жаргонах і слензі. Їх запозичення зумовлюється необхідністю поповнення номінаційних та експресивних засобів мови, але нерідко стимулюється дією соціально-лінгвістичних чинників. Американський сленг виконує роль посередника в процесі поповнення британської літературної норми з іншомовних джерел. Слід відзначити його роль як стимулятора певних словотворчих та семантичних тенденцій, постачальника нових словотворчих моделей та елементів.

ЛІТЕРАТУРА

1. Ажнюк Б.В. (1989) Англійська фразеологія в культурно-етнічному висвітленні. - К.: Наукова думка. -134с.
2. Зацний Ю.А. (1998) Розвиток словникового складу сучасної англійської мови. -Запоріжжя: ЗДУ. -430с.
3. Маковский М.М. (1963) Взаимодействие ареальных вариантов сленга и их соотношение с языковым стандартом // Вопросы языкознания. -№5. -С.21-30.
4. Ayto J., Simpson J. (1996) The Oxford Dictionary of Modern Slang. - Oxford: Oxford University Press. -300p.
5. Cameron D. (1996) Style Policy and Style Politics: a Neglected Aspect of the Language of the News // Media, Culture and Society. -Vol.18. -№2. -P.249-268.
6. Longman Guardian New Words, edited by S.Mort. (1986) - Harlow, Essex: Longman. -220p.
7. The Oxford Dictionary of New Words, compiled by S.Tulloch. (1992) - Oxford, New York: Oxford University Press. -322p.

КЛАССИФИКАЦИЯ ВОПРОСНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Кордун Р.А. (Харьков)

В вопросно-ответных единствах важной составляющей частью является вопрос. Но "вопрос" - понятие достаточно обобщенное, характерное, в первую очередь, для уровня разговорной речи. В рамках вопроса совершенно различные речевые и когнитивные феномены могут в разной степени отвечать признакам, характерным для принадлежности данного индивидуума к этому понятию. В качестве примеров такого рода

явлений можно привести риторические вопросы, побуждения, угрозы, упреки, выраженные в форме вопросительного предложения. Однако в последующем анализе мы ограничимся исключительно примерами вопросных действий.

Под вопросными действиями понимаются речевые акты, целью которых является побуждение адресата к представлению справки, покрывающей когнитивный дефицит опрашивающего. Классификацию вопросных действий можно осуществить, подразделив их на типы содержаний, к которым они относятся, и на цели, с которыми они становятся.

При рассмотрении типов содержаний вопросных действий мы можем разделить их на 2 основные группы: вопросные действия, сконцентрированные на проблеме, и вопросные действия, сконцентрированные на партнере.

Если опрашивающий находится в проблемной ситуации, он нуждается для разрешения этой проблемной ситуации в получении информации, которую он надеется получить с помощью постановки вопроса. Вопросные действия, которые в этом смысле используются для разрешения проблемы, могут быть определены как сконцентрированные на проблеме.

В качестве сконцентрированных на партнере вопросных действий выступают вопросы, направленные непосредственно на личность партнера-коммуниканта, с помощью которых спрашивающий не преследует цели решить собственные проблемы. Такого рода вопросные действия содержат интерес к личности адресата, желание установить или поддержать коммуникативные отношения со слушателем или намерение проверить или контролировать его. Функции таких вопросных действий находятся в так называемом относительном аспекте коммуникации.

Рассмотрим 1 тип – сконцентрированные на проблеме вопросные действия. Внутри этой группы можно классифицировать вопросные действия по постановке проблемы и по типу проблемы.

При общей постановке проблемы спрашивающий (K1) и адресат (K2) оба заинтересованы в решении проблемы, например:

1. Два партнера коммуниканта K1 и K2 находятся в незнакомом для них городе и не знают, как проехать к центру города.

При этом K1 ставит вопрос:

Wie kommen wir jetzt zur Innenstadt?

При односторонней постановке проблемы решаемая проблема относится только к одному из партнеров-коммуникантов. Это можно проиллюстрировать на следующем примере:

2. Коммуникант K1 спрашивает в незнакомом для него городе местного жителя (K2) о том, как быстрее можно проехать к центру города:

Wie komme ich schnell zur Innenstadt?

Постановка вопроса односторонняя, в ее решении заинтересован непосредственно только К1. Вопросные действия, проиллюстрированные в примере (1), можно определить как кооперационные вопросы, которые подразумевают планирование и координацию совместной деятельности К1 и К2. К1 подразумевает, что К2 не знает определенного ответа на вопрос, но он надеется, что совместная дискуссия может привести к решению проблемы, которое бы удовлетворило обоих партнеров – коммуникантов. Необходимо также отметить, что К1 задает вопрос К2 не как специалисту, а как равноправному партнеру.

Проблемы могут классифицироваться также по способу их разрешения. Существуют практический и теоретический способы разрешения проблем. Проблемы, подразумевающие теоретическое разрешение являются решенными, если имеется конкретная информация. В вопросных действиях, имеющих практический характер, проблема, существующая у К1, не решается автоматически получением ответа от К2; последний должен преобразовать полученную информацию в действие для решения данной проблемы. В некоторых случаях у К2 может возникнуть дополнительный вопрос о цели вопросной проблемы и, соответственно, о ее характере. Например:

K1: *Gibt es einen Fluss in diesem Dorf?*

K2: *Warum interessiert dich diese Frage?*

K1: *Einfach so, ich wollte bloss wissen, ob es in diesem Dorf einen Fluss gibt.*

Допустим, К1 ответит откровенно и информация о наличии реки не связана у него с какими-либо практическими мотивами, тогда его вопрос решает какую-либо теоретическую проблему. Такого рода вопросы можно определить как информационные вопросы. В зависимости от типа запрашиваемой информации они подразделяются на:

1) Вопросы, требующие объяснения, которое должно содержаться в ответах. В объяснениях на основе естественных законов формируется причинная связь событий, например:

Warum sind die Naechte im Sommer so kurz?

2) В вопросах, требующих обоснования, спрашивающий ожидает в виде ответа получить обоснование. В обоснованиях отдельные действия какого-либо лица представляются как оптимально доступные для понимания. Например:

Warum reisen viele Deutsche so gern?

3) Справочные вопросы относятся к фактической информации, как например данные о числах, названиях, датах и т.д. Например:

Wie viele Arbeiter arbeiten in diesem Werk?

Среди вопросов, подразумевающих практическую деятельность, при односторонней постановке проблемы можно выделить вопросные действия, требующие в ответе конкретных инструкций и рекомендаций.

Вопросные действия, требующие определенных инструкций, нацелены на ответ, который обеспечивает непосредственное решение проблемы К1. К1 подразумевает, что К2 обладает определенной специальной информацией или информационным преимуществом, которые позволяют найти простой и надежный способ преодоления проблемы. К этому типу можно отнести вопросы к специалистам для решения простых технических проблем и т.д., например

a) Wie kann man dieses Geraet ausschalten?

В отличие от них в вопросах, требующих рекомендаций в ответе, не ожидается получение от К2 прямого решения проблемы. Вопрос нацелен в большей степени на то, чтобы вступить в разговор с К2, в котором можно было бы обсудить различные стратегии решения затронутой проблемы. Например:

b) Soll ich diesen Text sofort lesen oder zuerst einige Uebungen machen?

Далее рассмотрим группы вопросных действий, сконцентрированных на партнере. Для этой группы вопросов характерно то, что мотив К1 основывается в основном на относительном аспекте коммуникации. В этой группе можно выделить 3 подгруппы, которые различаются специфическим интересом, имеющимся у К1 по отношению к К2. Это вопросы, выражающие участие или запрашивающие определенную информацию: справочные вопросы в отношении партнера и контрольные вопросы.

В центре вопросов, выражающих участие, находятся высказывания, в которых К1 спрашивает о чувствах, восприятиях, настроениях и оценках К2. В определенных ситуациях К1 предоставляет К2 возможность выразиться и выразить чувства, восприятия, оценки. В отличие от других типов вопросов, указанные вопросные действия направлены исключительно на определенного коммуниканта, т.к. иной коммуникант не может дать на него ответ.

Если вопросы, выражающие участие, построены на действительно альтруистическом интересе К1 и К2, то справочные вопросы несут в себе лишь повод завязать разговор с К2. Такого рода вопросы затрагивают тему, которая касается К2, и по которой К2 охотно смог бы высказаться, например:

Wie war es in Berlin, Herr Wolf?

К1 задает вопрос не потому, что ему обязательно нужно владеть информацией о том, как господин Вольф провел время в Берлине, а скорее для того, чтобы вступить в разговор с ним.

Вопросы могут выражать не только участие или потребность в коммуникации, не менее важны и значимы вопросные действия, являющиеся средствами контроля, так называемые контрольные вопросы. С помощью контрольных вопросов К1 желает получить информацию о том, что было сделано К2, или какие действия планирует К2 предпринять для выполнения определенных директив. К контрольным вопросам относятся также вопросные действия, с помощью которых проверяется наличие у К2 определенной информации или знаний. В качестве составной части учебного процесса контрольные вопросы создают для учителя предпосылки для корректировки и направления работы учащихся, что представляется очень существенным в свете концепции управления обучением.

Данный анализ, безусловно, не является полным, поэтому более глубокое развитие данной проблематики в рамках исследования диалогических единств кажется нам перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. R. Konrad (1978) "Studien zur Syntax und Semantik von Frage und Antwort", Berlin.
2. G. Hindenland (1977) "Jemand um Rat fragen" Zeitschrift für Germanistische Linguistik, 51.

КАЛАМБУР В КОРОТКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТЬЕ КАК ТИПЕ ТЕКСТА

Крапива Ю.В. (Харьков)

Основная задача данного исследования - попытка анализа и классификации языковых основ каламбура, выявление наиболее продуктивных средств построения каламбура в короткой журнальной статье как типа текста и иллюстрация их соответствующими примерами.

Следуя дефиниции Е.П. Ходаковой, «под каламбуром обычно понимается словесная игра, строящаяся на намеренном столкновении двух значений слова или сходных звучаний в разных словах» (Ходакова 1990: 69).

В целях создания каламбура слово (или выражение) ставится в такое лексическое окружение, которое заставляет воспринимать его одновременно в двух планах. Могут быть различные принципы классификации, различные аспекты анализа тех семантико-звуковых явлений, которые составляют основу каламбура, но суть этих явлений одна: столкновение, переплетение, слияние в определенных контекстах минимум двух значе-

ний слова (или значений двух созвучных, омонимичных слов) и одновременное их восприятие.

В основу предлагаемой классификации каламбуров положен семантико-звуковой принцип как наиболее гибкий и универсальный.

Возможная классификация семантико-звуковых явлений, лежащих в основе каламбура, выглядит следующим образом:

- полисемия;
- омонимия;
- сближение сходно звучащих слов;
- разложение фразеологической единицы.

В основе игры слов может лежать такое языковое явление, как полисемия, или многозначность слов. Как справедливо отмечала А.А. Щербина: «В многозначности таятся безграничные возможности сближения и столкновения значений (включая переносные) в одном контексте, т.е. возможности каламбурных смысловых связей в различных формах» (Щербина 1990: 27).

Каламбур, в основе которого лежит столкновение значений, возникает в результате того, что автор создает словесное окружение, направляющее читателя одновременно на два значения слова. Двуплановость восприятия при этом достигается путем пояснения слова конкретизирующими словами или введением в контекст слова, объединяемого с ним одним понятием. Эффект каламбура усиливается благодаря тому, что в контексте оба сталкиваемые значения взаимодействуют.

Каламбур - средство своеобразного использования многозначности слова, смысл которого состоит в неожиданной подмене одного значения другим, не мотивированным данным контекстом.

Он может достигаться намеренным обнаружением смыслового различия как между «полными» омонимами, так и частичными (омоформами и омофонами). Сущность омонимии, как известно, заключается в том, что некоторые слова (или формы), тождественно звучащие по тем или иным причинам, не имели никогда между собой внутренней семантической связи или уже разорвали ее.

Разобценность и отдаленность омонимичных значений является основной причиной того, что омонимы могут быть таким благодарным материалом для каламбура, поскольку их неожиданное столкновение в контексте придает каламбуру особую остроту и комичность словесного недоразумения.

Почти неисчерпаемым источником игры слов является созвучие, звуковая схожесть слов, семантика которых остроумно перекрещивается, причем смысловые связи у этих слов обычно довольно гибкие и многообразные. В основе данного явления лежит такая стилистическая фигура,

как паронимазия, заключающаяся в постановке рядом слов несколько созвучных, но не одинаковых по значению.

Данный тип включает в себя несколько разновидностей:

- прием сопоставления созвучных слов в одном контексте;
- замена (подстановка) ожидаемого в данном контексте слова другим, созвучным ему;
- индивидуальная замена шутливым словом по аналогии и по созвучию с ожидаемым словом.

Фразеология - один из источников каламбуров. Фразеологическим единицам как устойчивым сочетаниям, в которых строго закреплены порядок слов и отношения между ними, присуща большая смысловая насыщенность, образность и лаконичность. Эти свойства позволяют творчески обрабатывать, переосмысливать данные выражения. Пути и способы применения и преобразования фразеологии чрезвычайно многообразны. Однако суть данного приема сводится к тому, что словам, входящим во фразеологическое выражение, сознательно возвращается их самостоятельное значение. Идиоматические или просто фразеологически связанные значения слов деформируются, изменяются. Воссоздание прямого значения оборота или лишь намек на него есть основа для каламбура.

Встречаются случаи, когда название представляет собой свободное сочетание, совпадающее по звучанию с устойчивым, но при этом переносный смысл оборота не возникает.

Наиболее продуктивным средством построения каламбура в короткой журнальной статье как типе текста является полисемия:

«Winnie's World

Winnie Madikizela-Mandela is ready to trade dirt for cash... in more ways than one. The ex-wife of South African President Nelson Mandela last month opened a gift shop next to their old Soweto house. For about \$10, tourists can buy nicely packaged soil (1) dug up from the property they once shared. Each sample comes with a litter of authenticity signed by the cash-strapped former First Lady. Last week a British TV station revealed that Madikizela-Mandela offered a tell-all interview (2) for 700,000».

В приведенном примере источником каламбура явилось столкновение в одном контексте прямого и переносного значений слова «*dirt*»: 1. «*soil*» и 2. «*nasty talk about people, scandal*».

Необычайно действенна такая комбинированная форма игры слов, когда одно значение представлено в слове, а второе - в одном из членов фразеологической единицы. Например:

«*Goat* Beef

Mills College has gotten the Teamster union's goat. Every year, the private women's school - which is based in Oakland, California - employs 500 goats

for two weeks. The animal are set loose on the 135-acre campus to chomp on the thorny underbrush. Teamsters official Chuck Mack discovered the animal outsourcing and charged that the goats were feeding on human jobs. The college says it «remains committed to fair employment practices across the species». The Teamsters, tongue in jowls, say they're willing to induct the goats into the union», иллюстрация к которому сопровождается следующими комментариями: «Scab or union scapegoat?».

В данном тексте реализуются следующие значения слова «goat»:

1. прямое: «any of various hollow-horned ruminant mammals related to the sheep but of lighter build and with backwardly arching horns, a short tail»;

2. переносное: «scapegoat, i.e. one that bears the blame for others». При этом указанное слово является компонентом фразеологической единицы «to get someone's goat» со значением «to cause someone much annoyance», которое может быть воспринято читателем в буквальном смысле.

В нижеприведенном примере эффектно обыгрывается слово «virgin»:
«Make That a Virgin Mary

Claiming to be a virgin could land you in court. That's where St. Louis entrepreneur Ari Schneider may find himself in a bid to trademark Ari's Virgin Cherry Ale. Richard Branson's Virgin Enterprises Ltd. (airlines, records, lots of other stuff) claims exclusive rights to the V word and is fighting to keep consumers from confusing its Virgin Cola with the cherry brew. Schneider denies that he's trying to pull the (virgin) wool over anyone's eyes. «It's a descriptive word for how the cherry juice is collected.» What's next, «deflowered» olive oil?»

При этом в тексте переплетаются три значения слова «virgin»:

1. «without sexual experience»;

2. «fresh, unspoiled»;

3. выражение «to pull the (virgin) wool over anyone's eyes» - «to trick someone by hiding the facts».

Каламбурные возможности на основе омонимии в исследуемых текстах ограничены.

Наиболее употребимой из группы каламбуров, образованных посредством сходного звучания различных слов, является замена ожидаемого в данном контексте слова другим или сочетанием слов, созвучных ему:

«Shipyard Rock

The Lenin shipyard in Gdansk - birthplace of the Solidarity movement - has long been in need of a new lease on life. After playing a leading role in Poland's struggle to overthrow its communist regime, the shipyard fell victim to the capitalist system it helped create. Last year it was declared bankrupt, and in March the Polish government shut it down and laid off 3,600 workers. But last weekend one of the shipyard's warehouses opened its doors as a disco.

The club has been desighned with a prison motif and has bars around the dance floor. So what is to be done? Let's Gdansk.

В приведенном примере слово «dance» заменено автором на «Gdansk», вследствие чего достигается шутливо-иронический эффект.

Как было указано, замена ожидаемого слова может быть произведена на созвучное ему сочетание слов:

«Oath Poetry

Wanted by the British Medical Association: poets hipper than Hippocrates to set the physician's 2,500-year-old oath on medical ethics to verse. Doctors have decided that the original is simply too dull. «They think a ringing declaration should be witty and elegant - not some stodgy prose,» says BMA spokeswoman Fiona Simpson. While the BMA has not formalized the contest, it may, and poets, comedians and doctors have already thrown their verse into the ring. Among the offerings - «Hip Ocratic Oath,» by performance artist John Hegley, published in The Observer.» («Hippocrates oath» - «Hip Ocratic oath»).

Наиболее распространенным способом переосмысления фразеологизма для создания каламбура в рассматриваемых текстах является возвращение ему буквального значения:

«Bury the Hatchet

Farid Bashiti is dead but not gone. Earst Jerusalem was found May 9 with his skull cruched - just days after the Palestinian justice minister said anyone selling propety to Israelis would be executed. Bashiti allegedly did just that. Because of Palestinian anger toward the dead man, his family hasn't been able to bury him. Calling Bashiti an infidel, Jerusalem's leading Islamic official declared him unfit for Muslim cemetery. Proposed burial sites have ranged grom Jaffa to a remote desert graveyard near Jericho. Late last week, Israeli authorities arrested a Palestinian policeman in connection with the case. But at the weekend, there was still no grave for the man whose murder has underscored the struggle for land between onetime peace partners. His body, like the peace process, remained on ice».

Выражение «*to remain on ice*» употреблено и в качестве фразеологического оборота со значением «*take no immediate action about smth*», и как сочетание свободного плана.

Оригинальная, своеобразная игра слов в таком типе текста как короткая журнальная статья рассчитана на внешний эффект, на привлечение внимания читателя необычной, нестандартной формой. Посредством каламбурной остроты не только передается какое-то содержание, но и вызываются у читателя определенные эмоции.

В целом, в исследуемых текстах были обнаружены следующие средства построения каламбура как наиболее продуктивные:

- полисемия;
- замена ожидаемого в данном контексте слова сходно звучащим словом или сочетанием слов;
- переосмысление фразеологической единицы путем возвращения ей буквального значения.

Наиболее распространенным способом игры слов в короткой журнальной статье может быть признана полисемия. Данный прием, как правило, используется в сочетании с таким способом создания каламбура, как разложение фразеологического оборота, содержащего в качестве одного из компонентов слово, многозначность которого обыгрывается в тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ходакова Е.П. (1990). Каламбур в русской литературе XVIII века // *Sowjetische Beitrage zum Wortspiel*. - Munchen: Sagner. - С. 69-137. 2. Щербина А.А. (1990). Сущность и искусство словесной остроты (каламбур) // *Sowjetische Beitrage zum Wortspiel*. - Munchen: Sagner. - С. 3-69. 3. *Newsweek*. - No 3,4,8,18,26. - 1997.

О ДИВЕРГЕНЦИИ И КОНВЕРГЕНЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Крицберг Р.Я., канд. филол. наук (Кривой Рог)

Языковое варьирование, вариативность форм тесно связаны и с изменениями в системе языка, и с языковым состоянием. Вариативность, отмечает У. Лабов, присуща языковой общности, и в то время, как языковое изменение обязательно подразумевает вариативность в течение определенного периода между старыми и новыми признаками, сама вариативность не обязательно свидетельствует об изменениях (Labov 1992: 36). В свою очередь, основой организации внешней функциональной системы языка, по Г.В. Степанову, являются языковое состояние и языковая ситуация, при этом языковое состояние - совокупность всех видов его вариативности, «парадигматический набор элементов, образующих функциональную систему языка»: диалекты, варианты, литературный язык (Степанов 1976: 30-31).

Существование ряда современных языков в виде национальных литературных вариантов - распространенный тип лингвистической ситуации. Очевидно, что структуры языковых систем, особенности их уровней, обусловленные внешними и внутренними факторами, весьма различны. При этом, однако, имеет место типология языкового варьирования. В настоя-

щее время внимание исследователей к проблемам вариативности языка и типологии языкового варьирования значительно возросло.

Две противоположные тенденции имеют место при региональном языковом варьировании: дивергенции и конвергенции. С одной стороны, разность экстралингвистического фона обуславливает особенности, свойственные различным региональным формам (национальным вариантам, диалектам). С другой, вследствие принадлежности к единой коммуникативной системе языка, благодаря тесным и разнообразным связям между регионами, диалектами языка, влиянию СМИ, наблюдается сближение языковых форм, их конвергенция. Этот факт отмечался многими исследователями.

В.М. Жирмунский подчеркивал важность процессов дифференциации диалектов и их частичного сближения в процессе взаимодействия: «Дифференциация диалектов, границы между диалектами отражают исторически обусловленные границы общения, возникающие внутри единого общественного коллектива... Диалекты не только дифференцируются, но и сближаются в процессе речевого общения, которое приводит к взаимодействию между ними, к влиянию одного диалекта на другой, к сближению и частичному смешению родственных диалектов... Процессы интеграции (схождения) имеют для истории диалектов не менее существенное значение, чем процессы дифференциации (расхождения)» (Жирмунский 1956: 10-11).

Широкий подход к проблеме варьирования, по словам А.И. Чередниченко, позволяет лучше понять внутренние противоречия языковой системы, источники ее развития - борьбу тенденций к типизации (универсализации), с одной стороны, и к дифференциации и специализации, с другой (Чередниченко 1988: 8). При этом, пишет автор, «имеет место взаимодействие разных ареалов общего языка, в формах бытия которого тенденция к интеграции проявляется в единстве с тенденцией к дифференциации» (ibid., 11).

А.Д. Швейцер также отмечает две тенденции регионального варьирования: возрастание степени унификации английского языка, и вместе с тем, процесс дифференциации национальных разновидностей языка со своими различительными элементами (Швейцер 1983: 56). Ученый использует термины «дивергенция» и «конвергенция» (ibid.: 65), не разрабатывая, однако, теоретические положения, связанные с этими понятиями.

Под «дивергенцией» здесь и далее будет пониматься расхождение норм национальных вариантов, прежде всего двух важнейших микросистем английского языка, американского (АмА) и британского (БА) английского: сам процесс и его следствия - оппозиции различительных элементов языковых уровней. Под «конвергенцией» - унификация, интеграция (и процесс, и следствия) американского, британского, австралийского и др. вариантов языка, их взаимные влияния.

Дивергенции и конвергенции разных структурных уровней языка при региональном варьировании неодинаковы. Фонологические различия и взаимовлияния микросистем затрагивают сравнительно небольшой процент фонемного инвентаря, как отмечает А.Д. Швейцер (Швейцер 1971: 190). Они - трудномоделируемы, малопредсказуемы, производные многих случайных факторов, в малой степени обнаруживают универсальные характеристики как определенный произносительный тип в основе национального варианта. Например, в основе произносительной нормы австралийского английского лежит диалект кокни вследствие высылки большого числа каторжан, носителей диалекта, в Австралию в начальный период освоения страны. Напротив, попытка Г. Курага свести особенности региональных типов произношения АМА к британским диалектам (вокализация предконсонантного /r/ на Юге и востоке Новой Англии США как результат влияния южных и юго-восточных английских диалектов) оказалась, как убедительно доказывает Р. Макдэвид (McDavid 1980), явно несостоятельной. Также неудачной, отмечает А.Д. Швейцер, оказались попытки установления прямолинейных связей между структурой британских диалектов и диалектной структурой английского языка в Америке (автор имеет в виду ареальные произносительные типы АМА) (Швейцер 1995: 79).

Грамматические структуры, наиболее значимые в системе языка, имеющие жесткий характер, также в малой степени обнаруживают тенденции дивергенции и конвергенции при региональном варьировании. Вместе с тем следует отметить, что изменения в областях морфологии и синтаксиса в XVI - XIX вв. в АМА исследованы мало. Здесь, как подчеркивает А.Д. Швейцер, необходимы диахронические исследования, построенные на широком языковом материале и на параллельном анализе американских и британских источников, которые прослеживают эволюцию указанных изменений в обоих вариантах (ibid.: 77). Несомненным, однако, является тот факт, что морфолого-синтаксические различительные элементы в современном синхронном срезе, равно как и элементы фонетические, расположены на периферии сопоставляемых микросистем АМА и БА (Швейцер 1971: 190). Здесь с самого начала развития филиальных вариантов сказалось унифицирующее влияние письменной нормы БА. Из универсальных характеристик отметим лишь консервацию отдельных элементов языка метрополии в филиальном регионе, например, употребление старой синтаксической формы сослагательного наклонения английского языка в АМА, или особенности глагольного управления в речи франко-канадцев, повторяющие конструкции старо- и среднефранцузского языка.

Напротив, наиболее динамичные и проницаемые элементы лексико-семантического и фразеологического уровней в полной мере обнаруживают и свои различия, и взаимовлияния.

Рассмотрение материала на лексико-семантическом уровне имеет свои особенности. Здесь, как отмечает А.А. Уфимцева, в отличие от фонологии и грамматики, принцип дихотомии, бинарных оппозиций оказывает явно неприемлем (Уфимцева 1974). На принципиальное различие между лексическими единицами (ЛЕ) и единицами других уровней указывал и А.Д. Швейцер, имея в виду «неисчисляемость» ЛЕ, их «широкую и неразработанную связь с экстралингвистическими фактами», «с различиями социального и материально-культурного порядка» (Швейцер 1971: 106, 108). ЛЕ и ФЕ (фразеологические единицы) нередко непосредственно отражают разность экстралингвистического фона, подвержены изменениям, взаимовлияниям, и, хотя элементы общего ядра единой коммуникативной системы английского языка превалируют над ее различительными региональными элементами, удельный вес последних и их функциональные характеристики достаточно высоки, во многих случаях эти различительные элементы тяготеют от периферии к центру системы, и, как следствие, и они сами, и динамика их изменений заслуживают пристального внимания.

Языковые изменения и особенности, обусловленные географическими факторами, относятся к одним из наиболее значимых объектов современных лингвистических исследований. Это справедливо как между системами различных языков в рамках сравнительного языкознания, так и внутри отдельных языков в условиях регионального варьирования. Именно «географическое разделение», по выражению Ф. де Соссюра, «является наиболее общим фактором языкового многообразия» (де Соссюр 1977: 229), во многом определяет весь сложный комплекс экстралингвистического фона, «внешнюю лингвистику» (ibid.: 59), которые во временном протяжении порождают собственно внутрилингвистические изменения и различия.

Д. Болинжер также выделяет роль регионального фактора и его влияние на языковые формы: «Узус - детерминанта правильности выбора и зависит от множества условий...Превалирующий узус говорящих определяется прежде всего регионом их проживания, социальным классом, возрастом, полом, влиянием прошлого» (Bolinger 1968: 48).

Система любого языка реализуется посредством своих микроформ, микросистем. «Языку», по У. Вольфраму, «проявляется в его диалектах», где диалект в широком смысле - «нейтральное название, относящееся к любой разновидности языка, общей для группы говорящих» (Wolfram 1991: 51).

В центре внимания общей теории языкового варьирования находится соотношение между территориальной и социальной, функционально-стилистической дифференциациями языка. В одних трудах социальные и функционально-стилистические разграничения противопоставляются

разграничениям территориальным, особенно в испанской и немецкой лингвистике: в работах Г.В. Степанова (Степанов 1976) и Н.Н. Семенюк (Семенюк 1972), в других - делается ударение на связях между ними. Например, Н.Н. Семенюк к основным, дифференцирующим язык, факторам относит время, географическое пространство, социальную среду (первый ряд, связанный с условиями существования языка в обществе) и условия, содержание, цели и форму общения (второй ряд, связанный со специфическими условиями и целями использования языка в разных коммуникативных сферах). При этом территориальное членение языка осмысливается как «горизонтальная» дифференциация и отчетливо противопоставляется его социальному членению, которое осмысливается как «вертикальное» (ibid.: 15-17).

Сходной точки зрения придерживается и Д. Кристалл, который выделяет две перспективы языка: структуру и употребление. Структура языка подразделяется на событие (текст) - единицу речи; трансмиссию, включающую знак (здесь автор имеет в виду визуальные системы, используемые глухонемыми), графологию и фонологию; а также стержень, «сердцевину» - лексикон и грамматику. Вторая перспектива, употребление, включает виды варьирования: временное, социальное, региональное и индивидуальное. Графически его подход представлен в виде двух соприкасающихся окружностей (перспектив), разделенных на равные сегменты (Crystal 1995: 2-4). И здесь социальная и региональная вариативности противопоставляются друг другу.

Согласно другому подходу, социальные и региональные различия, тесно переплетаясь друг с другом, являются неотъемлемыми, составными частями сложного комплекса социально-территориальных изменений. Эта концепция отражена в трудах многих ученых. Например, А. Мартине указывал, что языковые изменения возможны лишь в определенных географических районах и некоторых социальных слоях (Мартине 1965). П. Траджил подчеркивает необходимость использования социолингвистической методологии в региональных исследованиях (Trudgill 1986). У. Вольфрам и Д. Кришчан, исследуя апалачский диалект США, отмечают тесную связь территориальных и социальных признаков (Wolfram, Christian 1976). Действительно, результаты опроса информантов при исследовании диалектов, распространение изоглосс зависят от возраста опрошенных, их социального статуса. Критерием У. Лабова дифференциации диалектов Ама являются ротации в системе гласных, имевшие место в северных городах (Northern Cities Vowel Shift) и южной, преимущественно сельской, местности (Southern Vowel Shift) (Labov 1992); в его работах делается ударение на связи территориальных и социальных факторов. А.Д. Швейцер подчеркивает, что «социальное измерение тесно

переплетается с пространственным - у территориальных диалектов, по сути дела превратившихся в социально-территориальные» (Швейцер 1983: 76). А.И. Чередниченко пишет, что «в последние два десятилетия внимание к проблемам вариативности языка...значительно возросло благодаря бурному развитию социолингвистики» (Чередниченко 1988: 4).

Социолингвистические исследования У. Лабова в 1962-63 гг. по частотности употребления согласного /r/ в конечной и предконсонантной позициях и последующий опрос Дж. Фаулера в 1986 г. обнаруживают зависимость дистрибуции согласного (установка на «престижность» такого употребления) от «социальной стратификации» информантов, их «стилистической стратификации по социальному классу» (здесь имеется в виду место, где проводился опрос), роду занятий и возрасту (Labov 1992: 96-83). Тот же У. Лабов в другой работе (Labov 1972) описывает грамматические особенности социально-этнического диалекта Black English: редукцию и вычеркивание глагола-связки, анализирует благоприятные факторы в правом и левом окружении для этих явлений и употребление т.н. remote present perfect с *been* (*I been see you*). Иначе говоря, социальные дифференциации языка касаются не только лексики, но, подобно дифференциациям территориальным, охватывают широкий круг фонетических и грамматических элементов.

В свою очередь, теория креольского происхождения социально-этнического диалекта Black English, выдвинутая Дж. Диллардом (Dillard 1972), наличие каких-либо его особенностей, отсутствующих в территориальных диалектах, не получила подтверждения. У. Лабов пишет: «Подавляющая часть характеристик Black English совпадает с характеристиками других английских диалектов...Black English - это подсистема английского языка с различительным набором фонологических и синтаксических характеристик, которые во многих случаях соотносятся с особенностями других диалектов» (Labov 1972: 226). А.Д. Швейцер также замечает: «Black English, подобно другим диалектам американского варианта английского языка, отличается от других диалектов не столько теми или иными конкретными дифференциальными признаками, сколько самой совокупностью этих признаков, их конфигурацией» (Швейцер 1983: 158).

Как видно, территориальная и социальная вариативности языка не обнаруживают каких-либо особых, присущих только им, признаков, различаясь лишь их набором. Поэтому следует отдать предпочтение второму подходу: их рассмотрению в едином комплексе. Несомненно, что при исследовании можно вычленять те или иные аспекты варьирования, не отрицая их сложного характера. Диаграмму Д. Кристалла в виде круга с равными сегментами следовало бы представить в виде пирамиды, основанием которой являются наиболее важные и значимые региональные и

временные виды вариативности, производными которых в верхней части пирамиды выступают социальные и индивидуальные ее виды...

ЛИТЕРАТУРА

1. де Соссюр Ф. (1977). Труды по языкознанию: Пер. с фр. - М.: Прогресс. - 645с.
2. Жирмунский В.М. (1956). Немецкая диалектология. - М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР. - 577 с.
3. Мартине А. (1965). Структурные вариации в языке // Новое в лингвистике, вып. 4. - М.: Прогресс. - С. 449-455.
5. Семенюк Н.Н. (1972). Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. - М.: Наука. - 208 с.
6. Степанов Г.В. (1976). Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука. - 176 с.
7. Уфимцева А.А. (1974). Типы словесных знаков. - М.: Наука. - 124 с.
8. Чередниченко А.И. (1988). Методологические вопросы теории языкового варьирования // Грамматические и лексические аспекты регионального варьирования полинациональных языков. - К.: КГПИИЯ. - С. 6-12.
9. Швейцер А.Д. (1971). Литературный английский язык в США и Англии. - М.: Высш. школа. - 192 с.
10. Швейцер А.Д. (1983). Социальная дифференциация английского языка в США. - М.: Наука. - 201 с.
11. Швейцер А.Д. (1995). История американского варианта английского языка: дискуссионные проблемы // Вопросы языкознания. - №3. - С. 77-91.
12. Bolinger D. (1968). Aspects of language. - Harvard: Harvard University Press. - 326 p.
13. Crystal D. (1995). The Cambridge Encyclopedia of the English Language. - Cambridge: Cambridge University Press. - 446 p.
14. Dillard J. (1972). Black English (its history and usage in the United States). - New York: Random House. - 186 p.
15. Labov W. (1972). Language in the inner city (Studies in the Black English vernacular). - Philadelphia: University of Pennsylvania Press. - 312 p.
16. Labov W. (1992). Principles of linguistic change. - Oxford-Cambridge: Blackwell. - 388 p.
17. McDavid R. (1980). Varieties of American English. - Stanford: Stanford University Press. - 204 p.
18. Trudgill P. (1986). Dialects in contact. - Oxford-New York: Blackwell. - 194 p.
19. Wolfram W., Christian D. (1976). Appalachian English. - Arlington: Center for Applied Linguistics. - 190 p.
20. Wolfram W. (1991). Dialects and American English. - Englewood Cliffs: Prentice Hall. - 220 p.

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛОМ FAHREN В СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

*Ланецкая К.И., канд. филол. наук
Онищенко Н.А. (Харьков)*

“В процессе развития языка часто наблюдается, что первоначально свободное словосочетание становится несвободным; из свободного словосочетания возникает фразеологический оборот” (Рогова 1954: 27). Хотя фразеология как лингвистическая дисциплина получила значительное

научное освещение во многих вопросах, целый ряд её проблем ещё нуждается в анализе и обобщении. В частности, в их число входит вопрос об устойчивых словосочетаниях как обширном и значимом слое фразеологии, их происхождении и исторической обусловленности, фонетических и морфологических трансформациях, коммуникативной функции и роли в формировании словарного состава и основного словарного фонда литературного языка

Особое место в системе устойчивых словосочетаний немецкого языка занимают словосочетания различного типа с корневой морфемой глагола движения, так как по канонам исторического развития языка движение лежит в основе любого действия в целом. Интересным и необходимым как с теоретической, так и с практической точки зрения, представляется исследование этой семьи слов (и устойчивых словосочетаний, входящих в пересекающиеся лексико-семантические поля), сферы их употребления, условия варьирования их семантических оттенков, их морфологической структуры как материала для словообразования и возможности их употребления в различных функциональных стилях устной и письменной речи.

В современном немецком языке есть целый ряд устойчивых словосочетаний, основным стержневым словом которых является глагол *fahren*. Этот глагол наглядно демонстрирует, что угасание значения слова далеко не всегда приводит к исчезновению всех относящихся к нему контекстов его употребления. Главным в историческом процессе переосмысления значения глагола *fahren* является частичная, а в некоторых случаях и полная утрата апелляции к носителю действия, обуславливающая специфику данных устойчивых словосочетаний, что и стало причиной их возникновения.

Приведённая в работе Н.И. Филичёвой классификация по типу стержневого слова и по связям внутри самого сочетания не отражает целиком все особенности идиоматических словосочетаний, те изменения, которые произошли с формой и значением глагола и всех его производных в процессе исторического развития, хотя бы потому, что она является более общей с точки зрения формы, включая в себя как устойчивые, так и свободные словосочетания, и тем самым не отражает их различия. В задачу данной работы входит выделение групп словосочетаний со стержневым глаголом *fahren* на основе семантического подхода с целью выявления основных принципов и частотности употребления:

Словосочетания с грамматической идиоматичностью, которые являются семантически разложимыми, однако при грамматическом анализе предложения образуют тесную группу (синтаксически это чаще всего обстоятельство в любом из его видов). Чаще всего они соответствуют схеме:

fahren +направление (*nach Hause fahren, ins Feld fahren, durchs Land fahren*)

fahren + транспортное средство (*mit dem Auto fahren, mit dem Rad fahren*)

Анализ показывает, что подобные словосочетания являются устойчивыми, не будучи образными.

Расширение прямого значения. Данная группа отличается от предыдущих тем, что со значением глагола *fahren* происходят изменения, но не в сторону переноса, переосмысления значения, а в сторону расширения прямого значения в пространственной сфере. Здесь можно выделить два основных направления: собственно расширенно-пространственное и объектное. Объектное значение наиболее близко к прямому и приводится во всех словарях в качестве второго. Если первое и основное значение глагола *fahren* требует связи с субъектом (*wer fährt*), то объектное требует обязательного дополнения в accusative. Исследованный материал показывает, что этим объектом может быть как транспортное средство (1) - инструментальный оттенок, так и цель (2) - адвербиальный оттенок, а также одушевленный предмет (3), временной промежуток (4):

Er fuhr nicht hart, wie die meisten Rennfahrer. Man hätte schlafen können, wenn er Serpentine nahm, so ruhig fuhr er den Wagen. [Remarque, Drei Kameraden]

(2) *Wir fahren eine sehr große Gegenoffensive*

[Noll, Die Abenteuer des Werner Holt]

Wohin darf ich Sie fahren? fragte ich schmelzend.

[Remarque, Drei Kameraden]

Wenn ich einen Wagen hätte, würde ich jeden Abend so langsam

herumfahren

[Remarque, Drei Kameraden]

Словосочетания, обладающие семой движения. Этот оттенок лишь частично денотативно близок к основному прямому значению, поскольку глагол *fahren* сам по себе включает элемент движения (изначально относительно прямолинейного, одностороннего, равномерно-нейтрального (ср. с *rasseln, rennen*) в горизонтальном направлении), и это движение касалось лишь субъекта или объекта, движущихся относительно поверхности стабильной единицы. В словосочетаниях, представленных ниже, переосмысливается один или несколько из упомянутых критериев. Таким образом внутри этой группы можно выделить четыре подгруппы:

1) Единоразовое, как правило, стремительное движение одного предмета относительно другого, субъекта относительно объекта, одной части тела относительно другой и т. д. Здесь возможны различные варианты мотивации, например, наличие определенной цели, пункта назначения:

Feck konnte mir in die Brieftasche fahren und den Brief herauszerren, und der Vater - vielleicht hatte er von dem Brief Kenntnis erhalten - konnte ihn mir abverlangen [Becher, Abschied]

либо же акцентируется транзитность действия:

Der Schuß war vorn schräg über die Wange gefahren und hatte bis zum Ohrläppchen eine fingerlange Fleischwunde gerissen, die stark geblutet hatte [Noll, Die Abenteuer des Werner Holt]

Таким образом, в словосочетаниях данной подгруппы нарушается принцип движения относительно поверхности земли.

2) В следующей подгруппе нарушается принцип единоразовости действия. При этом многоразовость открыто не присутствует в значении, но в связи с контекстом чаще всего подразумевается. Схема "*mit etwas über etwas fahren*" включает в себя денотативный элемент повтора, челночности действия. Это значит, что предмет, который приводился в движение относительно другого, занял затем своё прежнее место:

Kraemer fuhr mit ungeduldiger Hand durch die Luft.

[Apitz, Nackt unter Woelfen]

3) Третья подгруппа объединяет устойчивые словосочетания, не соответствующие принципу односторонности движения, заложенному в прямом значении глагола *fahren*. Эффект разнонаправленности достигается путём использования приставок или предложных дополнений. В случае с приставочными вариантами глагола *fahren* именно приставка указывает на направление движения, например: *auseinander* - движение в разные стороны, *ein-, ineinander* - движение в одну точку, *vorbei-, vorüber* - движение по касательной. Интересна в данном случае полисемия приставки *herum-*, которая может указывать либо на упорядоченное движение по окружности (1), либо на хаотическое движение (2):

Holt fuhr mit dem Geschütz um hundertachtzig Grad herum.

[Noll, Die Abenteuer des Werner Holt]

Christine wurden die Augen verbunden, sie mußte mit dem Finger auf der Landkarte herumfahren, zitterte der Finger, deutete er auf die Nähe des gesuchten Ortes hin. [Becher, Abschied]

Четвёртая подгруппа устойчивых словосочетаний отличается от предыдущих прежде всего тем, что движение объекта или субъекта (чаще субъекта) осуществляется не по горизонтали, а по вертикали, чему способствует употребление *fahren* с отделяемыми приставками - контекстуальными синонимами *hoch-* и *auf-*, а также *aus-*:

Schwahl wollte auffahren, er fuchtelte schon mit den Händen auf Kamloth ein, lief dann aber wieder um den Schreibtisch herum.

[Apitz, Nackt unter Woelfen]

Словосочетания с семой движения широко употребляются в речи благодаря частичному переосмыслению направленности и качества движения.

Словосочетания, обладающие семой чувств. Переосмысление значения в данном случае имеет логическое объяснение в историческом процессе. Во многих индоевропейских языках имеет место схожий процесс переноса обычного физического действия в сферу деятельности духовной, характеризуя ход мыслей, чувства и переживания человека (ср. украинское "його охопив жах", английское "he was captured by fear" и так далее). В этом аспекте употребления глагола *fahren* в устойчивых словосочетаниях весьма разнообразно отражает множество процессов, общей чертой которых является внезапность, единоразовость, молниеносность: появление мысли, страх, неожиданное заявление, негативные эмоции. В сфере иллюстрации духовной жизни человека глагол *fahren* является практически универсальным, будучи источником ярких образов и находок в характеристике персонажей. Устойчивые сочетания такого типа обладают различными структурными особенностями: безличные, характеризующие неконтролируемый процесс:

Da trat ich schon einen Schritt zurück, und es entfuhr mir: "Ich bitte Sie, mich künftig mit Sie anzureden, Sie - Sie Herr Sedlmayer... Sie!"

[Becher, Abschied];

определённо-личные с приставочным глаголом *fahren*, характеризующие негативную реакцию субъекта по отношению к объекту:

"Das Kind nimmt mir keiner mehr ab", sagte er schließlich aus seiner Überlegung heraus und fuhr zugleich auf Höfel los.

[Apitz, Nackt unter Woelfen]

В сочетании с приставкой *zusammen* *fahren* приобретает значение непроизвольного движения при наличии внешнего психического раздражителя:

Fahrenberg fuhr zusammen. Er zog den Unterkiefer ein

[Seghers, Das siebte Kreuz]

Часто встречаются синтаксические структуры, в которых субъект действия передаётся с помощью датива или аккузатива, а само действие соответствует схеме: *j-m in etwas fahren*:

Der Anruf des Postens war ihm aber ins Herz gefahren

[Seghers, Das siebte Kreuz]

Глагол *fahren* в сочетании с качественными прилагательными (*gut, schlecht, schlimm*) характеризует общее состояние человека - как физическое, так и душевное:

Verkaufe es mir, Konrad, du sollst nicht schlecht dabei fahren

[Kellermann, Totentanz]

Словосочетания, обладающие семой чувств и движения привлекают наибольшее внимание, так как, согласно проведенным нами подсчетам, из общего числа устойчивых словосочетаний с глаголом *fahren* к ним относится 36,6% и 32,5% соответственно. Это обусловлено простотой употребления и одновременно емкостью и экспрессивностью, которую они придают высказыванию, следовательно их можно определить как доминирующие в данном лексико-семантическом поле.

ЛИТЕРАТУРА

1.Рогова Н.П. (1954). Проблема фразеологического оборота как эквивалента слова.// Некоторые вопросы изучения словарного состава языка. - Москва. - С.27 - 39. 2. Филичева Н.И. (1969). О словосочетании в современном немецком языке. - М.: Наука. 3. Хазанович А.П. (1962). К вопросу о возникновении фразеологических единиц. // Ученые записки ЛГУ. Ленинград. - №381. - С.131 - 145.

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Левицкий А.Э., канд. филол. наук (Житомир)

Функциональная переориентация представляет реализацию языковой единицей ее узально не закрепленных грамматических и лексических характеристик. Данный процесс носит синхронный характер. Функциональная переориентация рассматривается нами как особый деривационный процесс, со временем переводящий некие языковые единицы в новое семиологическое качество.

Таким образом, явление функциональной переориентации наиболее полно проявляется на примере номинативных единиц языка, поскольку их потенциальные функции достаточно объемны. Кроме того, действие данного деривационного процесса распространяется и на единицы, относящиеся к другим (фонологическому, морфологическому и синтаксическому) уровням языковой структуры, что приводит к реализации их потенциальных функций как номинативных единиц. Иными словами, в высказывании возможна функциональная переориентация разноуровневых языковых элементов.

Для функциональной переориентации в современном английском языке характерны такие основные формы проявления: грамматикализация, лексикализация, терминологизация и детерминологизация. Остановимся

подробнее на основных особенностях функциональной переориентации языковых единиц, которые проявляются в их грамматикализации.

Термин "грамматикализация" впервые был введен французским лингвистом А.Мейе (Mcillet 1958) и обозначал сдвиг независимого слова в позицию грамматического элемента. Из предложенного определения можно было сделать вывод о том, что слова, относящиеся к знаменательным частям речи, приобретают грамматические категории предлогов, наречий и вспомогательных элементов, которые далее могут быть грамматизированы в аффиксы. Полнозначные слова, следовательно, становятся функциональными для маркировки какой-либо конкретной конструкции; это категориальное изменение происходит совместно с редукцией фонологической формы и стиранием первоначального значения. Итак, грамматикализация представляет собой не только изменение синтаксических характеристик слова, но и глобальное изменение, затрагивающее морфологию, фонологию и семантику: *OE had "state, quality"; lic "body"* превратились в *ME -hood, -ly* (McMahon 1995: 160). На наш взгляд, подобные примеры доказывают силу действия функциональной переориентации, когда элемент становится слишком зависимым от микроконтекста, превращаясь в элемент определенной структуры и теряя при этом даже свои формальные показатели. Напомним, что в результате функциональной переориентации план выражения языковой единицы не претерпевает никаких изменений. Однако как доказывают вышеперечисленные примеры, данный процесс способен оказать действие и на "незыблемую" форму рассматриваемых единиц, когда "вживание" в новую функцию происходит настолько глубоко, что изменению подвергается не только семантика, но и форма. Похожий путь прошла функциональная переориентация английский артиклей: (*one > a, an; that > the*).

Диалектика языковых процессов предполагает то, что грамматикализация приводит, как правило, к полифункциональности (см., например, появление аффиксов *-hood, -dom, -able, -ing*, структуры *to be going*, модальных и вспомогательных глаголов). Хотя проблема полифункциональности не исчерпывается перечисленными явлениями (см. подробнее, например, Гвишиани 1979:8).

Распространение грамматикализации в современном английском языке доказывает полифункциональность традиционных наречий *by, up, to, in, out, on*. Так, *by, up, to* в ходе своего функционирования приобрели способность употребляться не только в качестве наречия места, но и предлога, а также префикса. Дивергенция наречного и предложного аспектов *off/of* получила свое графическое оформление в виде *off* и *of*. Грамматикализация *off* способствовала развитию в его морфолого-синтаксической структуре предложных свойств (Ивашкин 1988: 14-15). Вместе с тем, постпози-

тивное употребление *after, with, at, of, for* доказывает факт сведения до минимума наречных свойств в семантико-синтаксической структуре данных слов наречного происхождения, т. е. их неполной грамматикализации. Кроме того, возможным становится их префиксальная функция.

Функциональная переориентация происходит, когда в лексическом значении таких самостоятельных слов, как, к примеру, *basis, framework, field, sphere, form, light, time, eve, course, process, condition, spirit, relation, regard, respect* в сочетаниях типа *in the course, on condition, in the case, on the occasion, in connection, on the ground, in accordance, in the name, in relation, in the spirit* содержится потенциальная возможность выражения связей и отношений между словами. При этом лексическое значение полнозначного слова, подвергающегося переходу, полностью не исчезает, а лишь усиливает эту способность к выражению релятивности. Данные отглагольные абстрактные существительные, обладая двойственными характеристиками, способны выразить действия как самостоятельные предметы мысли безотносительно к лицу, времени и пространству. Они способствуют компрессии высказывания, поэтому достаточно частотны.

Широта грамматикализации проявляется в отсутствии полного соответствия между грамматической формой и категориями значения (Huddleston 1988:4). При этом речь не идет о полном соответствии между грамматическими и семантическими категориями, а категориальной семантикой того или иного функционального класса. Итак, на наш взгляд, вполне может быть сделан вывод о существовании прототипов той или иной функциональной категории. Иными словами, его можно назвать традиционной функцией номинативной единицы в высказывании (например, существительное функционирует как подлежащее или дополнение, глагол – как сказуемое и т. п.). Именно поэтому выполнение номинативной единицей нетрадиционной функции в высказывании может быть названо побочной, второстепенной, непрототипической. Таким образом, функциональная переориентация ведет к выполнению номинативной единицей непрототипической для нее функции.

Грамматические отличия между утвердительными, вопросительными и побудительными предложениями в современном английском языке также могут перераспределяться, что является результатом грамматикализации – процессом грамматической дифференциации на основе семантических отличий (Huddleston 1988:4). Наиболее важной составной частью грамматикализации выступает десемантизация (Croft 1993:236; Heine, Reh 1984). Этот процесс предусматривает преобразование лексического значения в значение грамматических элементов.

Термин “десемантизация”, употребляемый по отношению к грамматикализации, предполагает потерю лексического значения у полнознач-

ной номинативной единицы языка. Скорее всего, имеется в виду не полная потеря лексического значения номинативной единицей, а ее частичная утрата (например, в случае с функциональной переориентацией, приводящей к появлению квалификаторов, коммуникативов) того лексического значения, которое присуще полнозначным номинативным единицам. Семантический сдвиг предполагает, таким образом, привлечение дейктических категорий, эпистемического значения и условий оценки.

Выделяются три основные вида грамматикализации в парадигматическом аспекте. Кроме названной выше десемантизации выделяются расширение (expansion) – приобретение определенной грамматической единицей грамматической функции; упрощение (simplification) – сокращение парадигматических различий (например, потеря категории времени у английских модальных и вспомогательных глаголов) (Croft 1993:237). В синтагматическом аспекте процесс грамматикализации представлен идиоматизацией, когда значение всего словесного комплекса не совпадает с суммой значений составляющих его частей (“the meaning or function of two linguistic units merges into one new meaning/function which is different from that of the combined units” (Croft 1993:238-239)).

Грамматикализацию также возможно различать по степени интенсивности ее проявления. Так, *have to* считается менее грамматикализированным, чем *must*, поскольку состоит из двух более или менее отдельных морфем, имеет категории лица, числа и времени, является частью большого класса глаголов с *to* + инфинитивные дополнители VP (не парадигматические). Диахронические данные подтверждают, что *have to* позже пополнило состав модальных глаголов, чем *must* (Croft 1993:240-241). Добавим, что на современном этапе развития языка *must*, к примеру, активно участвует и в грамматикализации других структур: *musta* < *must have* (“He *musta* slipped” (E. McBain); “*Musta* been a psycho” (Ibid.)). По аналогии проходит процесс грамматикализации типа *‘da* < *would have* (“Nice girl. You *‘da* liked her” (E. McBain)).

В основе грамматикализации, как и всей функциональной переориентации, лежат когнитивные факторы. Они функционально мотивированы коммуникативной стратегией высказывания и фокализацией отдельных его элементов. С этой точки зрения, условия грамматикализации становятся пригодными лишь для ограниченного количества лексических единиц, особо употребляемых, имеющих значительный модальный потенциал, реализующих различные оттенки значения в разных прагматических контекстах. При этом, ослабление семантического значения не представляет собой весь процесс. Скорее это явление более характерно для поздних стадий грамматикализаций.

Среди двух основных движущих сил процесса грамматикализации прослеживаются, с одной стороны концептуальный перенос, метафорический по своей природе, и родственные другим когнитивным процессам, с другой стороны, прагматическая мотивация, вовлекающая контекстуальную реинтерпретацию, метонимию, что непосредственно приводит к появлению взаимонакладывающихся смыслов (Heine, Claudi, Hünemeyer 1991:113). Поэтому легко делается вывод о главенствовании метонимических процессов в ходе грамматикализации.

Вместе с тем, хотя метонимия (соположение) и выдвигается на первый план, однако метафора (сходство и аналогия) также оказывают определенное влияние на указанный процесс. К примеру, концептуальная ассоциация – метонимия – прослеживается в грамматикализации *while*, которое обозначало “время”, и употребляется сейчас параллельно как в новом, так и в старом значениях (*All the while he discovered fluently on the features of this or that church or square (J. Symons); While I'll be making all these inquiries, you, Gwendolen, will wait below in the carriage (O. Wilde).*)

Однако такие изменения происходят довольно медленно, поскольку на начальных стадиях грамматикализации лексических единиц необходимо обогащение значения в соответствующем прагматическом контексте. Затем постепенное расширение значения существующих форм приводит к появлению новых концептов: *Jim's going to Manchester tomorrow. He's going to Manchester to work at the factory. He's going to work at the factory. You're going to like her. You're gonna like her. You gonna like her* (глагол движения в определенных контекстах развил значение будущего времени и модальный оттенок значения).

Отличия составляют единицы, этимологически относящиеся ко вторичным образованиям, но, которые изначально проявляли полифункциональность своих структур, например, *about, along, behind, down, across*. Наречное и предложное функционирование им свойственно практически с момента своего возникновения *about < on + butan [be + utan (ut + ana)]; along < and/ond + langes; behind < bi/be + hindan; down < adown < of + dune; across < en croix = in cross*.

Убедительной представляется грамматикализация *I think*, которое превратилось в адвербиальную фразу *I think that we are on the way to solving this problem; I think exercise is really useful to everybody*. В этот разряд добавим также коммуникативные маркеры (discourse particles/markers), прошедшие подобную переориентацию: *Right/okay, let's start it. Now, what are we supposed to do? So, what are your plans? Good, I'll call you next Friday. Mind you, it is winter now. You see, I'm only the secretary. Next, it is important to remember it. Some words are hard to say, for example/for instance, "crisps"*. Процесс грамматикализации *let us > let's* в отдельных высказываниях приводит к его употреблению, синонимичному *OK, well*, в каче-

стве дискурсного маркера с металингвистической функцией: *Let's, what am I going to do?*

Следует отличать грамматикализованные продукты функциональной переориентации от их исходных форм: *She spoke well. : Well, she spoke; He loved her indeed. : Indeed, he loved her.*

Более частными случаями грамматикализации следует признать: а) перекаатегоризацию *in, way*, которые совпали со значением "any"; б) более тесную семантическую связь компонентов *in + deed, in + fact, any + way*; в) редукцию (например, [ndid], [nfækt], [bsaidz], [hafia]); г) генерализацию значения; рост значимости прагматической функции за счет потери семантической (ср. *be going to > be gonna*); д) субъектификацию – зависимость от отношения собеседников друг к другу или к предмету коммуникации. Таким образом, связь между единицами языка в высказывании осуществляется в вышеперечисленных примерах посредством прагматического усиления (фокализации) в нетипичной для слова функции, что, на наш взгляд, подчеркивает единение коммуникативных и когнитивных причин в ходе изменения роли и функции языковых единиц.

Функциональные потенции каждой лексической единицы в сфере грамматикализации могут быть различны. Поэтому мы можем констатировать существование сильной грамматикализации (элементы сращиваются тесно, а некоторые редуцируются): *instead, anyway, gonna, wanna, indeed, sorta, kinda* и пр.; слабой грамматикализации (элементы сращиваются семантически, но это не закреплено формально): *in fact, going to, sort of, kind of* и пр. Однако какой бы сильной ни была грамматикализация, для новообразований все равно существуют некоторые ограничения: **John's gonna school tomorrow.*

Именно грамматикализация как форма проявления функциональной переориентации приводит к перестройке границ между лексическими категориями, с одной стороны, и синтаксическими категориями с другой стороны, допускает анализ таких единиц как *in fact, for sure, no doubt* и им подобных в качестве модальных слов в традиционной частеречной классификации. Такой вывод может быть сделан на том основании, что эти "гибридные" образования сохраняют некие остаточные характеристики классов единиц – их генетических источников. Следовательно, вопрос о "собственности/несобственности" признака напрямую связан с вопросом о границах лексико-грамматического класса слов и имеет выход на "грамматичность".

Результаты грамматикализации как одной из форм проявления функциональной переориентации проявляются и в макрополе копулятивности, в структуру которого входят смысловые глаголы, функционирующие в качестве глаголов-связок. Причем, глаголы, связанные с характеристикой физического состояния/квалификативности (*become, grow, get, turn, go,*

fall, lie, taste, remain, keep, stay), а также модальные связочные глаголы (*seem, appear*) находятся в ядре данного микрополя.

В сфере модальных глаголов, которые прошли процесс грамматикализации, преобразования продолжают и сейчас (см. употребление в современной английской разговорной речи квазимодальных глаголов (*quasimodals* – Croft 1993:377) *hafta, gonna, oughta, shoulda, musta, gotta, woulda*, например, “*She’s gonna be married next month*” (J. D. Salinger); “*/.../ Ya think I oughta put something on it?*” (Ibid.)). Кроме того, несмотря на единство функций, сходный путь грамматикализации, общность психологических/социальных факторов, модальные глаголы характеризуются определенными оттенками в своих функционально-семантических структурах, которые продолжают изменяться на современном этапе (Myhill 1995:202-203).

Переход полнозначных слов в строевые, вспомогательные, занимающие промежуточное положение между полнозначными и служебными, фиксируются и в разряде существительных, в частности, на материале высокочастотных единиц *sort* и *kind*. Использование неполнозначных грамматикализированных слов по существу связано с выражением аналитических отношений в языке. Их лексическое значение становится грамматическим, т. е. внутренняя граница между этими значениями данных слов подвижна. Наличие двух планов (лексического и грамматического), соотношение которых может варьироваться в объеме значения существительных, допускает богатые возможности их речевых реализаций. Грамматикализированные формы типа *sort of, kind of* употребляются в высказывании в составе устойчивых грамматических сочетаний, которые характеризуются стабильностью структуры и определенным грамматическим значением, а следовательно, могут трактоваться как морфологические формы.

Подвергаются грамматикализации и отдельные имена собственные, которые приобретают черты лексем, со свойственными им морфолого-синтаксическими показателями: *angora* (Ankara), *astrakhan* (Astrakhan), *damask* (Damascus), *suede* (Sweden), *cashmere* (Kashmir), *tweed* (the Tweed), *to gyp* (to swindle, to cheat) от *a Gypsy*, *to welch/to welsh* (to cheat by failing to pay a gambling debt; to fail deliberately to meet one’s obligations) от *a Welshman*, *to jew* (to drive a very hard bargain, to overreach or cheat) от *a Jew* (имеющее также значение *a hard bargainer*), *Greek* в “*It’s Greek to me*” т. п.

В результате грамматикализации происходит закрепление за номинативной единицей новой функции без изменения ее формы. Поскольку для реализации данного процесса необходимо значительное время, грамматикализация вначале имеет окказиональные черты. Постепенно единица расширяет контексты своих употреблений, приобретает новые функциональные характеристики, которые существуют параллельно с исходными данными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гвишиани Н. Б. (1979) Полифункциональные слова в языке и речи. – М.: Высшая школа. – 200 с.; 2. Ивашкин М. П. (1988) Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке. – М.: Прометей. – 172 с.; 3. Croft W. (1993) A Noun Is a Noun – Or Is It? // Proceedings of the XIXth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society, Feb 12 – 15, 1993. – Berkeley. – P. 369–380; 4. Heine B., Reh M. (1984) Grammaticalization & Reanalysis in African Languages. – Hamburg: Helmut Buske. – 325 p.; 5. Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. (1991) Grammaticalization: A Conceptual Framework. – Chicago: University of Chicago Press. – 318 p.; 6. Huddleston R. (1988) English Grammar. An Outline. – Cambridge: Cambridge University Press. – 212 p.; 7. McMahon A. M. S. (1995) Understanding Language Change. – Cambridge: Cambridge University Press. – 361 p.; 8. Meillet A. (1958) L'evolution des formes grammaticales // Linguistique historique generale. – Paris: Champion. – P. 130–148; 9. Myhill J. (1995) Change and Continuity in the Functions of the American English Modals // Linguistics. – Vol. 33. – # 3. – P. 157–211.

ПЕРЕКЛАД ГРАМАТИЧНИХ ЧАСІВ ДІЄСЛОВА, ЯКІ ВЖИВАЮТЬСЯ У ТЕКСТАХ ОФІЦІЙНО-ДІЛОВОГО СТИЛЮ (на матеріалі французької мови)

Лісова І.Г. (Київ)

Полісемічність граматичних часів, яку фіксують фундаментальні праці (наприклад, “Grammaire du franzaais contemporain.Larousse”, “Le bon usage” М. Гревісса), виявляється у рамках одного функціонального стилю (Larousse 1993: 354; Grevisse 1969: 785). Так майбутні часи Futur Simple (F.S.), Futur Antérieur (F.Ant.) реалізують в різних видах текстів, що належать до офіційно-ділового стилю, як свої первинні, так і вторинні значення, які слід враховувати при перекладі.

Частотність вживання цих часів варіює в залежності від тексту (дані наведено в процентному відношенні від всієї кількості особових форм дієслова):

	Futur Simple	Futur Antérieur
Конституція	3	-
Кримінальний кодекс	35,7	18,5
Цивільний кодекс	4,3	0,2
Рішення суду	3,2	3,1
Міжнародні договори	12,3	0,3

Вживання майбутніх часів у всіх цих документах є закономірним з точки зору того, хто складає текст, оскільки всі дії та події, про які йдеться в будь-якому з документів (чи то договір, кодекс, декрет або конвенція), мають відбутись (більш чи менш неминуче) у реальному майбутньому, а саме, деякий час після написання тексту закону. Тобто можна говорити про те, що F.S. та F.Ant. вживаються й вибираються з огляду на їх первинні функції: розташування дії у плані майбутнього. Але ситуації, в яких використовуються майбутні часи, передбачають явно чи неявно виражену модальність усього висловлювання, одним з засобів вираження якої й стають часи F.S. та F.Ant. Найбільш типовими для текстів будь-якого виду є наступні ситуації:

а) "рамкові ситуації", що застерігають прийняття рішень, документів після дати набуття сили вихідного тексту;

б) передбачення можливої, нестандартної ситуації, способів її розв'язання (для кримінального кодексу, наприклад, це - злочин та покарання);

в) заборона (попередження про неприпустимість) та дозвіл (надання можливості);

г) прийняття зобов'язань.

Для ситуацій типу а) ("рамкові") характерним є вибір між "обов'язковістю" та "можливістю":

L'application du présent décret à l'Algérie et aux colonies sera réglée par décret. (CP, p. 468)

Модальність висловлювання залежить від його інтерпретації тим, хто читає, та ґрунтується на психології останнього. Так, якщо дія з наведеного вище прикладу сприймається як обов'язкова (а не як можлива, що також є притаманним F.S.), то тільки тому, що і той, хто склав текст, і той, хто його читає, обізнані з соціальною роллю офіційно-ділових документів та знають, що заходи, які приписуються ними, повинно бути вжито. Дієслівна форма у F.S. реалізує модальне значення «обов'язковості». Але при перекладі це ніяк не відбивається, оскільки F.S. відповідає аналогічній формі майбутнього часу:

Переклад: Застосування цього декрету в Алжирі й колоніях буде визначено окремим декретом.

Для ситуацій (б), (в), (г) характерним, на наш погляд, є модальне забарвлення висловлювання, яке часто набуває свого вираження у модальних дієсловах *pouvoir*, *vouloir*. Якщо розглядати майбутні часи виключно у їх темпоральному значенні (первинна функція), то логічним було припустити написання Конституції та конвенцій переважно у F.S., F.Ant. (що не відповідає дійсності), тому що в них також є певна дата набуття чинності. Але майбутні часи є домінуючими тільки в кримінальному кодексі. Кодекс відіграє соціальну роль послання-попередження, про можливість

вчинення протиправної дії та покарання, що неминуче за ним настане. Переміщення всього змісту до плану майбутнього свідчить про позицію законодавця, який не визнає неминучості та постійності протиправних ситуацій (функція *Présent*), а тому представляє їх тільки як можливі (Гумилевская 1972: 7). Значення, якекладають у дієслівній форми, можна представити так:

правопорушення	F.Ant.	є можливим,
покарання	F.S.	є обов'язковим, але за умови вчинення правопорушення (F.Ant.)

Існує істотна різниця у використанні дієслівних часів: у французькій мові - F.S., F.Ant. поряд з *Présent*; в українській мові - виключно теперішній час. Для порівняння наводимо практично аналогічні статті з двох кодексів:

Ст. 81. Таємне викрадення державного чи колективного майна (крадіжка) - карається позбавленням волі на строк до трьох років... (ККУ 1993: 52)

Art. 381. *Le vol simple ou sa tentative sera puni d'un emprisonnement de trois mois à trois ans ... (CP, p. 280)*

Що ж криється за різницею часових планів? Український кримінальний кодекс орієнтується на повсякденну судову практику, що здійснюється на підставі вже прийнятих статей: трактування великої кількості однотипових злочинів, які вже вчинено. У французькому кодексі запобігається правопорушення, констатується неминучість покарання. При перекладі необхідна зміна темпорального плану з майбутнього на теперішнє, оскільки в українському варіанті значення загальності покарання передається формою теперішнього часу. Наприклад:

Art. 354. *Quiconque aura ... enlevé des mineurs ... subira la peine de la réclusion criminelle à temps de cinq à dix ans (CP, p. 245).*

Дослівний переклад буде наступним: "Кожного, хто викраде неповнолітню особу, буде засуджено до тюремного ув'язнення строком від 5 до 10 років". Приведення перекладу у відповідність до норм, існуючих в українському офіційно-діловому стилі, вимагає скорочення синтаксичної структури речення й використання тільки одного граматичного часу - теперішнього, який відповідає двум прагматичним настановам законодавця попередження та наказу. Тому остаточний переклад буде наступним:

Викрадення неповнолітньої особи карається тюремним ув'язненням строком від 5 до 10 років.

За допомогою граматичного часу F.Ant. формується значення неординарності ситуації. Будучи точковим часом, F.Ant. граничних, акціональних дієслів реалізує значення однієї закінченої дії: *commettre, avertir, fabriquer, faire déclaration, arrêter, enlever*. Одиничний характер (а не такий, що повторюється, постійний) у поєднанні з неозначеним агенсом

представляє майбутню дію як таку, що передбачається, є можливою, але не обов'язковою. F.Ant. формує у висловлюванні модальність евентуальності, гіпотетичності. В гіпотетичному контексті дія у F.S. є обов'язковою, що наближає цей час за семантикою до імперативу чи до модальних дієслів. Деякі дослідники вважають цей граматичний час замінником наказового способу в офіційно-діловому стилі (Bécanne, Couderc 1994: 115; Круковський 1996: 74), тому що ці дії сприймаються учасниками комунікативного акту як обов'язкові, неминучі. Тобто модальність дієслівної форми та усього висловлювання створюється екстралінгвістичними чинниками (Гончарова, Ігнатова 1988: 35). Того ж висновку ми доходимо при розгляданні текстів декларацій (прав людини, жінок, дитини тощо). Тут майбутній час присудка передає категоричність твердження про обов'язковість (неприйнятність, у разі заперечної форми) дії. Наприклад:

Art. 12. Nul ne sera l'objet d'immixtions arbitraires dans sa vie privée, sa famille, son domicile ou sa correspondance, ni d'atteintes à son honneur et à sa réputation. Toute personne a droit à la protection de la loi contre de telles immixtions ou de telles atteintes. (Ddh, p. 7)

На фоні загального правила, який сформульовано формою *Présent* модального словосполучення *avoir droit*, F.S. передає дію, яка обов'язково повинна мати місце у разі порушення цього принципу. Загальний принцип: усі мають право на захист особистого життя від втручання. Порушення цього принципу не повинно ніколи мати місце: «*Nul ne sera l'objet*» є еквівалентом «*Nul ne doit être l'objet*». Проектуючи дію у майбутнє, F.S. представляє її як евентуальну, але у той самий час більш категорично стверджує її неприпустимість, ніж *Présent* модального дієслова. Форма майбутнього часу об'єднує у собі дві комунікативні настанови: передбачити її висловити своє відношення, - виступаючи засобом мовної економії. В українському варіанті модальність оригіналу виявляється у застосуванні дієслова «могти», а обов'язковість додержання принципу передається теперішнім часом.

Переклад: Ніхто не може бути підданий незаконному втручання у його особисте життя, сім'ю, оселю, листування, ані замаху на його честь і гідність. Кожна людина має право на захист з боку закону від такого втручання або замаху.

В офіційно-ділових документах значне місце посідають модальні дієслова, як з точки зору частотності їх вживання, так і у плані їх семантичного навантаження. Звертає на себе увагу паралельне використання цих дієслів у *Présent* та у F.S. За нашими спостереженнями різні часові плани, що створюються дієслівною формою, передають різні характеристики дії, які у свою чергу відповідають комунікативним настановам мовця (законодавця). Основним темпоральним значенням висловлювання з

дієсловами *pouvoir* та *devoir* у *Présent* є постійна, позачасова дія, що є близьким до значення стану. Наприклад:

A l'expiration du délai mentionné au premier alinéa du présent article, les ordonnances ne peuvent plus être modifiées que par la loi dans les matières qui sont du domaine législatif. (Const.)

Переклад: По закінченні строку, зазначеного у абзаці першому цієї статті, ордонанси з питань, що належать до законодавчої сфери, можуть змінюватись лише законами.

У висловлюванні викладено правило, за яким ордонанси змінюються окремим законом.

На відміну від *Présent*, F.S. використовується у ситуаціях менш ординарних, більш рідких, можливих, таких, що розглядаються як одиничні. І модальне значення змінюється з “обов’язковість” на “можливість”. Розглянемо приклад:

Ne pourra être désigné Président exécutif quiconque aura exercé des fonctions actives dans l'industrie ou le commerce de l'étain pendant les cinq années précédant la désignation. (v. 1282, p. 341)

Якщо залишити план майбутнього в українському варіанті, висловлювання загубить свою функцію визначення. “Виконавчим головою не зможе бути обрано особу, яка візьме участь” - це лише припущення стосовно окремого, виключного випадку, що ніяк не відповідає загальному правилу, відтвореному у французькому тексті. Тому потрібні часові трансформації.

Переклад: Виконавчим головою не може бути призначено особу, яка брала активну участь у олов’яній промисловості чи торгівлі оловом протягом п’яти років, що передували даті призначення.

Різниця у застосуванні дієслівних часів (майбутні часи у французькій та теперішній - в українській мові) вказує на здатність форми F.S. передавати ставлення автора тексту: неприйнятність такої ситуації, якщо вона виникне колись у майбутньому (тому що постійним правилом є неможливість призначення деяких осіб).

Інколи модальність заборони, що виникає у висловлюванні з дієсловом *pouvoir* у заперечній формі, повинна бути експлікована й передаватись саме словом “забороняється”.

Le présent accord entrera en application le 1er janvier 1956. A partir de cette date, aucune carte ne pourra être délivrée à l'effet exclusif de certifier l'identité des personnes (CP, p. 508).

Переклад: Ця угода набуває чинності з 1 січня 1956 року. Починаючи з цієї дати забороняється видача документів, що посвідчують особу громадян.

І навпаки, модальні дієслова французького тексту можуть бути відсутні в українському перекладі, їх функції беруть на себе інші мовні засоби (наприклад, заперечна форма):

Il ne devra être accepté aucune commande en vue de l'exportation des matériels visés à l'article suivant ... (CP, p. 467).

Переклад: Не приймаються ніякі замовлення на експорт матеріалів, передбачених у наступній статті.

Необхідним виявляється застосування теперішнього часу для досягнення в українському тексті комунікативної мети закону: затвердити існування й чинність законодавчого правила.

В цілому, як показує дослідження, що було проведено, у текстах офіційно-ділового стилю вибір дієслівних часів багато в чому визначається позицією законодавця, який прагне запобігти правопорушенню, а не констатувати його поширеність у реальному житті. Цю можливість надають саме майбутні часи. На відміну від *Présent*, *F. Ant.* представляє дію не постійною чи такою, що повторюється, а одиничною, отже, виключною. Невизначеність агенса у поєднанні з семантикою дієслівного часу створює у висловлюванні модальність еventуальності, гіпотетичності. Форми *F.S.* передають категоричність, наслідність твердження про необхідність (чи неприйнятність) тієї або іншої дії і, таким чином, надають можливість сигналізувати, визначити ставлення автора тексту до його змісту. Слід враховувати, що ці функції в текстах українського офіційно-ділового стилю виконуються дієслівними формами теперішнього часу, які найбільш повно передають при перекладі необхідне модальне значення. Зміна темпорального плану може супроводжуватись:

а) скороченням синтаксичної структури (складнопідрядне речення перекладається простим);

б) використанням модальних дієслів "могти", "забороняється", відсутніх у тексті оригіналу;

в) уникнення модальних дієслів оригіналу за рахунок інших мовних засобів.

Встановлення трансформацій модально-темпорального плану висловлювання - це один з кроків, що дозволяє проводити "аналіз системних відношень між мовними засобами, які використовуються в тих чи інших сферах спілкування, визначення принципів їх відбору, поєднання й організації в тексти" (Швейцер 1991: 32).

ЛІТЕРАТУРА

1. Гончарова О.М., Игнатова О.И. (1988). Функциональная асимметрия глагольных форм индикатива в выражении "будущности" (по материалам текстов официально-документального подстиля) // Стилистические аспекты корреляции языковых единиц. - Киев: Киев.ун-т. - Деп. сборник. - Деп. в ИНИОН АН СССР

22.12.1988. - С. 28-28. 2. Гумилевская Е.Б.(1972). Административно-юридический стиль французского языка и его использование в литературе: Автореф. дис. канд. филол. наук: 664/ ЛГПИ им. А.И. Герцена.-Л-21 с. 3. Круковский В.И. (1996). Коммуникативно-прагматический аспект французских законодательных текстов (на материале Гражданского кодекса Франции та інших юридических текстов): Дис. канд. филол. наук: 10.02.05.-Київ.-210 с. 4. Швейцер А.Д. (1991). Проблемы контрастной лингвистики // Вопросы языкознания.-№ 4.-С. 31-45. 5. Bécaune J.-C., Couderc M. (1994). La loi.-Paris: Dalloz.-301 p. 6. Grammaire du français contemporain.-)1993). Paris: Larousse.-495 p. 7. Grevisse M. (1969). Le bon usage.-Paris: Duculot Gembloux, Hatier.-1228 p.

Джерела ілюстративного матеріалу

1. Кримінальний кодекс України.(1993). Київ: В-во "Україна".- 183 с. 2. Code civil.(1992-1993). - Paris: Dalloz.- 1864 p. 3. Code pénal. (1990-1991). Paris: Dalloz.-1391 p. 4. Droits de l'homme. La Charte internationale des droits de l'homme. (1993). New York, Nations Unies.- 51 p. 5. Recueil des Traités. Traités et accords internationaux enregistrés ou classés et inscrits au répertoire au Secrétariat de l'Organisation des Nations Unies. (1991). New York: Nations Unies.- volume 1282.- 516 p.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЕНДЕРНОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ (на материале английского и русского языков)

Мартынчук А.П., канд. филол. наук

Пищикова Е.В. (Харьков)

В данной работе мы видим своей задачей сравнительный анализ гендерного коммуникативного поведения учащихся старших классов американских и украинских средних школ (14-17 лет). Именно такая выборка обусловлена тем, что это период завершения формирования гендерных субкультур и перехода к более широкому межгендерному общению. (Maltz, Borker 1982:198) Нами была проанализирована ситуация игровой дискуссии, а именно тур вопросов, или перекрестный опрос.

Параметры, выбранные для анализа перекрестного опроса, можно условно разделить на параметры, характеризующие стратегию проведения тура вопросов, а именно тип вопроса и количество тем, охваченных за определенный временной период, и параметры, характеризующие ответную реакцию.

Для анализа стратегии последовательной организации диспута нами были использованы два типа классификации вопросов: классификация, предложенная Helmut Gruber (1998): простые запросы, противительные вопросы и вопросы-ловушки и традиционная, разделяющая вопросы на

общие (требующие ответа да или нет) и специальные. Еще одним параметром, использованным для анализа типа вопроса, является изложение собственной точки зрения в форме вопроса. Кроме того, было рассчитано процентное соотношение общих вопросов и односложных ответов.

В контексте классификации, предложенной Грубером, вопросы делятся на простые запросы, противительные вопросы и вопросы-ловушки. Простые запросы состоят из ссылки на высказывание предыдущего оратора с вопросом, вынуждающим его объяснять и защищать свою позицию. Такие вопросы не демонстрируют стратегическую ориентацию спрашивающего.

Противительные вопросы представляют собой вопросы, кажущиеся на первый взгляд просто противоположными позиции оппонента, но при более близком рассмотрении трактуют ее в невыгодном для оппонента свете. Часто такие вопросы одновременно являются подтверждением позиции спрашивающего.

Вопросы-ловушки отличаются от противительных своим положением: они используются для того, чтобы заставить оппонента сформулировать высказывание, которое спрашивающему будет легко опровергнуть. Такой вопрос, как правило, представляет собой серию вопросов, последний из которых приводит оппонента к опровержению собственных слов. В этой стратегии зачастую используются логические цепочки и проведение аналогий. Таким образом, как противительные, так вопросы-ловушки демонстрируют стратегическую ориентацию доминирования. Необходимо отметить, что то, кому задается вопрос (девочке или мальчику) не влияет на развитие дискуссии и выбор стратегии. (Мартынюк, Пищикова 1998:95-100).

По типу использованного вопроса стратегии украинских мальчиков и девочек разнятся следующим образом.

Тип вопроса	мальчик	девочка
Простые запросы	41%	43%
Противительные	41%	28,5%
Вопросы-ловушки	18%	28,5%

Результаты, полученные для американских школьников.

Тип вопроса	мальчик	девочка
Простые запросы	74%	51,6%
Противительные	14,8%	24,2%
Вопросы-ловушки	11,2%	24,2%

Как мы видим, украинские девочки и мальчики в равной степени прибегают к стратегии доминирования в вопросах, единственное существенное различие заключается в том, что мальчики меньше используют вопросы-ловушки. Американские девочки, наоборот, в два раза чаще прибегают к вопросам, демонстрирующим стратегию доминирования, что явно говорит в пользу большей инициативности с их стороны.

Таким образом, основное различие между стратегиями, выбираемыми украинскими и американскими школьниками, является то, что американские мальчики гораздо реже используют вопросы, демонстрирующие стратегию доминирования. Подобное различие можно объяснить тем, что американские мальчики считают своей основной задачей в туре вопросов получение информации, а не прямое оппонирование представленной линии аргументации.

В результате анализа процентного соотношения общих и специальных вопросов к общему количеству заданных вопросов были получены следующие результаты для мальчиков и девочек. Следует отметить, что при классификации вопросов нами учитывалась не только грамматическая форма вопроса, но и ожидания спрашивающего. Это соотношение вопросов демонстрирует стратегическое отношение к оппоненту и к выделенному для тура вопросов времени.

Результаты анализа русскоязычного материала:

Тип вопроса	Мальчики		Девочки	
	мальчики	девочки	девочки	мальчики
Оппонент				
Общие вопросы	42,8%	61,5%	42,8%	66,5%
Специальные вопросы	57,2%	38,5%	57,2%	33,5%

Из таблицы видно, что в гендерно однородной паре, как мальчики, так и девочки используют общие вопросы в меньшей степени, чем в смешанной паре, при чем это соотношение постоянно. В смешанных парах мальчики и девочки задают в 2 раза больше общих вопросов. Это говорит о том, что в смешанных парах ярче выражено стремление ограничить поле действий оппонента.

Результаты анализа англоязычного материала:

Тип вопроса	Мальчики		Девочки	
	Мальчики	Девочки	Девочки	Мальчики
Оппонент				
Общие вопросы	56,2%	44%	50%	74,3%
Специальные вопросы	43,8%	56%	50%	25,7%

В гендерно смешанной группе мальчики используют общие вопросы значительно меньше, чем девочки, у которых количество общих вопросов в 3 раза превышает количество специальных. Сравнительный анализ соотношений в гендерно однородных и смешанных группах показал, что мальчики существенно не меняют тактику формулировки вопросов в зависимости от пола оппонента, в то время как для девочек расхождение составляет около 25%. Таким образом, между американскими мальчиками и девочками не наблюдается такой корреляции результатов, как между украинскими, так как стратегии американских школьниц значительно дифференцированы в зависимости от пола оппонента.

Изложение собственной точки зрения в форме вопроса является важным параметром, демонстрирующим стратегию использования времени, выделенного для тура вопросов, т.к. при его использовании основная цель проведения тура вопросов не достигается, значит, этот прием говорит о неэффективном проведении перекрестного опроса.

Результаты, полученные для украинских школьников:

параметр	мальчики	девочки
Изложение своей точки зрения в вопросе	100%	61%

Результаты, полученные для американских школьников

параметр	мальчики	девочки
Изложение своей точки зрения в вопросе	100%	40%

Как видно из приведенных выше данных, как украинские, так и американские девочки используют этот прием почти в два раза реже, чем мальчики. Таким образом, по данному параметру результаты, полученные для американских и украинских школьников, совпадают.

Количество новых тем, затронутых за время одного тура характеризует степень эффективности проведения перекрестного опроса, так как получение максимального количества информации по различным проблемам является приоритетным для задающего вопросы.

Результаты по украиноязычному материалу:

состав участников	количество тем за 6 минут
Девочка спрашивает девочку	16
Девочка спрашивает мальчика	12
Мальчик спрашивает девочку	10
Мальчик спрашивает мальчика	10
Общее количество тем	у девочек на 60% больше

Интерес представляет тот факт, что максимальное количество тем было охвачено при перекрестном опросе между двумя девочками. В случае, когда мальчик задает вопросы, пол оппонента не влияет на данный параметр.

Результаты, полученные для американских школьников, существенно коррелируют с результатами, полученными на русскоязычном материале.

состав участников	количество тем за 5 минут
Девочка спрашивает девочку	15
Девочка спрашивает мальчика	11
Мальчик спрашивает девочку	8
Мальчик спрашивает мальчика	7
Общее количество тем	у девочек на 58% больше

Из полученных данных следует, что американские и украинские девочки задают практически равное количество вопросов, в то время как американские мальчики успевают задать на 25% меньше вопросов, чем украинские. Таким образом, максимальное количество вопросов было задано в чисто женской коммуникации, в смешанных парах количество вопросов меньше и зависит от пола задающего вопросы, а самый маленький показатель был получен для чисто мужской коммуникации. Это соотношение одинаково для американских и украинских школьников. Этот результат представляет значительную ценность для объяснения соотношения других параметров, так как многие расхождения между мужской и женской коммуникацией могут быть объяснены нехваткой времени.

На наш взгляд, среди множества параметров, характеризующих реакцию на высказывание оппонента, в данной коммуникативной ситуации релевантными будут перебивы, минимальные положительные реакции и односложные ответы. Учитывая специфику проведения перекрестного опроса, нам представляется верным трактовать все перебивы как элемент стратегии доминирования. Минимальные положительные реакции являются признаком более активной позиции, но не могут напрямую трактоваться как стратегически ориентированный прием. К односложным ответам относятся не только Да и Нет, но и синонимичные выражения.

параметр	мальчики	девочки
Перебивы	100%	61%
Минимальные положительные реакции	14%	100%
Односложные ответы	61,5%	100%

Как мы видим, мальчики значительно больше перебивают, это может говорить о том, что мальчики гораздо агрессивней. Минимальные положительные реакции можно считать преимущественно женским приемом.

параметр	мальчики	девочки
Перебивы	30%	100%
Минимальные положительные реакции	33%	100%
Односложные ответы	100%	67%

Сравнительный анализ двух материалов показывает, что американские девочки также агрессивны, как украинские мальчики. И хотя мы условились считать это проявлением агрессии и стремления к доминированию, необходимо отметить, что эта агрессивность может быть спровоцированной. Такое предположение может подтверждаться данными о количестве новых тем, затронутых за время тура вопросов, и стремлении высказывать собственную точку зрения в вопросе.

Соотношение общих вопросов и односложных ответов

	Мальчики		Девочки	
Оппонент	Мальчики	Девочки	Девочки	Мальчики
Односложный ответ	100%	50%	100%	50%

Как мы видим, в смешанных парах, как мальчики, так и девочки в два раза реже реагируют на вопрос так, как этого ожидает оппонент, т.е. односложным ответом на общий вопрос.

Для англоязычного материала:

	Мальчики		Девочки	
Оппонент	Мальчики	Девочки	Девочки	Мальчики
Односложный ответ	33%	72,8%	13,4%	46,2%

Как мы видим, в смешанных парах, как мальчики, так и девочки чаще реагируют на вопросы адекватно, причем у девочек этот процент выше, чем у мальчиков. В однородных же парах, наоборот, девочки крайне редко предоставляют желаемый тип ответа. Таким образом, сравнительный анализ показал, что в отличие от украинских школьников у американских не бывает стопроцентной корреляции между типом вопроса и типом ответа. При этом минимальное совпадение наблюдается в чисто женской коммуникации, а максимальное у мальчиков в неоднородной коммуникации, что противоположно результатам в украиноязычной ситуации.

Таким образом, в стратегии проведения дискуссии между украинскими мальчиками и девочками не наблюдается существенных отличий, в то

время как среди американских школьников гендерная дифференциация значительна, причем американские девочки шире используют приемы, демонстрирующие стратегическую ориентацию. Как американские, так и украинские девочки эффективнее используют выделенное время. Что касается реакций на высказывания оппонента, минимальные положительные реакции остаются чисто женской чертой, а основное различие между украинскими и американскими школьниками заключается в частотности перебивов. В этом параметре лидируют украинские мальчики и американские девочки, однако, если у украинских мальчиков это считается проявлением агрессии, у американских девочек такое поведение может быть спровоцированным. Более адекватная реакция на вопросы оппонента для украинских школьников наблюдается в однородной группе, а для американских — в смешанной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Daniel N. Maltz and Ruth A. Borker. (1982) A cultural approach to male - female miscommunication// Language and social identity, ed. by John J. Gumperz - Cambridge London New York: Cambridge University Press, 196-216.
2. Gruber A. (1998) Question and Strategic Orientation in Verbal Conflict Sequences // 6th International Pragmatics Conference - International Pragmatics Association.
3. Мартынюк А.П., Пищикова Е.В. (1998) Формирование коммуникативных стратегий полов. // Вісник Харківського державного університету №406. - "Константа" Харків. - 95-100.

ИЗМЕНЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛОГА И ЛИНЕЙНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ДИАХРОНИИ XVIII-XX вв (на материале английского языка)

Морозова И.Б. (Одесса)

Современная лингвистическая наука большое внимание уделяет проблемам спонтанной коммуникации. Это, в свою очередь, находит отражение в углубленном изучении синтаксической организации высказывания и целого текста. При особую проблему коммуникативного синтаксиса представляет изучение функционирования реплик в диалоге.

Целью настоящей работы являлось выяснение общих закономерностей развития английской разговорной речи в диахронии двух веков (18-

20 в.в.). В качестве материала указанного временного периода, такой выбор объекта исследования мотивировался прежде всего невозможностью работы с устной речью 18-19 в.в.

Наряду с этим в настоящей работе разделяется мнение О.С. Ахматовой (1966:132), В.В. Виноградова (1971:23), а также других авторов, о том, что диалогическая речь художественного произведения является фиксированным аналогом, моделью спонтанной диалогической речи. По справедливому замечанию Н.Ю. Шведовой (1966) художественная обработка материалов заключается в том, что писатель берет соответствующие конструкции в их типической форме, освобождая их от случайного, индивидуального, того, что фиксируется в записях как отступление от обычной нормы. Иными словами, анализ художественного диалога вполне объективно отображает картину эволюционного развития изучаемого явления. С целью уменьшения влияния побочных факторов на результаты исследования, как-то: жанрового своеобразия произведения, индивидуального стиля писателя и т. д., из каждого произведения для анализа отбиралось только по 100 стр. диалогического текста методом случайной выборки. Таким образом было изучено 136 произведений 38 авторов и отобрано 5100 речевых образцов.

Предметом настоящего исследования является функционирование и изменение линейных характеристик различных типов простого предложения. При этом синтаксическая организация текста рассматривается как один из аспектов проблемы.

Как известно, количественный подход при исследовании линейных характеристик предложил еще в 1893 г. Л. Шерман, учение которого позднее было использовано У. Юлом для определения статистического признака определенного функционального стиля. (Sherman 1983:363-380).

В настоящей же работе линейные характеристики используются как основной критерий изменения информационной нагрузки высказывания в диахроническом аспекте.

Что же касается выбора в качестве точки отсчета простого предложения, то такое решение представляется нам обоснованным, как с точки зрения элементарности формы, так и с точки зрения семантической соотнесенности с только одним элементарным процессом материального мира.

Исследование фактического материала проводилось по двум срезам - горизонтальному (в пределах одного и того же века) и вертикальному (в диахронии 18-20 в.в.).

При этом были выделены и проанализированы следующие типы простых предложений: 1) распространенные, 2) нераспространенные, 3) эллиптические, 4) структурно-непредикатные, 5) осложненные а) обращением, б) парентезой или в) вторичной структурой предикации.

Например: 1. I can perfectly cemprehend your feelings. (J. Austen)

2. I am twenty one. (G. Heyer)

3. Why did you do so? - At the stranger's request. (H. Fiolding)

- We did it at the stranger's request.

4. Oh? (A. Huxley) Thanks. (Ch. Dickens).

5. a) Dear sir, I can hardly believe it. (Ch. Dickens).

b) Frankly speaking, I have no notion. (A. Huxley).

c) I wanted them to come. (J.Galsworthy).

Сравнительный анализ современного литературного диалога и диалога 18 в. позволил установить закономерности и проследить тенденции функционирования различных видов простых предложений.

Оказалось, что удельный вес простых предложений в XX веке по сравнению с XVIII веком в 2 раза увеличился, а их линейная протяженность сократилась в среднем с 12 до 5 слов. В XVIII веке относительная частота употребления простых предложений была в 2,4 раза меньше чем сложных, а длина простого предложения, как линейная характеристика, составляла в среднем около 15 слов.

Например: And as for you, my son, - continued I - and by the labour of your hands we must all hope to be supported. (O.Goldsmith).

В XIX веке удельный же вес простых предложений был уже в 1,4 раза меньше, чем сложных, а длина сократилась до 7-10 слов.

Например: He was our darling and our pride (T.Hardy) - 7 слов.

Налицо увеличение частотности нераспространенных и эллиптических высказываний (ср. их соответственное употребление в XVIII в -23.5% и 18.2% соответственно, 25.3% и 34.1% от общего количества простых предложений).

В XX веке удельный вес простых предложений по сравнению со сложными резко увеличивается. Частотность их употребления в 2 раза выше, чем сложных, а длина, как линейная характеристика, в среднем составляет около 5 слов.

Например: I know it (A.Christie) - 3 слова.

При этом количество простых нераспространенных предложений увеличилось в XIX веке по сравнению с XVIII в. на 5%, а в XX в. возросло еще на 6,8% и составляет 25,3% от общего числа высказываний. Увеличилось число эллиптических высказываний с 18% в XVIII веке до 24,4% в XIX в. и до 34,1% в XX веке. Количество же простых распространенных высказываний сократилось в XIX веке по сравнению с XVIII в. с 26,5% до 20,5%, а в XX в. уменьшилось до 17,4%. Очень сильно изменились и количественные показатели простых осложненных предложений. Налицо оказалось их резкое сокращение с 28,2% в XVIII веке до 7,3% в XX веке.

На основании полученных данных были сделаны следующие выводы: для настоящего времени характерна тенденция к структурной конденсации диалога. Несмотря на то, что по первому впечатлению современная речь становится более упрощенной и примитивной по сравнению с речевым обращением 200-летней давности, на наш взгляд, происходит обратное явление — увеличение структурно-простых реплик в диалоге свидетельствует об информативной насыщенности каждого отдельно взятого высказывания. Иными словами, линейные характеристики высказывания имеют прямую связь с информационной насыщенностью каждой словоформы в предложении.

Таким образом, в современном диалогическом общении в связи с информационной перегруженностью опускаются все несущественные элементы. Диалог становится более лаконичным, не теряя при этом своей информационной значимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. (1966) Словарь лингвистических терминов. — М.: Наука.
2. Виноградов В.В. (1971) Стилистика. Теория поэтической речи. — В.Я. — №4. — С. 16-22.
3. Шведова Н.Ю. (1966) Основы построения описательной грамматики литературного языка. — М. — 200 с.
4. Sherman L. (1893) Analythics of Literature. — Biston. — 468 p.
5. Yule G. (1939) On Sentence Length as Statistical Characteristics of Style in Prose with Application to Two Cases Disputed Authorship. — Biometrica. — Vol.30. — P.363-390.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ С ИЛЛОКУТИВНЫМИ РЕЧЕВЫМИ АКТАМИ (на материале французского языка)

Музейник И.В. (Харьков)

В лингвистике существует достаточное количество случаев, когда употребление высказываний по форме идентичных отрицательным, преследует совершенно другие цели. К таким высказываниям, безусловно, относится явление двойного отрицания, точнее та его разновидность, которую принято называть "отрицанием отрицания".

В основном попытки исследовать явление "отрицания отрицания" (Трофимов, 1952; Саматова, 1959; Булах, 1962; Минкин, 1963; Бондаренко, 1983 и др.) предпринимались с позиций логико-грамматичес-

кого подхода и характеристика данного явления сводилась к тому, что "отрицание отрицания" дает утверждение с разными оттенками значений.

Теория речевых актов стала основой для интерпретации отрицания с точки зрения прагматики. Анализ отрицательных высказываний в свете теории иллокутивных актов посвящены исследования таких французских лингвистов, как О. Дюкро (Ducrot), П. Атталь (Attal), Ж. Мешлер (Moeschler), Б. Каллебо (Callebaut) и др.

Б. Каллебо в своем исследовании обращается к классической типологии иллокутивных речевых актов Дж. Серля. Основной задачей анализа Б. Каллебо является взаимодействие этих актов с отрицанием (Callebaut, 1994:191-203). Следует особо отметить, что Б. Каллебо, следуя остиновскому противопоставлению первичных и эксплицитных высказываний (Остин, 1986:67, 118), считает такое разграничение существенным фактором для всех типов актов.

Рассмотрим особенности взаимодействия иллокутивных речевых актов с двойным отрицанием (отрицанием отрицания), переводящим отрицательный речевой акт в область положительной поляризации.

1. ЭКСПРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Иллокутивной целью экспрессивных речевых актов является выражение эмоционального, психологического состояния говорящего. По мнению Б. Каллебо, эта расплывчатая характеристика делает этот класс достаточно неоднородным, что подтверждается разнообразием взаимоотношений этих актов с отрицанием. Важно также учитывать различие между когнитивными и перформативными экспрессивными актами. Первичные (неэксплицитно выраженные) экспрессивные акты более констативного характера допускают наличие отрицания отрицания для выражения психологического состояния говорящего:

"Je ne suis pas très content de ne pas vous voir depuis si longtemps".

"Je ne suis pas encore dégoûté".

"Je ne regrette pas mes erreurs de jeunesse",

в то время как первичные перформативные экспрессивные акты вообще не приемлют отрицания отрицания, если речь идет о выражении благодарности или же о приветствии, либо поздравлении: *«Salut», «Merci», «Mes félicitations»*.

Вполне возможно взаимодействие отрицания отрицания с эксплицитно выраженными экспрессивными актами:

"Je ne peux pas dire que je ne suis pas heureux/que je suis malheureux".

"Je ne dis pas que j'en suis mécontent".

"«Je ne peux pas ne pas vous remercier/féliciter...".

2. РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Для первичных репрезентативных актов наличие отрицания отрицания абсолютно естественно в той мере, в какой описанное фактическое состояние дел подчиняется поляризованной репрезентации:

"Tu ne peux pas rester sans travailler".

"Vous ne pouvez pas ignorer".

"Personne ne vous en empêche".

Особенностью взаимодействия отрицания отрицания (как, впрочем, и отрицания вообще) с эксплицитными репрезентативными актами по сравнению с первичными является их большая абстрагированность, основание для которой дает перформативный потенциал эксплицитного репрезентативного акта. Так, например:

"Vous n'êtes pas coupable de cet assassinat" (первичный репрезентативный акт) = *"J'en suis sûr, parce que je sais qui en est coupable"*;

"Je ne vous accuse pas de cet assassinat" (эксплицитный репрезентативный акт) = *"Vous pouvez en être coupable, mais moi, je ne vous en accuse pas"*.

3. ДЕКЛАРАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

К декларативным актам относятся назначение на должность, присвоение имен и званий, вынесение приговора и т.п. В основном это застывшие выражения, своего рода речевые клише, формулы, как правило, строго регламентированные социальными конвенциями. В силу этих причин декларативные акты практически не поддаются отрицанию вообще и отрицанию отрицания в частности. Единственным удачным примером взаимодействия декларативного речевого акта с отрицанием отрицания может служить отрицательная конструкция с глаголом *annuler*: *"Je n'annule pas mes engagements"*, которая является исключением, только подтверждающим правило.

4. КОМИССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

В случае взаимодействия этих актов с обычным отрицанием это означает отказ взять на себя какое-либо обязательство или обещание не делать что-либо, иногда это даже предупреждение или угроза. Взаимодействие же комиссивных актов с отрицанием отрицания представляется проблематичным.

5. ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Если вопросительные директивные акты не допускают отрицания отрицания в принципе, то отрицательные императивы совершенно естественно и без проблем могут быть переведены в область положительной поляризации при помощи отрицания отрицания. Более того, некоторые первичные директивные акты по экстралингвистическим причинам вообще не могут существовать без взаимодействия с отрицанием отрицания:

"Ne sois pas bête!" (Sois bête??),

"Ne sois pas idiot!" (Sois idiot??).

Возможность взаимодействия отрицания отрицания с эксплицитными директивными актами тоже не вызывает сомнений:

"Je ne t'interdis pas..." (interdire = ordonner de ne pas)

"Je ne t'ordonne pas de ne plus jamais rien faire".

Подведем некоторые итоги. Для репрезентативных и директивных речевых актов взаимодействие с отрицанием отрицания является абсолютно естественным, экспрессивные акты взаимодействуют с отрицанием отрицания с небольшими исключениями, а взаимодействие комиссивных и декларативных актов с отрицанием отрицания представляется проблематичным. Отрицание отрицания, взаимодействуя с иллокутивными актами, содержащими эксплицитно выраженное отрицание или имплицитно выраженную сему отрицания, переводит высказывание в область положительной поляризации, изменяя пропозициональное содержание. Анализ внеконтекстуальных примеров обнаружил возможные предпосылки реализации отрицания отрицания, которые, очевидно, могут видоизменяться в условиях широкого контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Attal P. (1984) Deux niveaux de négation//Langue Française, №62. - P 4-11.
2. Callebaut B. (1994) La négation et les théories de l'illocutoire//La Négation. Numéro spécial de LINX. - P 191-203.
3. Ducrot O. (1973) La preuve et le dit. Paris: Mame.
4. Moeschler J. (1996) Théorie pragmatique et pragmatique conversationnelle. Paris. Armand Colin.
5. Бондаренко В.Н. (1983) Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука.
6. Булах Н.А. (1962) Средства отрицания в немецком литературном языке. Ярославль.
7. Минкин Л.М. (1963) Категория отрицания в современном французском языке.: Автореф. канд. филол. наук Л. 120 с.
8. Саматова К.В. (1959) К вопросу о «двойном отрицании» в современном русском языке.-Вестник МГУ. - №3. - С. 43-48
9. Трофимов В.А. (1952) К вопросу о выражении отрицания в современном русском литературном языке.-Учен. зап. ЛГУ. - №156. Вып. 15. - С. 59-64.

ВЛИЯНИЕ СУФФИКСА -ЕЕ НА КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Нешко С.И. (Харьков)

Данная статья посвящена исследованию выражения лексической коннотации суффиксом *-ee* в английском языке. Актуальность темы определяется возросшим теоретическим и практическим значением исследований в области лексической коннотации.

Никогда не был ещё так велик интерес лингвистов к коннотативному изучению значения слов, как на современном этапе развития языка. Отечественные и зарубежные ученые по разному пытались объяснить термин "коннотация", которому Л.Блумфильд придал лингвистический статус. Диапазон расхождения взглядов на эту проблему очень широк: стилистическое значение, связанное с эмоциональной окраской, у Т.Г.Винокур (Винокур 1980: 240); эмотив у В.И.Шаховского (Шаховский 1987: 192); эмоциональная доминанта у Е.Ф.Петрищевой (Петрищева 1984: 222); семантические ассоциации у Ю.Д.Апресяна (Апресян 1992); эмотивная теория у Н.Д.Арутюновой (Арутюнова 1988: 341); комплексное сознание у Н.А.Лукияновой (Лукиянова 1986: 232).

В.Н.Телия даёт такое определение коннотации: "Коннотация - эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узального (закреплённого в системе) или окказиального характера. В широком смысле это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придаёт ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке..." (ЛЭС, с. 236). В своих работах Телия признаёт коннотацию ведущим аспектом значения слова и фразеологических единиц (Телия 1986, 1995) Также она определяет коннотацию, как комплексное сознание слова, в котором присутствуют четыре основных компонента: эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический. В её работах исследованы параметры выразительности, которые лежат в основе языковых механизмов экспрессивности.

Однако известные исследования аффиксов и их влияния на коннотативное значение слова пока далеки от всеохватывающих и исчерпывающих. Наше внимание привлекает вся система английских аффиксов так, как они показаны в работах О.Есперсена. У него мы находим их всестороннее описание, но с того времени английский язык претерпел изменения, несомненно, коннотативная картина аффиксов теперь выглядит по-

иному. Следует добавить, что в лингвистике появился новый термин — “коннотация”, чего не было во времена Есперсена. Тем самым такой подход был бы закономерным и логичным расширением теоретического наследия О.Есперсена.

Более полстолетия прошло с тех пор, как О.Есперсеном была цельно описана морфологическая система английского языка (Jespersen 1942). Есперсен подробно рассматривает более двухсот префиксов и суффиксов в историческом, словообразовательном и функциональном аспектах — тех основных источников, из которых образуется их коннотация в современном языке. Десятки примеров на каждый аффикс (в целом около 5000 примеров) закрепляют доказательство их коннотативного содержания. В данной статье мы ограничимся рассмотрением одного суффикса английского языка *-ee*.

По словам Есперсена, этот суффикс был заимствован из французского языка, и впервые был обнаружен в юридических терминах, заимствованных из французского (или англо-латинского) таких, как: *appellee*, *assignee* и т. д. Много новых слов было создано в Англии: *bailee* - *ответственное лицо, которому переданы товары на хранение* произошло от - юридического термина *bail* - поручитель, путём прибавления *-ee*, осталась слабо выражена коннотация терминологичности из-за частого употребления говорящими. Интересно было исследовать слово *призывник*: у слова есть три синонима с суффиксом *-ee* 1) *draftee* используется как военный термин - призывник, произошёл от военного термина *draft* — *призывать*, 2) *inductee* - *призывник*, в словарях встречаем его тоже с двумя пометами: *воен., амер.*, произошло от амер. *induct* - *призывать на военную службу*, 3) *selectee* - *призванный на военную службу*, произошло от слова *select* - *избранный* с прибавлением суффикса *-ee*, встречается в словарях с пометой амер. Из приведённых примеров мы видим, что суффикс *-ee*, не повлиял на денотативное значение слова, и лишь тот факт, что в английском языке уже есть слово *conscript* - *призывник*, говорит нам о принадлежности слов с суффиксом *-ee* к коннотации иноязычности.

Часто новые коннотативные значения слова создаются на базе устоявшихся морфем, путём прибавления коннотатирующих аффиксов. Можно предположить, что *barge* - *словесная перепалка, ругань*, которое относится к коннотации жаргонистичности навело пользователя на создание новой словарной единицы *bargee* - *барочник, грубиян*; *boot* - денотативное значение ботинок, именная основа с суффиксом *-ee*, придала слову уменьшительность *bootee* - *разг. (теплый) дамский ботинок, детский вязанный башмачок*; *coat* - имеет несколько денотативных значений: *пиджак, пальто*, на основании которых мы делаем вывод, что суффикс *-ee* выразил предметную уменьшительность *coatee* - *разг. жакетка, короткая облегающая куртка*, приведём ещё один пример: спортивный тер-

мин *goal* приобретает некий оттенок с суффиксом *-ee*, слово особо полюбилось болельщикам, и теперь в словарях мы встречаем *goalee* - с пометой *разг. вратарь, голкипер*; суффикс *-ee* в сочетании с давно известной морфемой *town* преобразует слово и его значение *townee* - *разг. житель Оксфорда или Кембриджа, не имеющий отношения к университету, а иногда употребляется с уничижительной коннотацией - горожанин*.

Из приведённых примеров можно сделать вывод, что суффикс *-ee*, прибавленный к основе существительного повлиял на его значение, придав ему некую окраску, а следовательно и коннотацию. Бесспорно, на общем фоне высказывания, эти слова будут выделяться из контекста. Протяженность в произношении этого суффикса, а может и не очень частое употребление подобных слов в повседневной речи, даёт возможность воспринимать в первую очередь их созвучие.

Многие из этих слов обозначают некую персону — пассивного получателя, имеющего отношение к чему-либо, или тот над кем совершается действие. Именно так и представил этот суффикс И.Р. Гальперин: "...лицо, на которое обращено действие, выраженное обыкновенной глагольной основой, лицо по характерной для него черте или действию, выраженным именной основой" (Гальперин 1987: 497). Например, *murderer* - человек, которого убили образовалось от слова *murder* - убивать, и относится к коннотации разговорности. В этих словах суффикс используется так же, как и в средневековые времена. Шаховский в одной из своих книг ставит и отвечает на один интересный вопрос: "[...] откуда же говорящий знает, что именно эти, а не другие суффиксы [...] эмоциональны и соотносятся [...] со своим видом и типом эмоций? Объяснение может быть одно: они - эти языковые средства выражения типизированных эмоций - координированы, т.е. эмотивность является семантикой языковой единицы, которая закрепляется в сознании языкового коллектива" (Шаховский 1987: 50). Так, словарь "The Compact Edition of the Oxford English Dictionary" даёт объяснения словам: *arrestee* - человек, передвижение которого зависит от другого, суффикс *-ee* придал этому слову коннотацию разговорности; *flirtee* - тот, с кем флиртуют, (помета *nonce-wd.*) (слово образовано только для данного случая), образовалось от слова *flirt* - кокетка, с суффиксом *-ee* в слове содержится двойственно-скрытая информация, неся одновременно как положительную, так и отрицательную оценку.

Между тем язык развивается и уже априори можно предположить, что этот суффикс, как и другие, претерпел изменения. Мы встречаем такие слова, как *assaultee* - образовалось от *assault* (*нападение*) имеет словарное значение изнасилованный с ярко выраженной коннотацией эвфемистичности, этому свидетельствует его употребление вместо грубого *raped*; *auditee* словарное значение которого *проверяемый* - вариант от *audit*, до-

бавленный суффикс делает его коммуникативно доступным; *auditionee* имеет словарное значение слушаемый; слово *contract* активно вошло в число часто употребляемых, может быть это послужило мотивом для создания слова *contractee*.

“Чем чаще слышит носитель языка слово, тем меньше коннотации оно заключает для него” (Говердовский 1989: 28) Проблема возникла, когда в английском разговорном языке появились заимствованные слова из французского, так называемые “возвратные глаголы” (в которых предмет и объект - одно и то же) а фигурирующий человек не является предметом активности другого, лишь один из тех, кто является инициатором; так *absentee* - это кто-то, кто отсутствует сам, но не “отсутствует” другим человеком, произошло от *absent* - отсутствующий *mil. находящийся в самовольной отлучке*; ярко выражена коннотация разговорности в слове *standee* - образовалось от *stand*, у Шаховского мы находим такое толкование: “тот, кто не имеет места на концерте и приобрёл входной билет” (Шаховский 1987: 109). Эти слова используют как модель для создания новых единиц, и как результат мы наблюдаем множество слов в которых эта граница либо потеряна, либо расплывчата. Пример, на который чаще всего ссылаются - *escapee* (беглец) - от *escape* - бегство, поскольку человека, который убегает вряд ли можно считать пассивным получателем. Очевидно, что “... некоторые аффиксы в процессе развития языка совершенствовались свою словообразовательную семантику и преобрили “вторую специальность” - служить средством эмотивной номинации, а с ней и “вторую молодость”, что подтверждается появлением всё новых и новых эмотивных дериватов с этими аффиксами” (Шаховский 1987: 109)

Развиваясь, язык всегда будет пополняться новыми словами, производить замены уже существующего ибо такова его закономерность. В современном английском языке образовались две основы с одинаковым денотативным значением: *attendee* - *attender*, *escapee* - *escaper*, как бы лингвисты не пытались объяснить это явление, пользователь, улавливая некую разницу в их значении, будет предпочитать одно другому, для передачи эмоционального настроения.

Среди лингвистов не существует единого мнения о методах подхода к определениям коннотации. Функционируя в языке, она отражает как объективную действительность, так и отношение говорящего к субъекту. В основе коннотации лежит ситуация, вызывающая эмоциональное отношение к высказанному суждению, говорящий квалифицирует предмет или явление со своей точки зрения. Из этого естественно вытекает, что коннотацию следует рассматривать, ориентируясь на человеческий фактор в языке.

В рамках небольшой статьи невозможно рассмотреть различные методы и концепции определения коннотации, однако даже краткое исследо-

вание свидетельствует о влиянии суффикса *-ee* на коннотативное значение слов в английском языке. Из представленных примеров очевидно, что суффикс *-ee* нельзя трактовать однозначно, с развитием английского языка его коннотативные значения продолжают расширяться.

Литература.

1. Апресян Ю.Д. (1992). Коннотация как часть прагматики слова / лексико-графический аспект // Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. - М.: Наука.
2. Винокур Т.Г. (1980). Закономерности стилистического использования языковых единиц. - М.: Наука.
3. Гальперин И.Р. (1987). Большой англо-русский словарь. - М.: Росс.
4. Говердовский В.И. (1989). Коннотемная структура слова. - Х.: Изд-во Харьков. ун-та.
5. Лукьянова Н.А. (1986). Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. - Новосибирск: Наука.
6. Петрищева Е.Ф. (1984). Стилистически окрашенная лексика русского языка. - М.: Наука.
7. Телия В.Н. (1986). Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М.: Наука.
8. Телия В.Н. (1995). К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы.
9. Язык - система. Язык - текст. Язык - способность. - М.: Институт русск. яз. РАН.
10. Шаховский В.И. (1987). Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та.
11. Jespersen O. (1942). A modern English grammar on historical principles. Part VI.
12. The Compact Edition of the Oxford English Dictionary. - Oxford: OUP.

К ПРОБЛЕМЕ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Панасенко О.И. (Харьков)

Одним из основных положений "интегративной" прагматики является постулат о наличии у языковых единиц внутреннего аргументативного (прагматического) значения, которое рассматривается как первичное по отношению к значению информативному (Anscombre, Ducrot 1988 ; 169). Применительно к общевпросительным предложениям (ОВП) это значит, что независимо от контекста они имеют определенное аргументативное значение, причем это значение представляется как отрицательное, что сближает ОВП с отрицательным утверждением. Действительно, если представить употребление подобного вопросительного предложения в качестве аргумента, то легко убедиться, что в таком случае оно без затруднений для интерпретации может заменяться повествовательными предложениями с отрицанием: "*Le bonheur, le bonheur*", *et c'était un beau mot attendrissant et grave, et elle pensait que, si on lui avait demandé son*

avis au concours de Paris-Soir, elle aurait dit que c'était le plus beau mot de la langue française. "Est-ce que quelqu'un y a pensé ? (...) (Sartre) (= Personne n'y a pensé).

Механизм возникновения такого имплицитного значения возможно объяснить с помощью теории полифонии, разработанной О. Дюкро (Ducrot 1981 : 90). В русле данной теории речевой акт вопроса состоит из трех "элементарных" актов: 1) предварительное утверждение [assertion préalable]; 2) выражение сомнения [expression d'une incertitude]; 3) обязательность ответа [création d'une obligation de réponse]. При этом имплицитное отрицательное значение возникает вследствие результирующего влияния первых двух "элементарных" актов. Третья же составляющая речевого акта вопроса участвует в создании перлокутивного эффекта, который проявляется в том, что ОВП оказываются способными ориентировать ответную реакцию собеседника.

Хотя феномен "детерминированности" ответа отмечался исследователями уже достаточно давно (см., например, Wagner, Pinchon 1962 : 547), однако именно О. Дюкро обратил внимание на то, что "детерминирующими" ("ориентирующими") ответ могут быть не только вопросы в которых употребляются специфические языковые средства (например, приглашительное отрицание), но также любые общевпросительные предложения, выражающиеся инверсией или с помощью оборота *est-ce que*¹.

Необходимо, однако, отметить, что в дискурсе различные факторы могут повлиять на актуализацию основного аргументативного значения, и ориентация ОВП в таком случае изменится: — *Est-ce que tu m'as demandé de faire cela? Oui; Alors ne te plains pas si je l'ai fait!* Кроме того, в определенных дискурсивных условиях вопросительные предложения могут использоваться без всякой внутренней ориентации, как простой запрос информации, что часто используется, например, в интервью: — *Prévoyez-vous d'autres innovation à plus long terme? — Nous préparons le couplage téléphone-informatique. Quand quelqu'un appellera, son numéro s'affichera à l'écran, ainsi que tous les renseignements le concernant s'il est déjà client* (Parcours 1997, février, N° 109).

Определение ориентированных вопросов в современной французской лингвистике связано с понятием семантического континуума, занимающего пространство между собственно вопросами (полное отсутствие у адресанта информации о содержании пропозиции), с одной стороны, и

¹ Ср., например, точку зрения Р.Л.Вагнера и Ж.Пеншона (Ук. соч.), которые противопоставляли ориентированные вопросы [questions dirigées] типа *Ne viendrez-vous pas?/ Est-ce que vous ne viendrez pas?* и неориентированные ОВП употребляющиеся только для запроса информации: *Viendrez-vous?/ Est-ce que vous viendrez?*

риторическими вопросами (полная уверенность адресанта в содержании пропозиции), – с другой (Kerbrat-Orecchioni 1991б: 94, 99-100; Borillo 1979: 27). Так, К. Кербра-Орекшиони (1991б: 99), определяя ориентированные вопросы в дискурсе, отмечает, что таковыми “... являются высказывания, которые формально предстают как ВП (с морфосинтаксическими и/или интонационными маркерами), но содержание которых, тем не менее, является частично утвердительным” (Kerbrat-Orecchioni 1991б: 99).

Помимо ОВП, выражающихся с помощью инверсии или морфемы *est-ce que*, которые имеют внутреннюю аргументативную направленность, достаточно часто среди ориентированных вопросов встречаются и вопросительные высказывания, выражающиеся с помощью интонации. Это объясняется тем, что подобные вопросы сочетают в себе признаки как вопросительных предложений (специфическая восходящая интонация), так и повествовательных (структурная организация). Но поскольку интонацию вряд ли можно считать достаточно стабильным критерием, определяющим тип речевого акта², то большое количество таких вопросов оказываются в континууме “вопрос → повествование”. При этом для уточнения речевой интенции коммуниканты нередко употребляют дополнительные маркеры вопросительности (*non ?*, *oui ?*, *si ?*, *n'est-ce pas ?*, etc.), которые не только позволяют уточнить коммуникативное намерение, но выступают и как средства ориентации ответной реплики: – *C'est cela, n'est-ce pas ? dit le juge d'une voix froide. – Oui, répondit Rieux, en regardant de nouveau l'enfant.* (Camus)

Таким образом, можно констатировать, что существуют как вопросы, выполняющие в дискурсе свою первичную функцию – запроса информации (вопросы не ориентированные или ориентированные в незначительной степени) (Ducrot 1981: 82; Borillo 1979: 27), так и риторические вопросы. Последние, хотя и являются имплицитным утверждением, остаются все же “полноправными” вопросами (Ducrot 1981: 101; Kerbrat-Orecchioni 1991а: 25), о чем свидетельствует наличие ответной реплики во многих случаях: – *Ces formations ne vous paraissent-elles pas utiles ? dit Tarrou qui venait de boire et regardait Rambert attentivement. – Très utiles, dit le journaliste, et il but.* (Camus) ; MAILLARD : (...) *Quand, après avoir fait justice des arguments de la défense, j'ai su mettre en lumière et rendre compréhensibles au jury l'évidence du crime et les intentions du criminel, n'ai-je pas très bien rempli mon rôle ? VALORIN : Oui, comme cet après-midi.* (Aimé).

² Так, К. Кербра-Орекшиони (1991б: 91) отмечает, что в “реальном” дискурсе отмечаются совершенно различные типы интонационных кривых в общем вопросе: от “классической” – восходящей, до нисходящей, включая абсолютно нейтральную, “ровную”.

Следовательно, ориентацию общевпросительных предложений возможно определить как речевое действие, имеющее целью проинформировать партнера по коммуникации об отношении адресанта к содержанию высказывания, по поводу которого у него уже есть предварительное суждение.

Для придания определенной ориентации вопросительному предложению во французском языке существует большое количество разнообразных средств, образующих группу маркеров ориентированности. Так, возможно выделить следующие факторы, способные придавать высказыванию специфическую направленность:

- структурный тип конструкции: инверсия в общих вопросах с отрицанием: *N'êtes-vous pas la fille de Paul? – Mais si, en effet.*

- различного рода морфемы: (*hein?; non?; n'est-ce pas?; bien; comme ça; au moins; donc*): *Il fait beau, hein?/non?/n'est-ce pas?; Vous êtes bien la fille de Paul?; Alors comme ça, vous habitez chez vos parents?; Tu n'es pas malade au moins?; Tu n'es donc pas parti?*

- различные модальные слова и словосочетания: *Il est vraiment malade?*

- другие факторы, такие как:

- а) логическая пресуппозиция глагола в предложении: *Est-ce que tu t'imagines que je vais abandonner la partie?* (глагол *s'imaginer* сам по себе ориентирует вопрос на отрицание);

- б) маркированная природа предиката: *Il est petit?; Tu es malheureux? (ср. Il est grand?; Tu es heureux?).*

Кроме того, могут присутствовать и имплицитные “ориентаторы”: интонация, контекстное окружение, и т.д. (Kerbrat-Orecchioni 1991б: 100-102).

Возможно предположить, что феномен ориентированности ОВП на определенный ответ, их “неопределенность” в специфическом континууме “вопрос а повествование” обусловлены взаимодействием трех “элементарных” составляющих речевого акта вопроса: 1) предварительного утверждения; 2) выражения сомнения; 3) обязательности ответа, которые, в различных коммуникативных типах ОВП актуализируются не попеременно, а одновременно, но в различных “пропорциях”. Другими словами, в риторических вопросах наибольшей аргументативной силой обладает предварительное утверждение (1), в вопросах со значением просьбы – перформативная составляющая “обязательность ответа” (3), а в вопросительных предложениях, употребляющихся для запроса информации, основную роль играет “элементарный” акт “выражения сомнения” (2).

Таким образом, ориентация ОВП на определенный ответ предстает как важный фактор, регулирующий процесс вербального взаимодействия, позволяя участникам коммуникации оперативно и адекватно реагировать на изменяющиеся условия общения.

ЛІТЕРАТУРА

1. Anscombe J.-C., Ducrot O. (1988). *L'argumentation dans la langue*. – Liège – Bruxelles : Pierre Mardaga.
2. Borillo A. (1979). *La négation et l'orientation de la demande de confirmation // Langue française*. – Paris. – Décembre. – P. 27–41.
3. Ducrot O. (1981). *La valeur argumentative de la phrase interrogative // Logique, argumentation, conversation*. – Fribourg. – P. 79–110.
4. Kerbrat-Orecchioni C. (1991). *Introduction // La Question*. – Presses Universitaire de Lyon. – P. 5–39.
5. Kerbrat-Orecchioni C. (1991). *L'acte de question et l'acte d'assertion : opposition discrète ou continuum ? // La Question*. – Presses Universitaire de Lyon. – P. 87–113.
6. Wagner R.L., Pinchon J. (1962). *Grammaire du français classique et moderne*. Paris : Hachette. – 648 p.

УНІВЕРСАЛЬНІСТЬ І КОНКРЕТНО-ПРЕДМЕТНА ПРИРОДА МОВЛЕННЕВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Пасинок В.Г., канд.пед.наук (Харків)

Мовознавці й митці, медики і філософи, психологи й педагоги завжди звертали увагу на величезне значення слова, процесу мовлення як у житті окремої людини, так і груп, об'єднань, колективів, суспільства в цілому. І хоч питання слова, мови, культури мовлення досліджуються науковцями багатьох галузей наукових знань, але ще досі поза увагою вчених залишається безліч окремих проблем мовної підготовки особи. Такий стан пояснюється багатьма причинами, основною поміж яких є така обставина, суть якої полягає в тривалому дотриманні єдиної методології, в забороні ряду цікавих публікацій.

У наших наукових пошуках ми використали всі відомі нам розвідки про роль і силу слова як формуючого, навчального, виховуючого і зміцлюючого фактору. Розвінчування часто повторюваної деякими людьми думки про те, що “знаю, але сказати не можу”, викликає інтерес студентів. Значить, особа мало знає, погано, не чітко уявляє предмет чи процес розмови й переживає дискомфорт. А тому опановуючи знання, студент му- сить вчитись способам його вираження у слові: як писемно, так і усно.

Головне в процесі оволодіння мовленнєвою діяльністю є культура слова і багатство словникового складу. Як говорив В. О. Ключевський, поєднання, гармонізування думки і слова – це запорука успіху. Опанування культури слова потрібне для поглиблення процесу мислення, духовної сфери.

Практичний бік цього аспекту полягає в тому, що широта словникового запасу в процесі мовлення не повинна переважувати розмову. Наво-

дяти факти, приклади на підтримку своєї думки (головної тези концепції) не слід перевантажувати слухача, щоб не викликати досаду чи сум і не зіпсувати взагалі позитивного враження про себе. Образно говорив про це відомий хімік Д. І. Менделєєв: занадто переобтяжена прикладами промова нагадує собою вогнище, яке може задимітись, а то й згаснути від передозування палива.

Наше завдання полягає в тому, щоб якнайкраще навчити студента використовувати смислову й стилістичну силу слова, спрямовану на підвищення ефективності навчального процесу в школі, вузі, в різних навчальних установах, поліпшення морально-психологічного клімату в групі, формування оптимістичної життєвої позиції, зміцнення здоров'я.

Щодо навчання, виховання і освіти, то тут слово, мова, процес мовлення є основним засобом впливу вихователя на вихованця. Крім того, ми розв'язували завдання оволодіння мовленням для допомоги студентам визначення свого власного призначення, досягнення успіху в професійній діяльності, в приватному та сімейному житті.

Ми аналізуємо процес мовлення як фактор саморозвитку особистості та її ефективного впливу на інших, тобто його універсальність. Зупинимось на тлумаченні значення слова, лексичного його призначення, звучання.

Почнемо з того, що слово – спосіб вираження думок, почуттів, настрою, бажання, намірів, і вже це вимагає від кожної людини добре володіти лексичним багатством мови, словом, мовою, мовленням.

Слово, як і процес мовлення, можна вважати важливим педагогічним інструментом розвитку і саморозвитку особистості, засобом впливу однієї особи на інших людей.

Є безліч аспектів використання слова у вихованні особистості. Ми зупинимось на основних аспектах, цілком доступних, з нашого погляду, для використання кожним студентом.

Перший аспект. Фактичне оволодіння словниковим запасом мови, її основними конструкціями, крилатими висловами, фразеологізмами. Цей напрямок передбачає вільне використання багатства мови, яким користується оратор, в будь-яких ситуаціях: в службових, приватних, офіційних.

Мова йде про те, що кожна людина може оволодіти культурою мови й мовлення такого рівня, який може впливати на слухача так, як могли б діяти реальні речі: предмети, дії. Тобто високий, переконливий, до певної міри артистичний характер виголошеного слова здатний впливати на слухача, співрозмовника, учня та викликати адекватну реакцію. Але така реакція з боку слухачів можлива за умови, що особа володіє широким арсеналом мовних засобів.

З'ясування специфіки процесу формування мовленнєвої культури студента неможливе без урахування антропологічних засад людської діяльності.

Визначаючи сутність поняття мовленнєвої діяльності як феномену, що сформувався під впливом незавершеності і відкритості природи людської індивідуальності, ми йдемо від суті подолання будь-яких перешкод ненасильницькими засобами. І тут ми скористаємося поняттями культури мовленнєвої діяльності. Визначення його йде через загальне поняття "культури", яке П. С. Гуревич (Гуревич 1970 : 23) характеризує, виходячи з тлумачення його античними філософами. Він доходить висновку, що найдоцільнішим є використання етимології цього терміну. Суть його зводиться до перекладу з латинського слова *cultio*, що означає: обробка.

З того часу термін "культура" використовувався для означення всього того, що створювалось розумом, м'язами, діяльністю людини та було спрямоване на поліпшення матеріального й духовного існування окремої людини, об'єднань, суспільства взагалі.

Щодо мови й мовлення, суті слова в цьому житті, то вона є природним засобом вираження думок і сподівань людини та фактором її розвитку, самореалізації та самовираження. Сам процес мовлення – це є певний, дуже специфічний вид діяльності. Він вимагає великого напруження не тільки органів мови, голосу, але й усього ества особи (морально-психологічної та фізичної напружити).

Протягом тривалого часу, особливо в період входження України до складу Союзу, коли наукою визначалась єдина методологія - матеріалістична, проблема мовної культури як проблема мови й мовлення взагалі розглядалась тільки з такої позиції, що вона (мова) є результатом діяльності високоорганізованої матерії - мозку, центральної нервової системи. І це тоді, коли в Росії широко досліджувались питання мови як центральні ідеї філософії взагалі. Подібна позиція широко представлена у творах зарубіжних авторів ХХ століття, - як-то: у Е. Кассіра, М.Хайдеггера, К.Ясперса, П. Рікера, і у російських авторів - В. В. Іванова, П. О. Флоренського, С.М. Булгакова, М.М.Бахтіна, О.Ф. Лосева та ін. Були навіть спроби розглядати чаклунські можливості мови (мовлення), намагання їх розбити, подолати. Л. Вітгенштейн, наприклад, пропонував навіть боротись проти чаклунства над людським розумом засобами мови. А О. Ф. Лосев, навпаки, пропонував саме за допомогою мови, її природної глибини домагатися кращого розуміння суті людського феномена.

Озвучена плоть мови, сам процес мовлення, на думку О.Ф. Лосева, є компонентом реального людського слова, який є разом з тим посереднім елементом між тим, що мислиться і тим, що висловлюється, вимовляється.

Таким чином, виходить, що найвищим принципом самовираження особи є її мовлення, яке є продовженням попередніх етапів її розвитку, якими О.Ф. Лосев вважав такі: число, ейдос, символ, міф. Хоч вони теж є певною мірою одиницями мови (мовлення), але такими, що ще "не розквітли".

Чиста смислова енергія слова, на думку О.Ф. Лосева, є одночасово і фізичною, і сенсуальною, і неетичною.

Енергійна, дійова основа слова, мови, мовлення є, на наш погляд, об'єктивно доведеним феноменом практики лікарів-психіатрів, нетрадиційною медициною, особливо психоаналітиками, а не тільки історико-релігійними дослідженнями.

Персоналістичне тлумачення енергетичності слова О. Ф. Лосевим поєднується ним з сутністю абсолютного вираження істини (Лосев 1993).

Для нашого підходу суттєвим є тенденція сьогодення до поєднання різних підходів до сутності мови й мовлення, саме такий підхід ми вважаємо перспективним.

Враховуючи ж ту обставину, що в діяльності вчителя провідним складником його засобів впливу на вихованця є слово, мова, мовлення, то стає зрозумілим перспективність нашого дослідження. Теоретичне й методичне його обґрунтування полегшує наш пошук реальних педагогічних умов з питань мовної підготовки та формуванню мовленнєвої культури студентів, майбутніх спеціалістів у контексті їхньої професійної майстерності.

Таким чином, найважливішим елементом виховної сили мовленнєвої діяльності є культура слова. Саме тому ми вважаємо основним елементом і показником культури мови словникове багатство. Найвищі ідеї і найціріші почуття не схвилюють людину, якщо вони будуть висловлені в недбайливо обраній словниковій формі. Слово - це є одяг думки, почуття, наміру і навіть дії. О.Ф. Лосев називає взагалі слово (мову) помешканням для думки.

Проблема опанування словом, мовним багатством є провідною. Існує безліч шляхів, у тому числі: спадкові ораторські, риторичні здібності, схильність до вивчення мов. Але вони розквітнуть тільки на конкретному багатому словниковому матеріалі, в процесі наполегливої праці, якщо особа буде цілеспрямовано опановувати ним, намагаючись застосувати його.

Педагогіка опанування словом – то є спеціальний напрямок досліджень не тільки педагогічних.

Кращими джерелами словникового багатства є народна мудрість, художня література, театр. Через мову своїх героїв письменник розкриває закони життя, психологію відношень і спілкування, культуру поведінки, висоту думок і вчинків. Саме тому особистість, якщо вона бажає опанувати таємниці мови і мовлення, мусить читати, перечитувати кращі літературні джерела, слухати відомих авторів, дикторів, дослухатись до того, про що і як говорять мудрі співвітчизники, повторювати про себе і вголос слова, фрази, вислови, вкладаючи в них відповідні почуття і думки.

Другим важливим аспектом проблеми є техніка мовлення.

Багатство лексичного запасу - це понятійна, смислова частина усної і писемної мови, що віддзеркалює особистісну культуру індивідуума. Але є

ще й така його сторона, як звучання усного слова, музика мовлення. Кажуть, що немає тоншого й більш розкішного інструменту, ніж голос людини. Голос може звучати на високому, низькому, середньому регістрах; може викликати радість, смуток, жаль, роздратування; бути приємним чи розпачливим; допомагати зосередитись, замислитись, замилуватись чи заважати слідкувати навіть за ходом думки, викликати протест чи бажання слухати.

В поняття "музика" усної мови (мовлення) входять численні компоненти, такі, як: темп, динаміка, інтенсивність, тембр, дикція, артикуляція та багато інших експресивних елементів. Взагалі цей напрямок процесу оволодіння культурою мови, мовлення в театральній педагогіці називають постановкою голосу.

Голос є не тільки провідним елементом процесу спілкування – мови й мовлення, але є ще й інструментом самовираження особистості, демонстрацією власного іміджу, відповідним фактором формування громадської думки людей бажаним чином.

Знайти "свій голос", свій найприємніший тембр (забарвлення) звучання і утримувати його якнайтриваліший час є завдання легке, а результат його – корисний і приємний, вигідний в усіх відношеннях.

Мова є безпосереднє вираження думок і почуттів людини. Як вона говорить, так, значить, вона і мислить. В зв'язку з цим виникає об'єктивна картина того, що процес мовленнєвої діяльності є, з одного боку, універсальним її видом, таким, що торкається усіх людей, а з другого – в житті кожної окремої особи процес мовлення є конкретним, в якому знаходить своє вираження індивідуальна неповторність мовця. В ній виражається опредмечена природа кожної окремої індивідуальності. В мовній діяльності особи втілюються загальнолюдські й індивідуальні особливості особи. Тому культура мовлення студента – це не тільки показник його ділових чи партнерських якостей.

Універсальність і конкретно-індивідуальна сутність мовленнєвої діяльності стає переконливою, якщо розглянути риси мовленнєвої дії, як-от:

Все, про що людина думає, що чує, бачить, сприймає, оцінює чи обезцінює, – все це вона здійснює через слово і тільки через нього. Щодо першої сигнальної системи і її безпосереднього впливу на особистість, то й вона на людину впливає не без участі другої сигнальної системи (слова). Тобто, сприйняття реального світу природи, суспільства, виробничого чи творчого процесу здійснюється людиною зовсім не так, як це відбувається у світі тварин, хоч, як правило, ми увесь час чуємо, що перша сигнальна система для людини є однаковою, спільною з тваринами. Але ж вона є спільною за способом дії, а не за характером сприйняття її людиною. Людина і реальні процеси, предмети, явища при сприйнятті (в процесі їх

спостереження) все одно називає, визначає, пояснює, щоб відмітити риси, що є характерними, спільними чи різними для окремих із них.

Таким чином, уже на самому першому етапі спостереження і сприйняття реальності у окремої людини відбувається по-своєму, по-людськи, за участі другої сигнальної системи, з допомогою слова.

Мова, слово, замінюючи предмет чи процес, що спостерігаються, формою називання його викликає у людини таку ж реакцію, як і сам предмет чи процес, а тому й реакція особи на слово відповідає реакції на саму дію, предмет, явище, сигнал, називаючи його.

Сама дія, предмет, явище завжди є (відносно) стабільним, тоді як слово, що їх називає, може бути мовлене з меншою чи більшою експресією (виразністю), і тоді реакція на нього теж буде іншою.

Широке реформування системи народної освіти в нашій державі, що вимагає виховання національної самосвідомості й розвитку інтересу до своєї історії, мови батьків, дідів, прадідів, підсилення уваги до окремої особи ставить перед науковцями-мовознавцями, психологами, педагогами завдання чітко розрізнити загальнолінгвістичні, філологічні питання, проблеми культури мови і мовлення і індивідуально-особистісні конкретно-предметні питання, пов'язані з вихованням індивідуально-особистісної мовної культури, професійної вихованості вчителя зокрема.

В умовах загальноконституційних вимог та уваги до конкретної людини, врахування її права на свободу вибору мови, способу вираження своїх думок у відповідності до інтересів окремої людини, переваги їх перед колективними, існує реальна соціально-політична потреба посилення індивідуально-особистісного підходу до процесу навчання, виховання і освіти взагалі.

Таким чином, абстрактно декларована вимога суспільства щодо якості підготовки майстерності вчителя все більше набуває сьогодні конкретно-особистісного характеру. На педагогічний вуз покладається особлива відповідальність, оскільки фахова підготовленість випускника стає фактором, який визначає не лише його професійно-педагогічну майстерність, а й особливості подальшого окремого життя випускника взагалі.

Разом з тим на вуз покладена і залишається значущою відповідальність опосередкованого впливу на якість роботи випускників-педагогів, які не просто виконують певні професійні функції, а мають вирішальний вплив на формування особистості учня, студента, вихованця. Тому так важливо пам'ятати, що академічна бездоганність професійних знань молодого вчителя - якість необхідна й бажана, але не єдина, що зумовлює ефективність його роботи. Так само не обмежується коло якостей фахівця знанням певної технології організації навчально-виховного процесу і вмінням її здійснити. Суттєвим компонентом особистості вчителя є гуманістична спрямованість, усвідомлення ним стратегічних цілей своєї діяльності,

поставлених суспільством, складником якого є розуміння своєї ролі й свого впливу на кожного вихованця.

Керуючись цими міркуваннями, можна зробити висновок, що забезпечення високого рівня підготовки майбутнього вчителя у вузі пов'язане з використанням разом з традиційними, академічними методами навчання і нових активних, професійно-орієнтованих. Вони дозволяють озброїти студентів умінями розглядати майбутню діяльність як систему, всі елементи якої діють взаємопов'язано і взаємообумовлено, маючи на увазі, що провідною є мовна особистісна культура спеціаліста.

Виходячи з вимог Концепції національної освіти в Україні, ми маємо нагоду констатувати, що розв'язання мовної культури учнівської молоді є універсальним і обов'язковим завданням нашої системи освіти. Але стосовно навчання майбутнього вчителя в контексті його професійно-педагогічної майстерності ця проблема набуває конкретно-предметних і окремих рис. Потокова (колективно-групова) методика підготовки вчителя (Кан-Калик 1977, 1987, 1987) до професійної діяльності не дає належних результатів саме тому, що "навчання на потоці", гуртом ігнорує творчий, індивідуально-особистісний характер майбутньої діяльності кожного випускника університету для роботи в умовах школи.

Конкретно-предметна природа культури мови вчителя визначається нами як такий складник його окремої особистісно-індивідуальної сутності, яка враховує:

- певний спадковий анатомо-фізіологічний апарат мовлення (структура й сила легенів, гортані, голосових зв'язок, специфіка форми зубів, твердість і міцність щелеп і т. п.);
- мовно-комунікативну пам'ять;
- специфіку жестикуляції, постави, ходи, міміки;
- реакцію на довкілля;
- психологічну вразливість;
- почуття емпатії;
- уміння поставити себе на місце учня, директора, батька і іншого вчителя;
- готовність бачити добре в інших.

Предметно-індивідуальна природа мовної культури вчителя є ознакою його неповторності й унікальності.

Педагогічний підхід до проблеми формування мовленнєвої культури майбутнього вчителя по суті визначає саме індивідуально-конкретну природу всього процесу професійного навчання студента.

Мовленнєва підготовка вчителя є ширшою за поняття мовної культури. Мовленнєва культура вчителя передбачає засвоєння ним правил і норм усної і писемної мови, уміння користуватись ними в різних життєво-про-

фесійних і службово-педагогічних ситуаціях. Щодо феномену мовної підготовки вчителя, то він передбачає і включення системи педагогічних умінь по формуванню основ мовної культури своїх майбутніх учнів.

Складність усвідомлення суті цих складних явищ полягає в тому, що процес формування мовленнєвої майстерності вчителя складається із взаємопов'язаних процесів: культура мовлення самого вихователя і опанування арсеналом освітньо-педагогічних прийомів навчання основним правилами, нормам мовленнєвого самовираження.

Аналіз університетської і шкільної практики стану мовної підготовки вчителя і процесу формування мовленнєвої культури учнів засвідчує низку невідповідностей між сучасними вимогами до професійно-мовленнєвої підготовки вчителя і його реальним станом, між рівнем мовної культури вчителя і потребами школи в умілій організації і здійсненні процесу формування мовленнєвої культури учнів.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гуревич К.М. (1970). Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы. – М. Наука.
2. Державна національна програма "Освіта" (Україна XXI століття) (1994). – К.: Освіта.
3. Ильин Е.Н. (1991). Герой нашего урока. – М.: Просвещение.
4. Кан-Калик В.А. (1977). Педагогическая деятельность как творческий процесс. – М.: Просвещение.
5. Кан-Калик В.А. (1987). Как овладеть элементами театральной педагогики // Учителю о педагогической технике. – М.: Просвещение.
6. Кан-Калик В.А. (1987). Учителю о педагогическом общении. – М.: Просвещение.
7. Лосев А.Ф. (1993). Бытие. Имя. Космос. – М.: Наука.

СУЩНОСТЬ ЛЖИ/ОБМАНА В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Потапова Е.И. (Харьков)

Как мы понимаем явление лжи/обмана? На этот, казалось бы, простой вопрос каждый может дать ответ, поскольку все люди в той или иной степени сталкиваются с ложью/обманом в повседневной жизни (Вок 1989). Но ответы у всех будут разные. Дать определение лжи/обмана – нелегкая задача, которая не получила на сегодняшний день решения ни в рамках социологии, ни философии, ни этики, ни психологии. (Barnes 1994). Определенный вклад в решение этой задачи могут внести лингвисты. В этом русле в данной статье предпринимается попытка проанализировать метафорические концепты лжи/обмана, которые проявляются в обыденной речи (Lakoff & Johnson 1980), (Kovacs 1988). Это прежде всего концептуальная метафора, указывающая на распространенность, повсеместность

лжи/обмана: “Ложь – неотъемлемая часть жизни” (*cheatin’ heart, Mother McCrea, Mother Machree, trusting soul, habitual lying, confirmed liar*). В основе данной метафоры лежит мысль о том, что ложь – необходимость, потребность.

Одной из самых основных потребностей человека является пища. Поэтому неудивительно, что ложь нередко метафорически переосмысливается как пища, которой можно насытить человека, т.е. удовлетворить его любопытство, усыпить бдительность и т.д.: “Ложь – пища” (*cheese eater, cook up, salt a mine, have on toast, red herring*). Часто это нечто приятное на вкус, десерт (*banana oil, apple butter*). Мы едим вкусное не только для удовлетворения потребности, но и потому, что нам это нравится, потому что мы хотим получить удовольствие.

Наслаждение вкусом – лишь одна из разновидностей наслаждения. Можно наслаждаться видом, звуком, прикосновением; отсюда – “Ложь – приятное чувство/ощущение” (*Juda’s kiss, kiss out, backhanded compliment, soft touch, sweet talk*).

Подарок ассоциируется с приятными чувствами, поскольку он делается прежде всего с целью сделать человеку приятное, и человек, получающий подарок, естественно, испытывает положительные эмоции, особенно, если подарок преподносится от всей души, бескорыстно. Ложь также ассоциируется с подарком: “Ложь – подарок” (*fatal gift, Greek gift*). Подарок еще более приятен, если он преподносится неожиданно. Эта черта особенно важна для создания единой концепции лжи/обмана. Если обманываемый готов к тому, что ему солгут, знает, когда и в отношении чего, значит это распознанная неуспешная ложь, которая теряет свою силу (Potarova 1998), и, соответственно, уже не является ложью в полном смысле этого слова. Но, как известно, подарок далеко не всегда является лишь источником положительных эмоций: в некоторых случаях он может погубить человека (*the Trojan horse*).

Наслаждение может быть связано с фантазией, воображением: “Ложь – фантазия” (*flight of fancy, imagination’s artful aid, imaginative exercise, stretch of the imagination, draw on one’s imagination*). В своих фантазиях человек переносится туда, где ему хотелось бы находиться, он становится тем, кем ему хотелось бы стать, делает то, что ему хотелось бы делать. Фантазируя, человек творит, создает. Отсюда прямая связь со следующим когнитивным основанием: “Ложь – созидание, строительство” (*build up, put up a front, set up, put a false construction on, put on a front*).

Создавать можно не только архитектурные сооружения. Создавать можно любые образы, в том числе и музыкальные, которые приятны для слуха и которые уносят человека в другой мир. “Ложь – музыка” (*jive turkey, line of jive, song and dance, shuck and jive, all that jazz, not in tune, on the*

fiddle). Фантазируя, человек никогда не думает о плохом, в его мыслях всплывают только красивые, светлые образы. Человек создает сказку, в которой он хотел бы оказаться, и здесь обман (точнее самообман) помогает ему: “Ложь – сказка” (*cook-and-bull story, fairy tale, fish story, fish tale, false story, fisherman's yarn, legal fiction, letter bomb, nursery tale, old wives' tales, shaggy dog story, tale of a Tub, tell the tale*).

Фантазия в своем прототипическом смысле красива и желанна, ложь неотделима от нее. Фантазия тесно связана с украшением, убранством. Украшения (как и музыка) – неперемennые атрибуты праздника, торжества: “Ложь – украшение” (*Christmas clothes and jewelry, gold bricks, get a haircut, get trimmed, cultured pearl, gate of ivory, lip gloss*). Для того, чтобы на празднике выглядеть неординарно, выбираются соответствующие наряды (особенно для карнавалов), к нарядам подбираются аксессуары, которые подчеркивают стиль; украшаются и сами помещения, где проходит праздник. Поскольку для того, чтобы убедить собеседника, лжец “одевает” свою речь в лучшие “одежды” (т.е. подбирает красивые фразы), выбирает самые выразительные “аксессуары” (т.е. иллюстрирует свои выражения самыми яркими примерами): “Ложь – одежда” (*hit below the belt, in the garb of, make out of the whole cloth, stuffed shirt, swede-shoe operator, talk through one's hat, dress up, try it on, took a hosing*).

Вся эта мишура вводит в заблуждение обманываемого, ослепляет его, заставляя забыть о том, что может указать на истину, тем самым мешая увидеть то, что находится за самой мишурой: “Ложь – ослепление” (*pull the wool over one's eyes, throw dust in the eyes of*). При этом истина так и остается нераскрытой, завуалированной, покрытой словесным “туманом”, и ложь, несмотря на кажущуюся убедительность, оказывается очень неустойчивой, готовой рассыпаться, раствориться, как только у обманываемого появится малейшее подозрение: “Ложь – дым” (*blow smoke, blow up, create a smoke screen, puff up, smoke and mirrors, smoke screen, will-o'-the-wisp*).

Такие характеристики как яркость, броскость очень важны и широко применяются в рекламе, рекламном бизнесе. Ведь реклама того или иного продукта рассчитана на то, что потребитель не останется к ней равнодушным: “Ложь – реклама” (*cover story, Flash Gordon, frame up, neon ribbons, pinky crooker, shine one on, drum up, propoganda machine, plug plugged, window dressing*). Мы воспринимаем ложь как рекламу, поскольку целью лжеца также является “продать” свой “продукт” наиболее выгодно (т.е. обманываемый должен не только поверить словам лжеца, но и “купиться” – поступить так, как того желает лжец). Т.о. ложь также является актом продажи, где присутствуют продавец (т.е. лжец), покупатель (т.е. обманываемый) и продукт (т.е. информация), которую лжец сообщает обманываемому: “Ложь – продажа” (*big store, bill of goods, bucket shop, pirate goods, sell*

gold bricks, sell wolf cookies, short-change artist, pad a bill, sell one a pup, sold pig in a poke, tricks of the trade, used-car salesman, walk the check).

Упаковка занимает не последнее место при продаже. Именно упаковка производит первое впечатление, задает тон, настроение. Она доставляет покупателю зрительное наслаждение. Особенно важна упаковка, когда речь идет о подарке. Ложь является своеобразной упаковкой истины: “Ложь – упаковка” (*pack the cards, pack the deal, parcel bomb, put the shuck on, total shuck, under cover of, cover one's ass, cover up*). Основное назначение такой упаковки – спрятать истину так, чтобы ее нельзя было извлечь из “упаковки”: “Ложь – сокрытие” (*hide the truth, keep sth. back, lie in wait, mental reservation, put a good face upon, tongue in cheek*).

Качественная красивая упаковка – это в некотором роде искусство, так же как и убедительная реклама. Не каждый может создать произведение искусства, для этого нужен талант. Не каждый может искусно солгать – для этого также необходим талант: “Ложь – искусство” (*Artful Dodger, imagination's artful aid, tissue of lies*).

Продажа – одна из разновидностей бизнеса. Цель бизнеса – получение прибыли. Уже то, что лжец желает заставить обманываемого поступить так, как необходимо лжецу, говорит о том, что он ищет в первую очередь своей выгоды. В этом ложь концептуально сближается с бизнесом: “Ложь – бизнес” (*crooked deal, dirty dealing, funny business, give one a raw deal, have to see a man about a dog, monkey business, shady deal, second deal, snow job, whitewash job*).

При заключении сделки стороны находятся не в равных условиях. Один из партнеров знает лишь часть того, что знает второй, что дает второму значительные преимущества в выборе “правил игры” при достижении своих целей. В результате партнер, оказавшийся обманутым, проигрывает, чем в конечном итоге приносит прибыль второму, более хитрому участнику сделки. В бизнесе при заключении сделки нередко один из партнеров лжет или же недоговаривает что-то, скрывая истинное положение вещей, фактов, которые могли бы быть ключевыми для того, чтобы обманываемый мог понять, что его собеседник лжет (“Ложь – сокрытие”). Таким образом лжец поступает подло, зная, что его партнер пострадает, и продолжая действовать, достигая желаемых результатов. Здесь ложь и бизнес тесно переплетаются, так как ложь в этом случае не только аналог бизнеса, но и его инструмент, а часто и его неотъемлемая часть (в начале статьи речь уже шла о том, что ложь – неотъемлемая часть жизни; это же утверждение справедливо и для отношений “жизнь – бизнес”; соответственно ложь и бизнес также очень тесно взаимосвязаны).

Итак, метафоры “Ложь – наглость” (*cheek it, clip out, brazen out, barefaced lie, downright lie, shameless lie, they are peeing on us and telling*

it's raining, swear that black is white), “Ложь – подлость” (stab in the back, foul play, leave one holding the baby, play upon) описують поведінку лежця, а метафора “Ложь – страдание” (get it in the neck, leave in the lurch, hit below the belt) описує стан обманюваного.

В бізнесі можна виділити напрямки і професії, де ложь зустрічається частіше всього. Назвавши людину професіоналом в тій чи іншій області бізнесу, можна тим самим дати зрозуміти, що людина – лежець: “Ложь – професія” (con merchant, crap merchant, feather merchant, horse trader, oil merchant, promoter quack, Joe Soap, lie like a trooper, slick operator). І тут людина проявляє всі здібності, изобретая уловки, хитрять, щоб преуспіти і стати справжнім професіоналом: “Ложь – уловка/хитрость” (artful dodge, be cunning, beat about the bush, dark and crooked ways, low cunning, euchre out of, obtain money by false pretences, wily bird).

Таким чином ми перейшли до ще одного аспекту лжі. Будучи красивою, благозвучною, приємною, необхідною, ложь, по мненню моралістів (і не тільки моралістів), не може бути оправдана (Bok 1989). Даний аспект феномена лжі/обману відображає концептуальна метафора “Ложь – грязь” (dirty pool, dirty trick, dirty work, doesn't wash, low-down and dirty, got the dirty end of the stick).

Сумуючи вищеизложенне, можна зробити висновок про те, що явище лжі/обману концептуалізовано в сучасному англійському мові в ряді метафор, що відображають його різні аспекти. Зв'язи і взаємопереходи концептуальних асоціацій лжі/обману дозволяють заключити, що ложь невіддільна від нашої життя і супроводжує як діяльність, так і відпочинок. Метафори лжі/обману відображають те, як говорячі на даній мові розуміють складне явище лжі/обману, з чим асоціюється той чи інший аспект даного явища, а також те, яким чином повинно бути представлено ложне твердження, щоб обманюваний не ставив під сумнів ту інформацію, яка йому преподноситься. При цьому поведінка і думки обманюваного також представлені в мові метафорами. Таким чином, вивчення мовного оформлення лжі/обману допомагає проникнути в суть явища лжі/обману і описати його.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barnes J.A. (1994). A Pack of Lies. Towards the Sociology of Lying. – Cambridge: Cambridge University Press.
2. Bok S. (1989). Lying. – New-York: Vintage Books.
3. Lakoff G. and M. Johnson (1980). Metaphors We Live By. – Chicago and London: Chicago University Press.
4. Kovacs Z. (1988). The Language of Love. – London and Toronto: Associated University Press.
5. Potapova E.I. (1998). Lying as Power// Мовна компетенція, креативність та актуальні проблеми викладання іноземних мов: матеріали 6 Міжнародної конференції германістів. – Харків: Константа. – с. 99-101.

ЕВОЛЮЦІЯ СТИЛЮ БАЙКИ З ТОЧКИ ЗОРУ СИНЕРГЕТИКИ

Піхтовнікова Л. С., канд. філол. наук (Харків)

Розглядання стилю, тобто структури художнього твору або типу тексту та його мовних засобів, обумовлює огляд відповідних теорій, які можна розглядати як результат пізнання дійсності, освідомлений досвід пізнання й засвоєння вражень від навколишнього світу. Це логічно означає, що дослідження стилю, а тим більше еволюції стилю всього жанру чи типу тексту не може розглядатися у відриві від певної історичної епохи, від того середовища, яке формує вимоги, соціальні замовлення і породжує відповідний стиль. Всі лінгвістичні компоненти стилю є результатами екстралінгвістичних умов певної епохи.

Стиль епохи і індивідуальний стиль перетинаються, бо жоден поет не може уникнути впливу формотворчих тенденцій часу, соціальних вимог та замовлень, які охоплюють всі сфери духовної активності суспільства. Наскільки творчий суб'єкт, в даному разі поет або письменник, здатен прийняти в себе всю сукупність соціальних вимог, наскільки його індивідуальний стиль буде відтворювати стиль часу, цією мірою та індивідуальними особливостями та здібностями вимірюється талант та творча доля кожного поета.

Системно-структурний метод як головний принцип розглядання форми та змісту байки всебічно відображає статичну картину стилю байки певної епохи. Для дослідження лінгвостилістичної еволюції жанру протягом декількох епох системно-структурний метод може служити й подаль, але в удосконаленому розвинутому вигляді.

Подальший розвиток системно-структурного підходу - це дослідження механізмів самоорганізації тексту байки, тобто синергії байки. Моделі самоорганізації системи байки в свою чергу також можуть бути показані в діячності, що в решті решт відображає еволюцію жанру. Наука про саморозвиткові системи - синергетика (Князева, Курдюмов 1994) в змозі дати новий нетрадиційний погляд на еволюцію байки, оскільки байка теж є складною розвитковою системою.

Синергетика виникла в 60-і роки ХХ сторіччя, головним чином, завдяки працям двох Європейських шкіл: Штутгартської школи Г.Хакена (йому й належить термін "синергетика") та Брюсельської школи І.Пригожина. Спочатку синергетика досліджувала, в основному, саморозвиткові системи в фізиці, хімії, біології. Тут була могутня основа, створена працями Н.Вернадського, Ч.Дарвіна, Х.Габора. Значний внесок в фізичні прикладання синергетики внесли російські вчені Ю.Климонтович, С.Капіца,

С.Курдюмов. В 80-роки з'явилися роботи з синергетики вчених-наукознавців (Е.Князева, С.Курдюмов, С.Капіца), і з того часу синергетика розширила сферу свого використання. Вагоме слово сказали спеціалісти з самоорганізації систем (Д.Поспелов, Н.Пушкін) та математики (Р.Том, Т.Постон), які вперше звернули увагу на інформаційний аспект самоорганізації в кібернетиці, природних та штучних мовах, соціології тощо.

Синергетика є наука про саморозвиток складних нерівноважних систем, які складаються з доволі різномірних елементів (поблизу ж рівноваги немає ніякого розвитку). Синергетика позначила необхідні та достатні умови для саморозвитку. Необхідними умовами є: віддаленість системи від стану рівноваги; протирічність системи; суттєва нелінійність системи ("відгук" не є пропорціональним діянням); ієрархічність системи (мінімум два взаємопов'язаних рівня); здатність рівней моделювати одне одного та середовище; відкритість системи (здатність сприймати зовнішню інформацію та енергію); дисипативність (здатність позбавлятися від непотрібної енергії та інформації, а також передавати їх далі). В саморозвиткових системах присутні такі феномени як зжаття інформації при взаємному моделюванні та негативний зворотний зв'язок ієрархічних рівней (тобто взаємна коректировка станів цих рівней відповідно до відхилень від модельних значень). Важливу роль відіграє ПАРАМЕТР ПОРЯДКУ - найбільш рухлива нестійка характеристика системи, котра, змінюючись, підпорядковує собі весь режим системи.

Найважливішим поняттям синергетики є АТРАКТОР (від латинського - притягаючий). Атрактори - це стійкі стани системи, які задаються навколишнім середовищем. Атрактор "притягує" систему, відіграє для неї роль "мети", критерія оптимальності в моделюванні, сприяє зжаттю інформації.

Наприклад, в суспільстві атракторами є соціально значні ідеї, архетипи.

Достатніми умовами саморозвитку без розпаду є одночасна наявність двох режимів функціонування системи: "режиму з загостренням" та "режиму без загострення". В першому із них уся система або її частина швидко і нелінійно змінює свій параметр порядку (на цьому фоні всі інші процеси мов би "завмирають", тому що вони суттєво повільніші). Одночасно з цим частини системи все ж розвиваються повільно, без загострення, мов би в зворотному напрямку, назад до архаїчних форм. Разом обидва названі режими запобігають розпаду системи.

Слід ще сказати про те, що окремі положення та поняття синергетики були відомі ще задовго до її появи як науки, але вони існували в іншому контексті, під іншим кутом зору. Та лише разом, в системі, вони склада-

ють нову ПАРАДИГМУ, яка дозволяє по-іншому поглянути на проблеми саморозвитку, більш логічно пояснити механізм самозародження смислу (семантичний аспект) (Хакен 1991: 45), самопідтримку розвитку, динамічну стійкість.

Перенесення та використання понять та концепцій однієї науки в іншу завжди слід робити обачно, тому що зазвичай смислові поля вихідного поняття та перенесеного співпадають лише частково, на основі аналогії, деякого правдоподібства. В такому разі перенесене поняття в новій науці перетворюється в концептуальну метафору (Телія 1988: 41). Необхідність переносу понять диктується потребами розвитку нової галузі, де ще не сформовано відповідний понятійний апарат. "Оскільки в структуру наукової теорії входять і такі поняття, які не визначаються достатньо наявним чином, для оформлення знань в цілосну систему доводиться використовувати метафоричні засоби, які дозволяють забезпечити єдність там, де суворі раціональні методи не діють" (Гусев 1988:126). (Перекладено - Л.С.). Ефективність концептуальної метафори залежить в першу чергу від потужності пояснюючої здатності початкової теорії, тобто від її універсальності.

Понятійний апарат синергетики спеціально пристосований для описування розвитку систем будь-якої природи. Синергетичний підхід дозволяє ясніше побачити та сформулювати прохідні тенденції розиткового жанру, пояснити їх механізм. Уточнення смислу концептуальних метафор, як і в будь-якій науці, відбувається разом з одержанням правильних, підтверджених наслідків із прийнятих гіпотез про відповідність понять синергетики поняттям жанру, що розвивається. Наперед правомірно вважати, що еволюціонуючий жанр не має ніяких патологічних особливостей, які б різко відрізняли його від інших розиткових систем, де вже доведено ефективність синергетичного підходу.

Синергетика є точною наукою (все доведено до чисел та формул) в таких галузях як фізика та хімія. На якісному рівні синергетика добре виявила себе в біології, економіці. Після появи наукознавчих праць, пов'язаних з синергетичним підходом (Князева, С.Капица), якісні пояснення еволюційних механізмів з'явилися і добре прижились в соціології, мистецтвознавстві.

Великі системи, які пов'язані з людиною і включають її в себе (психологія, література та її окремі жанри, соціологія, музикознавство тощо) мають приблизно однакову потужність та складність. Якщо еволюція однієї із великих систем задовільно описується синергетикою, то це є знаком того, що можна починати аналогічні описування також будь-якої іншої із таких систем.

Необхідність опису статичної та динаміки мовних та мовленнєвих структур синергетичним методом назріла вже давно. Подібно тому як поняття системно-структурного методу інтуїтивно, хоча й фрагментарно, використовувались мовознавцями та літературознавцями набагато раніше до того, як він почав складатися в чітку науково-методологічну теорію, так і окремі загально-філософські поняття, які вийшли в поняттєвий системно-синергетичний апарат, успішно використовуються вченими-філологами поза загальною синергетичною концепцією. Наприклад, категорія "саморозвитку" літературного твору переноситься як філософська парадигма, яка так чи інакше включає до себе уявлення об'єктивності ідеального, в план усвідомлення твору як об'єктивної ідеальності, в якій приймають участь учасники події твору - автор, персонаж та читач. Окрім об'єктивної емпіричної (біографічної, соціальної тощо) визначеності учасників твору об'єктивно існує певна активність, яка вказує (містить "в собі") акти самодіяльності, саморозвитку твору (Просцевичус 1993:5). Традиційно в різних модифікаціях підхід до аналізу літературного твору мав тенденцію до максимально можливого збігу "смыслу", вкладеного в твір письменником, і смыслу, який здобуває інтерпретатор. Уява про саморозвиток базується на відсутності збігу автора, персонажа і читача (там же: 6,7).

Усвідомлення саморозвитку байки (як жанру і тексту) як наслідку процесів, які відбуваються в вимірюванні автор-персонаж-читач, має велике значення для аналізу образно-символічної структури байки. В випадку з байкою саморозвиток виходить далеко за межі системи самої байки та її сюжетної організації. Образно-смысловий "зор" між автором-персонажем-читачем дає можливість зрозуміти динаміку самостійного руху образів-символів байки в межах параметрів завершеності/незавершеності. Останні стали в даному дослідженні невід'ємною складовою стилістичного аналізу як конкретного тексту, так і еволюції взагалі. Необхідність нової парадигми при вивченні еволюції жанру та типу тексту очевидна. Поняттєвий апарат лінгвостилістики відображає статичний стан жанру (наприклад, мовленнєву структуру байки, композиційно-стилістичні аспекти, лексико-граматичне наповнення тощо).

Зміни в стилізованих рисах, тим більше причини та механізм розвитку жанру, потребують для їх описування зовсім інший термінологічний апарат. Поняття синергетики спеціально пристосовані до описування еволюції складних систем, до яких ми причислюємо і систему байки.

Досліджуючи еволюцію стилю віршованої байки, ми опираємось на системне визначення цього жанру. Віршована байка - це відносно коротке віршоване оповідання з історично зумовленим співвідношенням епічних, драматичних, ліричних, сатиричних, а також епіграматичних та

афористичних елементів, в якому постичними засобами, перш за все, за допомогою прийомів алегоричності та фантастичності (гіперболічності), утворюється наглядно-образна, психологічно містка та здебільшого динамічна ситуація, що формує узагальнений образ-символ, який затверджує значиму для даної епохи, нерідко переступаючи її межі, етико-філософську істину, і який спонукає читача до зміни особистих якостей та навколишнього світу.

Екстралінгвістичні умови, які сприяли еволюції типу тексту "байка", зводяться перш за все до зародження в суспільстві певних соціальних замовлень на художню формулювання значимих істин. Останні служать центрами притягання для мислестворчості авторів і проявляються в змінюванні та розширенні семантичних полів (одночасно з включенням нових понять, образів), в набуванні нових композиційно-стилістичних засобів вираження. Еволюція жанру, яка розглядається перш за все як еволюція композиційно-та мовно-стилістичних особливостей, визначається без сумніву цими новими центрами притягання (атракторами), які відіграють роль норматива, ужимають інформацію, роблять еволюцію байки провіщуваною. Процес еволюції з точки зору синергетики полягає ось в чому. Відкрита ієрархічна система, яка складається не менш ніж із двох рівней, має здатність взаємно моделювати стани своїх ієрархічних підсистем та навколишнього середовища. Для байки це очевидно. На основі взаємного моделювання відбуваються зміни (адаптація кожного рівня) та їх узгодження. Не має сенсу пояснювати першопричину змін. Мають значення тільки цикли змін жанру чи типу тексту, оскільки нам дано спостерігати лише їх. Вище було вже сказано, що підсистеми байки - ситуаційно-сюжетний текст та образ-символ взаємно моделюють одне одного за допомогою метафори. Зміни в моделюванні тотожні еволюції метафори.

Доволі суттєва концепція ужимання інформації при трансформації нижнього рівня (тексту) на верхній (образ-символ). Засоби ужимання в сюжетному тексті - біфуркації та ітерації, а в образно-символічній структурі - побудова метафори (проста, вкладена).

Ужиманню інформації, передбачуваності на верхньому рівні сприяє саме атрактор.

Інформаційні процеси (ужимання, дисипація, нестійкість) - суттєво нелінійні, тобто вони здатні зростати з прискоренням. Нелінійність розвитку жанру пов'язана ще з однією синергетичною концепцією, яка в повній мірі може бути пояснена лише після розглядання процесу метафоризації. Мова йде про одночасний розвиток в "режимі загострювання" (сильне прискорення) та "режимі без загострювання" (повільний розвиток). Згідно з поняттями синергетики, в залежності від "сили

притяжіння” атрактора відбувається швидкий або повільний процес еволюції. При чому для окремих частин складної системи швидкість еволюції різна і може підти навіть назад, тобто в минуле. В такій складній системі як жанр байки це спостерігається з повною очевидністю.

По-перше, протягом віків відбувається повернення до архаїчних форм (наприклад, експліцитної моралі; афоризм було вкраплено в байку також ще в 18 сторіччі, хоча функція його в байці була іншою ніж тепер; при загальній тенденції до стислості байки в XX сторіччі все ж зустрічаються статичні та докладні розгорнуті тексти). Схожі роздуми справедливі і щодо тематики байок. Тематика минулих сторіч теж присутня, але є менш актуальною.

По-друге, сильне, потужне притяжіння соціального замовлення (атрактора) декілька разів за всю історію байки сформувало в режимі загострення стиль, який перетворився на архетип. Наперед можна назвати такі головні архетипи байок:

1. Байка, в якій функція інакомовлення поєдналась з функцією риторичності та функцією повчальності, дидактичності (байка Езопа та його послідовників, наприклад, Лютера, Лессінга).

2. Байка, в якій на фоні попередніх функцій виділяється, а потім домінує розважальна, естетична роль (Лафонтен, Крилов, Геллерт, Хагедорн, Глейм, Пфедель, Ліхтнер та інші).

3. Тип байки, в якій до названих функцій приєднується загострена суспільно-політична спрямованість (Пфедель, Клаудіус, Вайнерт).

4. Байка, яка використовується в контексті інших літературних творів. Ця тенденція існувала й раніше, але зараз вона помітно активізується й відроджується. Спостерігаються факти використання байкових образно-символічних та афористичних елементів в сучасній публіцистиці, журналістиці (Wilke 1971) та, наприклад, створення правдивих розповідей про тварин з повчальним змістом (Drewermann 1998).

5. Байка, яка розробляється в більш розгорнутий літературний текст іншого виду. Ця тенденція, яка бере початок в минулі епохи (“Reinhard Fuchs” Я.Гріма, “Reinicke Fuchs “ Г.Е.Лесінга), в останні десятиріччя помітно посилилася (“Der witzige Reinecke Fuchs” В.Лібхена) (Liebchen 1989).

6. Сучасний архетип стислої байки, який формується протягом другої половини 20-го сторіччя і який має попередні функції в поєднанні з посиленою здатністю породжувати образи, базуючись на афористичності.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гусев С.С. (1998) Упорядоченность научной теории и языковые метафоры // Метафора в языке и тексте. – М. Наука. – С.118-133.
2. Князев Е.Н., Курдюмов С.П. (1994) Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. – М. Наука.

– 230 с. 3. Просцевичус В.Э. (1993) Саморазвитие литературного произведения. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Донецк. – 16 с. 4. Телия В.Н. (1998) Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М. Наука. – С.28-52. 5. Хакен Г. (1991) Синергетика. – М. Мир. – 267 с. 6. Drewermann E. (1998) Von Tieren und Menschen. Moderne Fabeln. – Zürich und Düsseldorf: Walter Verlag. – 128 S. 7. Liebchen W. (1989) Der witzige Reinecke Fuchs. Die fabelhafte Erzählung. – Rön-Grabfeld/Kilianshof: Fabel-Verlag Gudrun Liebchen/ – 224 S. 8. Wilke Chr.H. (1971) Fabel als Instrument der Aufklärung. Leistungsfähigkeit eines literarischen Typus // Basis 2. – S.71-102.

О ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СПОСОБАХ АНГЛИЙСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Ребрий А.В. (Харьков)

Окказиональность традиционно трактуется как универсальное явление, присущее всем уровням языковой системы. Ещё такие известные исследователи языка, как Л.В.Щерба (1965), Л.П.Якубинский (1986), Г.О.Винокур (1991) указывали в своих работах на возможность окказионального языкового новаторства в области фонетики, морфологии, словообразования, синтаксиса. Подобный подход позволяет определить окказионализм как новое для данной языковой системы сочетание единиц определенного уровня - фонем, морфем или лексем, - при котором в большинстве случаев окказиональным является не характер компонентов, а сам факт их сочетания и/или то значение, которое подобное сочетание приобретает в контексте конкретной коммуникативной ситуации. Данному определению соответствует уровневая классификация неязыковых инноваций (Ханпира 1972), более пригодная для их описания в качестве выразительных средств языка (см.: Ковалев 1985). В целях изучения структурных характеристик окказионализмов мы предлагаем использовать собственную классификацию, основой которой выступает разделение новообразований на слова и сочетания слов как единственно возможные формы их свободного функционирования в речи. Оставив в стороне окказиональные сочетания слов (абсолютно до сих пор неисследованный языковой феномен), построим дальнейшую классификацию окказиональных слов в соответствии с возможными способами их создания, к которым можно отнести следующие: словоизменение, изобретение слов, словообразование, лексико-семантическая транспозиция, заимствование.

Наиболее продуктивным из перечисленных способов, безусловно, является словообразование. Исследование специфики английского словообразования на материале окказионализмов позволяет: (а) корректировать наши представления о словообразовательной норме; (б) вносить изменения и дополнения в непрерывно изменяющийся арсенал словообразовательных средств; (в) определять уровень продуктивности различных способов, формантов и моделей словообразования.

Одной из наиболее интересных проблем английского окказионального словообразования является проблема так называемых “второстепенных” способов словообразования, которые, на наш взгляд, совершенно незаслуженно игнорируются большинством исследователей в данной области (см.: Мешков 1976, Царёв 1980, Marchand 1969). Причина подобного пренебрежения лежит в том, что расчеты степени продуктивности производятся на основе данных словарных выборок, что, естественно, не позволяет включать в них окказиональные слова. Между тем, по данным нашего исследования, такие способы английского словообразования, как многокомпонентное (фразовое) словосложение, аббревиация, акронимия, контаминация, междусловное наложение, субститутивное словообразование совокупно дают до 35% всех зарегистрированных окказионализмов (Ребрій 1997). Проанализируем подробнее некоторые особенности функционирования данных способов с целью выявления возможных закономерностей продуцирования окказиональных единиц.

1. Многокомпонентное (фразовое) словосложение. Представляет собой соединение нескольких (трёх и более) базовых морфем на основе процесса универбации, т.е. перевода синтаксических конструкций в ранг сложного слова. По существу, возникающие при этом единицы представляют собой застывшие фрагменты речевой цепи и могут быть структурированы в очень небольшой степени, поскольку любые подобные фрагменты могут извлекаться говорящими из одного участка речевой цепи (внутреннего лексикона) и употребляться в другом уже в новом качестве сложного слова.

Окказиональные фразовые сложения обладают рядом структурных особенностей, препятствующих их возможной узуализации, таких как:

(а). Избыточность структурных компонентов. По мнению Л.Бауер, в английском языке не существует такого понятия, как “самое длинное сложное слово” (Бауер 1983:66). Таким образом, максимальный размер многокомпонентных слов определяется не ограничениями структурного характера, а реальной способностью потенциального реципиента воспринимать и адекватно интерпретировать сложную конструкцию. Самое длинное, зарегистрированное нами фразовое сложение состоит из 15 компонентов:

Special thanks to Christopher L. Dolan for the forensic research, to William Whitelaw for everything-I-always-wanted-to-know-about-bullets-and-should-have-been-afraid-to-ask (Gunning);

(б). Отсутствие формальных расхождений между исходной словообразовательной и результативной структурами фразового сложения. Иными словами, в этих единицах не происходит устранения средств внешне-го синтаксиса – предлогов, союзов, артиклей, вспомогательных глаголов и пр. (Бортничук 1990:67):

Because Junior is one weird film, it's not just part of Arnie's get-the-families-and-quadruple-your-box-office plan, like Kindergarten Cop and Twins were (Sunday Telegraph).

(в). Слабая структурированность. Для сложных единиц, мотивирующей (базовой) конструкцией которых служат предложения, отсутствуют какие-либо модели, поскольку в качестве их основы могут выступать предложения различных типов и с различным количеством компонентов:

There was none of Richard's get-together, live-and-let-other-live attitude about Henry (Tey).

2. Аббревиация и акронимия. Аббревиация и акронимия, оставаясь фактически двумя разновидностями наиболее “молодого” в диахроническом аспекте способа словообразования, теоретически предоставляют чрезвычайно широкие возможности для создания новых слов, так как любой объект, понятие или факт окружающей действительности, имеющий описательную форму выражения, может быть представлен в форме аббревиатуры или акронима. Однако реальная продуктивность данных способов сравнительно невелика, что, по нашему мнению, обусловлено языковой традицией, закрепившей за аббревиацией и акронимией чрезвычайно узкую лексико-семантическую нишу – наименования организаций, учреждений, должностей и пр. Появление окказиональных аббревиатур и акронимов отражает постепенный процесс расширения данной ниши. Так, например, все более типичным становится использование аббревиации в качестве средства категоризации значения:

The Cool, Arty type/ Dressed always in black, in baggy but extremely expensive garb, the CAT carries a tiny backpack which fits snugly to its back (How to Spend It).

Ещё одной характерной особенностью окказиональных аббревиатур и (особенно) акронимов является то, что они часто “подгоняются” под узловые единицы (в том числе узловые аббревиатуры и акронимы), создавая тем самым эффект каламбура:

SOS (Save Our Sport). Labour vow to stop Sky buying major sports events (Daily Mirror);

Even Di's switching to BMW – Bond Movie Wheels (Daily Mirror).

“Подгонке” окказиональных новообразований данного типа под узусальные единицы, а также повышению их благозвучности в целом способствует факультативность включения в состав аббревиатур и акронимов служебных слов:

Guilty of excessive PDAs (public displays of affection): supermodel Claudia Shiffer and fiancé David Copperfield (She).

3. Контаминация и междусловное наложение. Контаминация и междусловное наложение представляют собой соединение частей двух базовых морфем без видимого соответствия их морфемному членению. При этом “структура образования затемняется, морфемные границы утрачивают свой статус, а предельным результатом словообразовательного процесса является формирование новой корневой морфемы” (Журавлев 1982:84). Единственным языковым ограничением данного способа выступает требование благозвучности:

In the last few years the audience was introduced to such new cinematographic sub-genres as “rocumentary” and “mocumentary” (Guardian Weekend).

Although her magazine was as guilty as any other fashion publication ... she and her staff never strayed from Chanelegance when it came to their own wardrobes (Newsweek).

Несмотря на практически неограниченный потенциал данных способов словообразования, их востребованность остается достаточно низкой. Причина этого, на наш взгляд, заключается в сложности их применения, требующего определенной прагматической установки, высокого уровня владения механизмами языкового словотворчества и обширного внутреннего лексикона. Поэтому окказиональные контаминации и междусловные наложения сегодня продолжают оставаться принадлежностью либо отдельных авторов (Льюис Кэрролл, Джеймс Джойс) либо отдельных жанров (реклама, таблоидная публицистика):

Chinese Draganne. A monster looked down its nose at Princess Anne yesterday. But the fearsome giant was only being polite-standing on ceremony to welcome her (Daily Mirror).

5. Субститутивное словообразование. Субститутивное словообразование, представляющее собой подстановку одной корневой морфемы вместо другой корневой морфемы или произвольного сегмента в составе исходной базовой морфемы, сходной с ней (ним) по написанию и/или произношению, известно в гораздо меньшей степени, чем описанные выше способы окказионального словообразования. Однако по своей продуктивности субститутивное словообразование дает большее количество инноваций, чем все они вместе взятые (Ребрий 1997). В основе данного способа лежит феномен народной или псевдоэтимологии, а слово, по образцу

которого создается новообразование, зачастую присутствует в том же контексте:

National Yachtery. The national Lottery is set to sail into a new cash storm – over the royal Yacht Britannia (Daily Mirror).

Если слово-аналог в контексте отсутствует, оно должно легко восстанавливаться реципиентом из внутреннего лексикона. В противном случае субститутивное словообразование как способ добиться определенного эффекта воздействия на адресата (привлечения внимания, повышения экспрессивности, придание высказыванию комического характера) утрачивает смысл и целесообразность:

O'Shea is what you might call an avant-gardener. He believes in Randomness. His yard is a wilderness of weeds, and heaps of coal and broken play equipment (Lodge).

Субститутивное словообразование технически отлично от контаминации и междусловного наложения, однако, все три способа весьма близки как по производимому эффекту, так и по сфере применения. В современном английском языке окказиональные субституты стали практически неотъемлемой частью популярной (таблюдной) прессы, где они чаще всего выступают в роли заголовка, способного благодаря таким экспрессивным свойствам, как новизна, необычность, непривычность для восприятия, привлечь дополнительное внимание адресата к излагаемому материалу:

Gym-o-cide! (Cosmopolitan);

Car-azy world! (Daily Mirror);

При восприятии окказионализмов-субститутов в сознании адресата образуется устойчивая ассоциативная связь между словом-основой и подставляемой корневой морфемой, когда сходство планов выражения двух единиц заставляет предполагать сходство их планов содержания. Данное свойство всё более активно берут на вооружение создатели рекламы, добиваясь эффекта “качественного запоминания” за счет совмещения в одном слове названия продукта и/или торговой марки с его качественной характеристикой:

Tantal-eyes and mesmer-eyes (Cosmopolitan);

Diorific and Diorlight (Cosmopolitan).

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые предварительные выводы. В современном английском языке такие способы словообразования, как многокомпонентное (фразовое) словосложение, аббревиация, акронимия, контаминация, междусловное наложение, субститутивное словообразование, имеют т.н. “непредсказуемый” (unpredictable – L. Bauer) характер, обусловленный слабой структурированностью, практически полным отсутствием моделей, формальных показателей и каких-либо ограничений структурного характера в целом. Исследование эмпи-

рического материала дает основание охарактеризовать данные способы словообразования как преимущественно окказиональные. Неспособность созданных с их помощью инноваций к узуализации объясняется рядом структурно-семантических характеристик, к числу которых относим избыточность компонентов, недостаточно четкое морфемное членение, отсутствие новизны значения, специализацию значения, жанрово-стилистическую зависимость. Отнесение проанализированных в работе способов словообразования к числу второстепенных необходимо признать необоснованным благодаря их высокой продуктивности при создании окказиональных слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бортничук Е.Н. (1990). Сложное слово синтаксического типа и межуровневое варьирование // Проблемы варьирования языковых единиц: материалы к спецкурсам и спецсеминарам. – Киев. – С. 65-80.
2. Винокур Г.О. (1991). Маяковский – новатор языка // О языке художественной литературы. – М.: Высш. Шк. – С. 317-321.
3. Журавлев А.Ф. (1982). Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука. – С. 45-108.
4. Ковалев В.П. (1985). Выразительные средства художественной речи. – Киев: Радянська шк.
5. Мешков О.Д. (1976). Словообразование английского языка. – М.: Наука.
6. Ребрій О.В. (1997). Оказіоналізми в сучасній англійській мові (структурно-функціональний аналіз): Автореф. Дис. ... канд. Філол. Наук. – Харків.
7. Ханпира Эр. (1972). Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. – М.: наука. – С. 245-317.
8. Царев П.В. (1980). Сложные слова в английском языке. – М.: Изд-во МГУ.
9. Щерба Л.В. (1965). О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Прогресс. – Ч. 2. – С. 361-373.
10. Якубинский Л.П. (1986). О фонетическом глоссемосочетании // Язык и его функционирование. – М.: Наука. – С. 189-194.
11. Bauer L. (1983) English Word-Formation. – Cambridge: Cambridge University Press.
12. Marchand H. (1969). The Categories and Types of Present Day English Word-Formation. – Munich: Beck.

СТРАТЕГИИ АВТОРИТАРНОГО ДИСКУРСА (на материале английского языка)

Рудякова В.М. /Харьков/

В настоящей статье предпринимается попытка систематизировать стратегии авторитарного дискурса, фигурирующие в проанализированной нами выборке.

Анализ фактологического материала показывает, что авторитарность может передаваться в англоязычной речи с помощью обширного арсена-

ла речевых актов (РА). Наиболее часто встречаются директивы, в частности, такие их разновидности, как инструкции, приказы, наставления, запрещения, запросы (просьбы) и предложения (см. классификацию Fraser 1993), что заставляет признать РА данного типа наиболее прямыми и эксплицитными способами выражения авторитарности в большинстве асимметричных ситуаций. Даже менее категоричные директивы, такие как предложения и просьбы, отличаются в речи более "властного" члена пары большей категоричностью, по сравнению с аналогичными РА, используемыми зависимым партнером. Степень категоричности зависит от характера грамматических средств оформления соответствующих РА. Так, наиболее безапелляционно воспринимаются просьбы, приказания, инструкции, выраженные повелительным наклонением:

(1) *"Pull in all his notes", Jamie ordered his bank manager. "Give him twenty-four hours to pay up in full or foreclose."* /Sheldon/

Отметим, что Холмс (1993) считает формы повелительного наклонения наиболее типичным способом реализации директивных РА в речи учителя и выделяет 6 структурных вариантов императива, фигурирующих в ситуациях академического дискурса.

Стремление продемонстрировать свое превосходство или дистанцированность от собеседника в более тактичной форме иногда побуждает коммуниканта облекать свои директивы в более "мягкие" формы сослагательного наклонения:

(2) *"I shouldn't bother about it if I were you".* /Maugham/

Приказы, наставления, выговоры и нотации могут передаваться также синтаксическими средствами, например, вопросительными конструкциями различных типов: от прямых, предельно кратких вопросов, направленных на побуждение партнера выполнить действие, в которых говорящий не берет на себя труд каким-либо образом смягчить требование, предъявляемое собеседнику (пример 3), до многословных, "вычурных" вопросов, которыми адресант более косвенно выражает свою интенцию. В некоторых случаях вопросительные высказывания могут содержать модальные глаголы или другие модальные средства смягчения категоричности приказа (пример 4):

(3) *"...Mary, what have you got under your desk, what are you looking at?"* /Spark/

(4) *"Could you wash the flowers?"* /Amis/

Эффективной стратегией авторитарного дискурса является также использование глаголов волеизъявления (want, intend и др.) и конструкции сложное дополнение с местоимением I лица единственного числа. Иллюстративная сила высказывания с конструкцией сложное дополнение зависит от формы глагола-сказуемого и может быть более митигированной в

случае использования глагола *want* в отрицательной форме или форме прошедшего времени:

(5) *"This is a bail hearing... and I don't intend for it to last long..."*
/Grisham/

(6) *"I wanted you to meet that man", he said.* /Grisham/

Немаловажную роль в оформлении авторитарного дискурса играет грамматическая категория залога, которая обнаруживает непосредственную связь с одной из центральных координат прагматики, а именно, с "я" говорящего субъекта. Естественно, формы активного залога оказываются предпочтительными в речи "сильного" члена пары разделенных отношениями власти собеседников.

Среди других типов РА, участвующих в оформлении авторитарного дискурса, фигурируют также репрезентативы, комиссивы и оценочные РА. В отличие от рассмотренных выше директивов, они выступают более завуалированными способами выражения говорящим своей "позиции силы". Среди репрезентативов, например, в речи авторитарных коммуникантов преобладают советы, заверения, упреки, хвастовство, требования, суждения, в то время как "слабые" участники пары чаще употребляют РА согласия, признания, описания и т.п.

Используя комиссивы, посредством которых говорящий берет на себя обязательство совершить действие, обозначенное в пропозиции, более властные коммуниканты предпочитают такие их разновидности, как гарантии, обязательства, предложения (смягченный приказ), предупреждения, угрозы и отказы, оставляя такие РА, как обещания, клятвы и предложения на долю своих "зависимых" партнеров.

Используя оценочные РА, более властные коммуниканты чаще выбирают выражения упрека или неодобрения, в то время как приветствия, извинения, или комплименты, являющиеся средствами установления контакта, солидарности и равноправия, как правило, избегаются ими.

Три вышеназванных типа РА также могут отличаться большей или меньшей степенью авторитарности в зависимости от языкового оформления. Среди используемых для этого синтаксических стратегий хотелось бы особо выделить длину высказывания. Обычно доминирующий партнер имеет возможность выбора: с одной стороны, он может выразить свою дистанцированность от собеседника подчеркнутой лаконичностью высказывания, сводя таким образом к минимуму время общения, необходимость объяснять мотивы своих действий и т. п. Отсюда — предельно краткие структуры, часто сводящиеся к одному слову:

(7) *"May I have a few minutes of your time?" "Certainly."* /Grisham/

С другой стороны, нередко неоправданно длинные, избыточные пояснениями, наставлениями и морализированием высказывания, имеющие

своей целью продемонстрировать власть и авторитет. В примере 8 эту стратегию использует судья, восстанавливая порядок, нарушенный в ходе судебного процесса.

(8) *"Objection! The rape is irrelevant!" "Mr. Buckley, don't yell at me. If you do it again, so help me god, I will hold you in contempt. You may be correct, the rape may be irrelevant. But this is not the trial, isn't it? We don't have a jury in the box, do we? You're overruled and out of order. Now stay in your seat. I know it's hard with this sort of audience, but I instruct you to stay in your seat unless you have something truly worthy to say. At that point, you may stand and politely and quietly tell me what's on your mind."* *"Thank you? Your Honor"*. /Grisham/

В любом случае, однако, выбор "длительности говорения" в коммуникативной ситуации — это всегда прерогатива более властного партнера.

Восклицательные конструкции, которые встречаются в речи более "сильного" участника коммуникативной ситуации, служат, как правило, средствами выражения таких "прилициствующих" его положению эмоций, как гнев, ярость, возмущение или сильное желание.

Помимо описанных выше РА к числу стратегий авторитарного дискурса представляется возможным отнести также выбор темы и контроль за ходом развития беседы. Данные стратегии широко распространены, в частности, в ситуациях общения между учителем и учеником, доктором и пациентом и т.п., в которых первые члены пар, обладая "властью информации" (Рудякова 1999), полностью контролируют выбор темы, направление, время начала и завершения диалога. Однако, даже если диалог (полилог) инициируется менее властным участником дискурса, то все равно более "высокостатусный" коммуникант берет на себя роль "дирижера". Рассмотрим следующий диалог между защитником и судьей:

(9) *"Your Honor, we would request the court to set a reasonable bond for these des"*

"Forget it," snapped Bullard. "Bail will be denied as of now..." /Grisham/

Такую стратегию как очередность высказываний также следует отнести к числу коммуникативных маркеров авторитарности. Говорящие, обладающие большей властью, зачастую позволяют себе доминировать в разговоре, подолгу разглагольствовать или перебивать собеседника, пренебрегая правилами вежливости.

Не менее важным средством демонстрации власти является и навязывание партнеру по коммуникации определенного жанра ведения беседы. Власть дает говорящему "право" выбирать угодный ему тон диалога (спокойный, раздраженный, саркастический и т.д.), или жанр беседы (фамильярный, непринужденно-дружественный, нейтральный, официальный). Находящийся же в более "слабой" позиции вынужден принимать предла-

гаемый ему стиль. Так, в примере 10 показано как судья использует сарказм для отрицательной оценки действий адвоката и прокурора, которые, во время подготовки к слушанию скандального дела, изо всех сил пытаются как можно чаще давать интервью представителям Mass Media и таким образом рекламировать свою деятельность:

(10) *"Gentlemen, I'm considering imposing a gag order from now until the trial is over... I don't want this case tried by the press. Any comments?" "Good idea, Your Honor... I had considered requesting such order." "Yes, I'm sure you have. I've noticed how you run from publicity." /Grisham/*

Пренебрежительное и высокомерное отношение к собеседнику может быть передано не только посредством вербальных, но и невербальных средств, в частности, молчания (silence):

(11) *"Where'd you find her?" he asked. Lucien stared at the courthouse.s "How old is she?" Lucien was silent.s "She live here?" No response. /Grisham/*

Перечисленный инвентарь стратегий авторитарного дискурса отнюдь не является исчерпывающим и может быть расширен, что является задачей следующего этапа исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fraser B. (1993). The Domain of Pragmatics//Language and Communication.s Longman. - P.29-61. 2. Holmes J. (1993). The Structure of Teachers' Directives//Language and Communication. - Longman. - P.89-117. 3. Рудякова В. (1999). Дис-танция власти и ее отражение в коммуникации//Вестник ХДУ №430, Харьков. - С.168-173.

К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАМЕКА

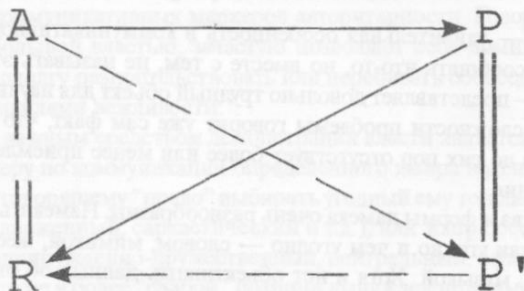
А.А.Тютенко (Харьков)

Намек — удивительная особенность в коммуникативном поведении человека сообщать что-то, но вместе с тем, не называть это непосредственно — представляет довольно трудный объект для научного исследования. О сложности проблемы говорит уже сам факт, что для данного феномена до сих пор отсутствует более или менее приемлемое научное определение.

Средства и формы намек очень разнообразны. Намекать можно практически как угодно и чем угодно — словом, мимикой, жестом, танцем, рисунком, музыкой. Хотя и нет объективных данных об относительной

роли намеков в коммуникации, каждому известно из повседневного опыта общения, насколько велика эта роль, и что в отдельных случаях коммуникация намеками даже может преобладать над прямым обменом информацией. Тем не менее теория коммуникации до настоящего времени не предложила удовлетворительной модели, которая бы отводила намеку подобающее место. Что касается намеков средствами языка, то и в этой части проблемы традиционная лингвистика, базирующаяся на грамматических и семантических теориях, также оказывается мало эффективной. Более продуктивными могли бы стать методы лингвопрагматики, однако, несмотря на то, что со времени возникновения этого направления в лингвистике минуло уже несколько десятилетий наблюдается практически полное отсутствие работ в этой области, непосредственно посвященных феномену намека. О результатах использования прагматического анализа применительно к намекам в различных текстах можно судить, как правило, косвенно по публикациям в области лексикологии, фразеологии, стилистики, риторики, а также литературоведения, поскольку, на современном, этапе любые исследования в контексте этих наук так или иначе ведутся с привлечением аппарата лингвопрагматики. Центральная теория лингвопрагматики — учение о речевых актах — дает лишь общее направление для анализа языковой коммуникации, в которое плохо укладываются многие ситуации намеренного нарушения участниками коммуникации постулированных этой дисциплиной лингвопрагматических „максим». Поскольку, однако, такие нарушения являются намеренными, т.е. совершаются с определенной коммуникативной целью, должна существовать возможность их описания в пределах имеющейся теории, коль скоро мы считаем ее универсальной.

Как известно, при классификации речевых актов оценивается в первую очередь их иллокутивная направленность, которая, в частности, сопоставляется, с пропозициональным содержанием высказывания. В этой связи, модель типичного акта намека можно представить следующим образом:

На пропозиціональному рівні адресант (*A*) хоче виразити некоторую пропозицію (*P*). При цьому он имеет определенное представление реципиенте (*R*) и ориентируется на его знания и коммуникативные возможности (обозначено двойным пунктиром). В этой части данный коммуникативный акт (показано непрерывными стрелками) ничем не отличается от традиционно представляемого лингвопрагматикой иллокутивного речевого акта. Коренное отличие, однако, имеет место в остальном. По какой-то причине адресант, однако, не хочет называть „вещи своими именами» и вместо пропозиции *P* передает другую пропозицию *P'* (пунктир), которая, по его мнению, эквивалентна *P* (показано двойной линией). При этом он также предполагает, что реципиент имеет такие же ассоциации насчет пропозиции *P'* и воспримет высказывание „правильно» — как пропозицию *P*. Речевые акты, протекающие по сходной схеме, давно изучаются лингвистами как косвенные. Косвенный речевой акт имеет место тогда, когда передаваемая языковыми знаками иллокуция не совпадает с действительной иллокуцией говорящего (Wunderlich 1975: 30). Сравнение намека с типичными как явными, так и имплицитными косвенными речевыми актами показывает, однако, что между косвенным, речевым актом и актом намека существует различие, состоящее в том, что последний сопровождается конститутивным изменением (диссоциацией на пропозициональном) уровне высказывания, но не на иллокутивном (Erich & Saile 1975: 177). Ф.Эрих и Г.Зайле назвали „имплицитными пропозициями» речевые акты, когда из буквально выраженной пропозиции *P'* следует *P* как собственно выражаемая пропозиция. В отличие от имплицитной пропозиции *P*, которая содержится уже в самой пропозиции *P'* при косвенном речевом акте (напр., если в качестве извинения кто-то говорит: *Es tut mir leid, daß ich dich beleidigt habe.*), имплицитная пропозиция имеет место тогда, когда адресант дает реципиенту знать, что-то, при этом не говоря этого прямо (Keller 1975: 56). Разница между этими двумя случаями лучше просматривается, если использовать немецкую терминологию, где существуют выражения, соответственно, *eine Proposition implizieren* и *eine Proposition implizieren*.

Чтобы внести большую ясность в систему речевых актов Н.Гребен и Б.Шееле (Groeben & Sheele 1986: 47) предлагают более четко различать речевые действия, сопровождающиеся диссоциацией на пропозициональном и на иллокутивном уровне. В результате, классификацию речевых актов по этим признакам можно представить в виде следующей таблицы:

Диссоциация на иллокутивном уровне

Диссоциация на пропозициональном уровне

нет		да	
нет	собственно прямой речевой акт	несобственно прямой речевой акт	прямые речевые акты
да	несобственно косвенный речевой акт	собственно косвенный речевой акт	косвенные речевые акты
собственно речевые акты		несобственно речевые акты	

Таким образом, согласно этой схемы, намек может реализовываться, как несобственно прямой речевой акт, т.е. когда иллокуция остается без изменений.

Идея имплицативной пропозиции, или „несобственного говорения» („uneigentliches Sprechen” — Berg 1978) открывает возможность прагматического описания не только намеков, но и метафор, иронии и других речевых феноменов, основанных, на многозначности. Следует также отметить, что представленная выше модель действует не только для вербальных намеков, но и вообще для любых форм намека, поскольку P' может передаваться в принципе любым знаком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berg W. (1978). Uneigentliches Sprechen. Tübingen.
2. Erich V., Saile G. (1975). Über nicht-direkte Sprechakte, in: Linguistische Pragmatik, Wiesbaden;
3. Groeben N., Scheele B. (1986). Produktion und Rezeption von Ironie. Tübingen.
4. Keller R. (1975). Zur Theorie metaphorischen Sprachgebrauchs, Zeitschrift für germanistische Linguistik, N. 3.
5. Wunderlich D. (1975). Zur Konventionalität von Sprechakten, in: Linguistische Pragmatik, Wiesbaden.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ КОНФЛИКТНОГО РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Фадеева Е. В. (Горловка)

Речевое общение, протекающее в форме диалога, представляет собой социальное взаимодействие, главной целью которого является достижение консенсуса, то есть коммуникативного согласия. Очевидно, что консенсус достигается в полной мере только в ситуации кооперативного общения.

В новейших исследованиях в области психологии принято выделять три основных вида общения – сотрудничество, соперничество и конфронтацию, среди которых сотрудничество и соперничество считают “здоровым” общением, а конфронтацию “болезненным” с точки зрения достижения согласия (Ишмуратов 1996: 18). Учитывая тот факт, что сотрудничество, соперничество и конфронтация не существуют изолированно, а могут переходить одно в другое, речевое взаимодействие в своем развитии также постоянно колеблется в ту или иную сторону в зависимости от речевых интенций коммуникантов. Подвижность интенций в диапазоне сотрудничество – конфронтация обуславливает не только общую направленность речевого взаимодействия на определенном этапе в ту или противоположную сторону, но и возможность сменить в процессе развития от одного к другому. Вот почему можно говорить как о бесконфликтном соперничестве, так и конфликтном, которые различаются, соответственно, направленностью на консенсус в первом случае и на диссенсус во втором.

Даже при конфликте интересов консенсус обеспечивает развитие диалога в духе сотрудничества с элементами соперничества. Поиск консенсуса осуществляется речевыми средствами аргументативного дискурса, то есть такого речевого воздействия на адресата, которое осуществляется ориентированными на достижение консенсуса стратегиями. Эти стратегии опираются на когнитивные функции языка. Иными словами, речевое поведение коммуникантов в бесконфликтном соперничестве базируется на основных процессах мышления. Речевое воздействие говорящего направлено преимущественно на рациональную сферу адресата. Этим требованиям соответствует описанная логиком С. Поварниным (1990: 72-73) модель “идеального” спора. Эта модель предполагает единую для обоих спорящих стратегическую цель – достижение консенсуса путем обоснованного отстаивания своей точки зрения. Такого рода речевое взаимодействие протекает в духе сотрудничества. В словесном состязании коммуниканты используют преимущественно такие приемы речевого воздей-

ствия, как аргументированное возражение, убеждение, доказательство своей правоты. Несмотря на противоречащие взгляды (тезис - антитезис), осознанная цель их общения остается неизменной на протяжении всего речевого взаимодействия – выяснение истины. Правильно выбранные тактические приемы ведения спора и корректное поведение коммуникантов с соблюдением всех основных правил успешного речевого общения обеспечивают возможность мирного и результативного завершения спора.

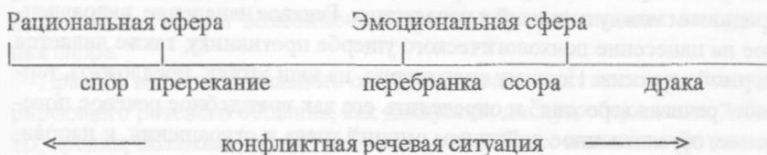
Правила ведения идеального спора учитываются в таких видах конкурирующего речевого общения, как дискуссия, диспут, обсуждение, дебаты, прения, полемика, представляющих собой более или менее организованные деловые публичные споры. В реальном общении, однако, нередко даже такие споры, а тем более бытовые, перерастают в пререкание, перебранку, ссору и даже драку – виды речевого взаимодействия, отличающиеся друг от друга интенсивностью проявления эмоций. То есть соперничество постепенно сменяется в сторону конфронтации. По данным психологических исследований (Ишмуратов 1996: 76) речевое взаимодействие коммуникантов, вступивших в стадию конфронтации, значительно видоизменяется. Оно сопровождается переориентацией целей общения в силу формирования в сознании каждого образа врага. При этом усиливается эмоциональная напряженность ситуации общения, снижается контроль собственного поведения. В ходе общения коммуниканты находятся в состоянии враждебности. Враждебность – это сложная форма аффективно-когнитивной ориентации, в комплексе которой преобладают три фундаментальные эмоции: гнев, отвращение и презрение (Изард 1980: 305). Наиболее интенсивной эмоцией является гнев, наименее – презрение.

Рассмотрим конфликтное речевое взаимодействие в аспекте влияния данных эмоций на речевое поведение. Возникновение негативных эмоций является реакцией личности на препятствия в достижении определенной цели. Если в качестве такого препятствия выступает адресат, то в сознании адресанта он становится объектом враждебности. Чем выше находится цель в личностной шкале ценностей, и чем серьезнее препятствия на пути к достижению цели, тем выше интенсивность испытываемой эмоции (Изард 1980: 291). Гнев мобилизует личность и делает ее готовой к активной самозащите, подавляя эмоцию страха. Проявлением эмоций высокого уровня враждебности является агрессия – враждебное поведение или физический акт, направленный на то, чтобы причинить ущерб, оскорбить или победить (там же: 302). Ущерб этот может быть как психологическим, так и физическим (удар по самолюбию или по телу). В понятие “физический акт” включается также и речь. Речевые реакции

(инвективы), направленные на собеседника, нацелены на нанесение ему психологического ущерба. Если враждебность – это мотивационное состояние, определяемое эмоциями гнева, отвращения и презрения, то агрессия – это следующее из состояния враждебности поведение, определяемое тенденцией нападать (наносить ущерб). Эмоции, таким образом, выступают мотивацией поведения, а их речевое выражение является посредником между психикой и поведением. Речевое нападение, направленное на нанесение психологического ущерба противнику, также является формой агрессии. Поэтому правомерно, на наш взгляд, предложить термин “речевая агрессия” и определить его как враждебное речевое поведение, обусловленное действием эмоций гнева и отвращения, и направленное на нанесение ущерба адресату. Эмоции, однако, – не единственный вид психических процессов, влияющих на поведение личности. Поведение человека формируется и под влиянием мышления – когнитивных процессов, следствием действия которых являются созданные в обществе социальные правила или нормы. В соответствии с ними регулируется выражение эмоций, в том числе и средствами языка и речи. Такowymi, например, являются максимы принципа сотрудничества П. Грайса (Grice 1975: 41-52).

Эмоции воздействуют на ход мыслительных процессов и организацию высказываний. Социальные нормы, будучи продуктом мышления, формируются в соответствии с законами логики. Эмоции, вмешиваясь в процесс мышления, иногда нарушают влияние логики на поведение. С учетом фактора теснейшего взаимодействия мышления и эмоций в психике человека, а также возможности доминирования одного над другим, на психическом уровне прослеживается следующая закономерность: спору свойственно доминирование логического компонента над эмоциями. В речи это находит выражение в аргументированности дискурса коммуникантов. При ссоре контроль эмоций разумом (мышлением) сводится до минимума. Следствием этого является особенность речевой агрессии – неаргументированность дискурса. Полная утрата контроля мышления над эмоциями имеет своим следствием вид аффективного поведения – драку, определяемую как “ссора, сопровождаемая взаимными побоями” (Ожегов 1988: 145). Между этими крайними пунктами находятся пререкание (препирательство) и перебранка, характеризующиеся соответственно поэтапным снижением аргументированности высказываний и являющиеся результатом постепенного снижения контроля рационального компонента психики над эмоциональным (ср.: “препираться – спорить, преимущественно по пустякам” (там же: 474); “пререкаться – то же, что препираться” (там же); “перебранка – взаимная брань” (там же: 403); “браниться – бранить друг друга, ссориться” (там же: 50)).

Поскольку драка не является чисто речевым проявлением агрессии, а пререкание и перебранка находятся между спором и ссорой, представляя собой промежуточные стадии перехода одного в другое и сочетающие в себе аргументированные и неаргументированные высказывания, эти виды конфликта можно представить в виде следующей схемы:

В ситуации ссоры, а тем более, драки, смысловой аспект общения определяют аффективные отношения, когда воздействие негативных эмоций провоцирует говорящего на агрессивное поведение, а именно: физическую и речевую агрессию. По данным И. Бублик (1995: 60), стратегической целью вербально агрессивного поведения личности является “неаргументированное принуждение адресата к определенным действиям, ведущим к реализации желаний адресанта, сделанное в грубой форме”. Коммуниканту, осуществляющему речевое нападение, свойственно представление о противнике как находящемся в сфере жесткого управления. С целью установления таких межличностных отношений “агрессор” всячески стремится снизить социальный статус противника, уровень его самооценки, доказывая тем самым свое превосходство, а значит, и возможность диктовать свою волю. Воля, как известно, — это психический процесс, отражающий способность человека сознательно ставить цели, принимать решения и совершать соответственно им действия и поступки (Костюк 1968: 389).

Воля не существует вне иных психических явлений. Волевые акты человека всегда опосредованы умственными процессами и эмоциями. Воля представляет собой переход от мышления и эмоций к деятельности. Пытаясь подавить волю собеседника, говорящий стремится воздействовать либо на его эмоции, либо на разум, либо на обе сферы одновременно. В процессе речевого взаимодействия может происходить смена объекта воздействия. Так, при ссоре говорящий воздействует на эмоциональную сферу адресата средствами жесткого, неаргументированного воздействия (угроза, приказ, команда, оскорбление) (Сагач, Юніна 1992: 128-129), чем и является речевая агрессия. При споре воздействие осуществляется средствами нежесткого аргументативного характера.

При перерастании спора в ссору видоизменяются целевые установки коммуникантов. На смену желанию прийти к консенсусу возникает и фор-

мирується намерення “уничтожить врага” (Ішмуратов 1996: 150-151). Со-ответственно меняется и характер дискурса конфликтующих от нежесткого аргументированного, учитывающего право адресата на несогласие, к жесткому неаргументированному – речевой агрессии, игнорирующей это право.

Как отмечает И. Бублик (1995: 61), агрессивно действующая личность ставит главной целью своего поведения моральную победу, что вообще свойственно бытовой конфликтной ситуации общения. По мнению автора, вербальная агрессия может использоваться в качестве речевой стратегии в случае недостаточной весомости аргументов, недостатка времени или нежелания тратить время и аргументы для желаемого результата. Интенциональный анализ агрессивных диалогических дискурсов показал, что вербальная агрессия имеет место в тех случаях, когда “агрессор” ощущает психологический дискомфорт и стремится дать выход накопившейся отрицательной энергии (катарсис), создать дистанцию в общении, ошеломить противника и выиграть время, навязать свою точку зрения, безосновательно требует исполнить его волю, намекая зачастую на то, что дальнейшее развитие событий может повлечь за собой физическую агрессию.

В настоящее время исследования проблемы конкурирующего общения ведутся в двух основных направлениях. Одно из них изучает речевые возможности и закономерности ведения его в духе сотрудничества с направленностью на консенсус, другое – в духе соперничества и конфронтации, направленных на диссенсус. При этом в фокусе внимания первого находится спор как вид речевого взаимодействия в соотношении с моделью “идеального” спора, в сферу исследований второго направления попадает преимущественно ссора, а также спор, перерастающий в ссору.

Следует указать, что в современной лингвистике еще не сформулировано четкого определения речевого конфликта и конфликтной речевой ситуации. В формализованной теории конфликтной ситуацией считаются обстоятельства, релевантные конфликту, то есть, события, объекты, их качества и отношения (Ішмуратов 1996: 154), а под конфликтом понимается “взаимодействие двух объектов, обладающих несовместимыми целями и способами достижения этих целей (Смолян 1968: 35). Но и само понятие “конфликт” в современной литературе трактуется неоднозначно: как столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций, отдельно взятого эпизода в сознании, в межличностных взаимодействиях или межличностных отношениях, связанное с отрицательными эмоциональными переживаниями (Петровский 1990: 153); как столкновение противоположных взглядов, серьезное разногласие, открытый спор (Современный словарь иностранных слов 1994: 307); как

расхождение или спор между противостоящими группами, идеями, принципами (LDCE 1992: 212; Ожегов 1988: 237).

Однако некоторые авторы принципиально разделяют понятия спор и конфликт как различные виды общения (Стояновский 1995: 78-79). То есть существуют более широкое и более узкое понятия термина "конфликт". Под речевым конфликтом мы понимаем речевое проявление столкновения противоположных взглядов, целей, намерений коммуникантов.

Общение в условиях речевой ситуации – это речевой режим употребления языка, когда коммуниканты взаимодействуют в одном времени и пространстве – условиях деятельности ситуации. Деятельностная ситуация, помимо параметров времени, места и субъекта, также включает мотив, цель, ряд личностно-психологических характеристик коммуникантов, тему общения, статус и роль коммуникантов, и ряд других лингвистических и экстралингвистических параметров, которые влияют на речевое поведение коммуникантов.

Под речевой ситуацией принято понимать не только обстановку, в которой протекает речевое общение, но и составную неотъемлемую часть самого речевого действия, которая в значительной степени влияет на ситуативную адекватность речевого поведения (соблюдение правил речевого этикета, соответствующее воздействие на слушающего, исправление в случае необходимости собственного речевого поведения и т.д.) (Мусин 1991: 134).

Итак, конфликтная речевая ситуация – это речевая ситуация, в которой происходит столкновение противоположных взглядов, целей и намерений коммуникантов. Иными словами, в конфликтной речевой ситуации общающиеся находятся в коммуникативной оппозиции, реализуемой речевыми и языковыми средствами. Основными видами проявления конфликтной речевой ситуации являются спор и ссора, а промежуточными – пререкание и перебранка.

Особенности спора и ссоры проявляются в характере дискурса – интегративной многомерной единицы речевой деятельности, рассматривающейся как коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов и текст, создающийся в процессе общения (Зернецкий 1992: 18-19) и членимый на отдельные более мелкие функциональные единицы речевой деятельности. Спору свойственен аргументированный дискурс, направленный преимущественно на консенсус. Его единицы (высказывания) ориентированы на рациональную сферу адресата и имеют целью его убеждение нежестким способом речевого воздействия. Ссоре свойственен жесткий дискурс речевой агрессии как противопоставленный нежесткому аргументированному и направленный на диссенсус. Вербально агрессивные речевые действия ориентированы на эмоциональную сферу

адресата и имеют целью либо принудить его к выполнению определенных действий (речевых/неречевых) путем подавления его воли к сопротивлению, либо нанести определенный моральный ущерб (например, оскорбить противника).

Промежуточные состояния между спором и ссорой, пререкание и перебранка, характеризуются переориентацией первоначальных целей. На этих этапах развития конфликтного диалога первоначальная и новая цели как бы существуют параллельно и одновременно с перевесом одной или другой. Доминирование первоначальной цели обуславливает смещение конфликтного речевого взаимодействия в сторону пререкания, тяготеющего к спору, а доминирование новой цели над первоначальной – в сторону перебранки, тяготеющей к ссоре. Далее происходит полная утрата одной из двух целей и замена ее другой, что и определяет исход конфликтного речевого взаимодействия. Дискурс пререкания и перебранки носит смешанный характер и сочетает в себе и аргументацию, и речевую агрессию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бублик И. (1995). Вербальная агрессия в диалогической речи // Види мовленнєвої діяльності: Тези наукової конференції та 3-го Українсько-німецького симпозіуму / Харківський державний університет. – Харків. – С. 60-62.
2. Зернецкий Л.В. (1992). Речевое общение на английском языке (коммуникативно-функциональный анализ дискурса). – К.: Лыбидь.
3. Изард К.Е. (1980). Эмоции человека. – М.: МГУ.
4. Ишмуратов А.Т. (1996). Конфлікт і згода. Основи когнітивної теорії конфліктів. – К.: Наукова думка.
5. Костюк Г.С. (1968). Психологія. – К.: Радянська школа.
6. Мусин И.Х. (1991). Психолінгвістический аспект изучения проблем речевого поведения // Текст в коммуникации. – М. – С. 127-136.
7. Ожегов С.И. (1988). Словарь русского языка. – М.: Русский язык.
8. Петровский А.В. (1990). Психология: Словарь. – М.: Политиздат.
9. Поварнин С. (1990). Спор. О теории и практике спора // Вопр. философии. М. – №3. – С. 60-133.
10. Сагач Г.М., Юніна О.А. (1992). Загальна риторика. – К.: Наукова думка.
11. Смолян Г.Л. (1968). Принципы исследования конфликта // Вопр. философии. М. – №8. – С.35-41.
12. Современный словарь иностранных слов (1994). – СПб.: Дуэт.
13. Стояновский А. М. (1995). Структурно-функциональная взаимосвязь ситуации, проблемы и дискуссии как фактор управления процессом обучения иноязычному говорению // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании. – Воронеж. – С. 75-81.
14. Grice P. (1975). Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Speech Acts. – Vol. 3. – P. 41-52.
15. LDCE (1992). Longman Dictionary of Contemporary English. – M.: Longman.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ДИСКУРСА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИКЕ

Шевченко И.С., канд. филол. наук (Харьков)

В современной лингвистике понятие дискурса не получило однозначной трактовки. Его определяют как языковое явление — языковая единица, большая, чем предложение; высказывание; текст; а также как речевое — функционирование языка; устная речь; все формы речевого общения (устная и письменная). Последняя трактовка (которую встречаем, в частности, в работе (Schiffrin 1990:4), ближе всего идее диахронического анализа прагматических характеристик предложения, поскольку историческая прагмалингвистика, основываясь на деятельностном подходе и исходя из понимания коммуникации как системы, исследует прагматические свойства речевой коммуникации (речевого акта и дискурса) в их историческом развитии и “рассматривает динамические процессы в вербальной коммуникации как результат саморазвития языка и изменений коммуникативных потребностей общества” (Шевченко 1998:76).

Подходы к анализу дискурса разнятся от традиционно-лингвистического, исследующего текст и его свойства, до психолингвистического — анализа ориентации личности через ее дискурс — направления, которое оформилось в последние годы в так называемую дискурсивную психологию (обзор работ приведен в (Ушакова 1997:158). В словаре Т.М.Николаевой, отражающем историю подходов к этому понятию, оно определяется как: “Дискурс — многозначный термин лингвистики текста, употребляемый в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связанный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность — письменная или устная” (Николаева 1978:467).

Обобщение этих трактовок в соответствии с новейшими подходами к анализу дискурса содержится в словаре В.З.Демьянкова: “*Discourse* — дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развыртывания дискурса, — это точка зрения “этнографии речи”, ср. предлагаемый гештальтистский подход к дискурсу. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой ло-

гическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и “не-события”, т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями” (Демьянков 1982:7).

На основании этого подхода к дискурсу как и языковой, и социо-культурной реальности Ю.С. Степанов обосновывает понимание дискурса как особого использования языка для выражения ментальности (а в некоторых случаях и особой идеологии), которое влечет за собой активизацию некоторых черт языка и, в результате, особую грамматику и особые правила лексики, что в конечном счете создает особый “ментальный мир” (Степанов 1995:38-39). В этом смысле можно говорить о советском политическом дискурсе (как это делает П. Серио (Seriot 1985), английском дискурсе эпохи Возрождения и т.п.

Поиск причин эволюции дискурса заставляет обратиться к понятию ментальности — того основного и устойчивого, что характеризует сознание больших общностей. В современной научной литературе оно связывается с глубинным уровнем коллективного сознания, которое включает и бессознательное. Ментальность — это совокупность ценностей и ценностных ориентаций, установок и готовности, стабильных предрасположенностей социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. Ментальность формируется в зависимости от конкретной культуры, ее традиций, социальных моментов и от всей среды обитания лингвокультурной общности — широкого социального контекста, вместе с тем, она и сама себя формирует, выступая как начало, определяющее сознание последующих поколений, как фактор социализации. Ментальность фиксирует устойчивые ориентации сознания коммуникантов, на основании которых они могут быть отнесены к определенной группе и исторической общности. В этом смысле можно говорить об английской ментальности применительно к веку: ментальность Возрождения, ментальность Просвещения, ментальность современных британцев и т.п.

В научных исследованиях понятие ментальности было впервые применено К.Леви-Брюлем в 1922 г. Он выделил два ее типа — логический и дологический. Итак, позитивное и негативное (в аксиологическом смысле), рациональное и эмоциональное, сознательное и бессознательное пересекаются на уровне ментальности и определяют основной тип социально-этической ориентации общества, его отношение к передаваемой информации.

В исторической социологии и психологии традиционно подчеркивается, что мыслительные привычки, ценности и установки, навыки вос-

приятія емоціональної життя наслідуються людьми від прошлих поколінь як свідомо, так і без ясного усвідомлення цього. Таким образом, всеобщую историю можно рассматривать как историю ментальностей. Именно ментальность, задающая культурно-обусловленные параметры человеческого восприятия, деятельности и системы коммуникации в рамках конкретной культуры, предопределяет те инвариантные структуры, которые обеспечивают культурную целостность.

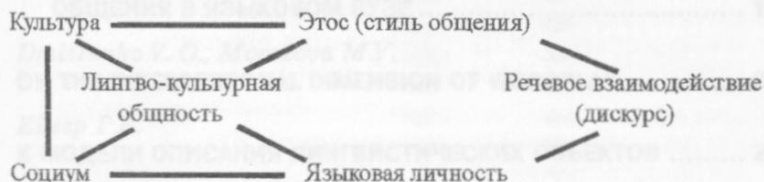
Итак, ментальность представляет собой качественную характеристику сознания, связанную прежде всего с социально-психологическим уровнем коммуникантов. В ней отражаются определенные архетипы, в основе которых лежат мировоззренческие установки, реализованные в конкретных действиях и коллективное бессознательное народа. Ментальность характеризует то общее, специфическое и уникальное в мышлении и речевом поведении, что присуще данной социальной общности.

В историкопрагматическом анализе важно учитывать, что ментальность меняется медленнее, чем материальное окружение и социальные институты. Это наблюдение, на наш взгляд, находит отражение в относительной стабильности набора речевых актов, реализуемых английскими вопросительными предложениями, на протяжении 16—20 вв., в плавном, эволюционном характере развития большинства аспектов РА (Шевченко 1998).

На основании всестороннего изучения подходов к понятию дискурса в рамках современной коммуникативно-функциональной парадигмы Д.Шиффрин предлагает свое определение дискурса: «Ингерентно контекстуализированные высказывания» — единицы устной или письменной речи (Schiffirin 1994:41).

Наше понимание проблемы в основном перекликается с исследованиями отражения действительности в дискурсе в работах представителей европейской прагмалингвистики: Т.А. ван Дейка, Д.Шиффрин и др. — подхода более широкого по сравнению с англо-американским. Это направление совмещает элементы прагмалингвистических и этнопсихологических, социалингвистических подходов. Вслед за Ю.С. Степановым, понимавшим дискурс как текст, «представленный в виде особой социальной данности» (Степанов 1995:44), предлагаем в историкопрагматических исследованиях трактовать дискурс как текст (тексты), созданный в результате речевой деятельности представителей определенной лингвокультурной общности, рассматриваемый в совокупности его лингвистических параметров и социокультурного контекста; причем к дискурсу мы относим «все формы устной и письменной речи: естественно протекающие бытовые и официальные разговоры, интервью, письменные тексты» (Ушакова 1997:158).

Дискурс как система речевого взаимодействия в определенной лингвокультурной общности зависит от социальных, культурных (ценностных, этических, эстетических и пр.) компонентов этой общности, от этоса — конкретного “стиля” взаимодействия в социуме, обобщенного типа речевой интеракции (П.Браун и С.Левинсон определяют данное понятие как эмоциональный — *affective* — характер речевого взаимодействия членов общества (Brown, Levinson 1987:243). Эти экстралингвистические аспекты преломляются через лингво-культурный уровень языковой личности — вариативную картину мира отдельной личности, базирующуюся на общей для эпохи базовой инвариантной картине действительности, и через прагматический уровень языковой личности — специфику мотивов и целей ее поведения, управляющих текстопроизводством, иерархию смыслов и ценностей — в ее языковой модели мира (Караулов 1987:37). Вместе с лингвистическими аспектами, соответствующими структурно-языковому, семантическому уровню языковой личности, они образуют обобщенную модель речевой интеракции конкретной эпохи. Схематически мы представляем ее следующим образом:

Приведенная схема позволяет проследить многообразие связей понятий дискурса, языковой личности и этоса, а через посредство лингвокультурной общности — конкретной культуры и социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Всесоюз. центр переводов. Методы анализа текста // Тетради новых терминов. — 1982. — № 39. — 108 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 264 с.
3. Николаева Т.М. Словарь терминов по лингвистике текста // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1978 — Вып. 8. — С.467-472.
4. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 в. /Под ред. Ю.С.Степанова. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. — С.35-73.
5. Ушакова Т.Н. Психологический подход к анализу дискурса // Языковое сознание и образ мира, XII Международная симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. — М., 1997. — С.158-159.
6. Шевченко И.С. (1998) Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16-20 вв. — Харь-

КОВ: Константа. — 168 с. 7. Brown P., Levinson S. Politeness. — L., N.Y.: CUP, 1987. — 345 p. 8. Schiffrin D. Conversation Analysis // Annual Review of Applied Linguistics. — 1990. — V.11. — P.3-16. 9. Schiffrin D. Approaches to Discourse. — Oxford: Blackwell, 1994. — 470 p. 10. Seriot P. Analyse du discours politique soviétique (Cultures et Sociétés de l'Est). — Paris: Institut d'études slaves, 1985. — 157 p.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андриенко Т.П.</i> ИРОНИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В САТИРИЧЕСКОМ РОМАНЕ	3
<i>Безуглая Л.Р.</i> К ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ	9
<i>Григорьева Л.М.</i> О ПОЭТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ Б. БРЕХТА (формально-содержательный аспект)	14
<i>Гриценко Е.И.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО НАМЕРЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКОМУ АСПЕКТУ ОБЩЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	18
<i>Dmitrenko V. O., Morozova M.V.</i> ON THE INTERPERSONAL DIMENSION OF WORDPLAY	22
<i>Ейгер Г.В.</i> К МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ	25
<i>Жаборюк О.</i> ДО ПИТАННЯ ПРО ГРАМАТИЧНЕ ЗНАЧЕННЯ КАТЕГОРІЇ СТАНУ ЯК ЛІНГВІСТИЧНОЇ УНІВЕРСАЛІЇ	27
<i>Zemliansky P.</i> A BRIEF REVIEW OF CONTEMPORARY COMPOSITION IN THE UNITED STATES	32
<i>Ищенко Н.Г.</i> К ПРОБЛЕМЕ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ (на материале однокоренных словообразовательных синонимов)	35
<i>Кагановська О.М.</i> ПРОБЛЕМА ІМПЛІЦИТНО-ЕКСПЛІЦИТНИХ ЗВ'ЯЗКІВ У СВІТЛІ ТЕОРІЇ МОВНОЇ КОМУНІКАЦІЇ	39
<i>Калита А.А.</i> ИНТОНАЦИОННАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ	46

<i>Клименко О.Л.</i> РОЛЬ АМЕРИКАНСЬКОГО СЛЕНГУ ТА СОЦІАЛЬНИХ ДІАЛЕКТІВ В ПОПОВНЕННІ БРИТАНСЬКОГО МОВНОГО СТАНДАРТУ	53
<i>Кордун Р.А.</i> КЛАССИФИКАЦИЯ ВОПРОСНЫХ ДЕЙСТВИЙ	58
<i>Крапива Ю.В.</i> КАЛАМБУР В КОРОТКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТЬЕ КАК ТИПЕ ТЕКСТА	62
<i>Крицберг Р.Я.</i> О ДИВЕРГЕНЦИИ И КОНВЕРГЕНЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО ВАРЬИРОВАНИЯ	67
<i>Ланецкая К.И., Онищенко Н.А.</i> УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛОМ FАHREN В СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	73
<i>Левицкий А.Э.</i> ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	78
<i>Лісова І.Г.</i> ПЕРЕКЛАД ГРАМАТИЧНИХ ЧАСІВ ДІЄСЛОВА, ЯКІ ВЖИВАЮТЬСЯ У ТЕКСТАХ ОФІЦІЙНО-ДІЛОВОГО СТИЛЮ (на матеріалі французької мови)	85
<i>Мартынюк А.П., Пищикова Е.В.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЕНДЕРНОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ (на материале английского и русского языков)	91
<i>Морозова И.Б.</i> ИЗМЕНЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛОГА И ЛИНЕЙНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ДИАХРОНИИ XVIII-XX ВВ (на материале английского языка)	97
<i>Музейник И.В.</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ С ИЛЛОКУТИВНЫМИ РЕЧЕВЫМИ АКТАМИ (на материале французского языка)	100

Нешко С.И.

ВЛИЯНИЕ СУФФИКСА -ЕЕ НА КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	103
--	-----

Панасенко О.И.

К ПРОБЛЕМЕ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	108
--	-----

Пасинок В. Г.

УНІВЕРСАЛЬНІСТЬ І КОНКРЕТНО-ПРЕДМЕТНА ПРИРОДА МОВЛЕННЕВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ	112
---	-----

Потапова Е.И.

СУЩНОСТЬ ЛЖИ/ОБМАНА В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ	119
---	-----

Піхтовнікова Л.С.

ЕВОЛЮЦІЯ СТИЛЮ БАЙКИ З ТОЧКИ ЗОРУ СИНЕРГЕТИКИ	124
--	-----

Ребрый А.В.

О ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СПОСОБАХ АНГЛИЙСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ	130
---	-----

Рудякова В.М.

СТРАТЕГИИ АВТОРИТАРНОГО ДИСКУРСА (на материале английского языка)	135
--	-----

Фадеева Е.В.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ КОНФЛИКТНОГО РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	139
---	-----

Шевченко И.С.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ДИСКУРСА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИКЕ	146
--	-----

ПОВІДОМЛЕННЯ

**МАЄМО ЧЕСТЬ ПОВІДОМИТИ, ЩО У 2000 р.
ФАКУЛЬТЕТ ІНОЗЕМНИХ МОВ ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ВІДМІЧАЄ СВОЄ 70-РІЧЧЯ.**

З цієї нагоди проводиться
міжнародна наукова конференція
“Іноземна філологія на межі тисячоліть”
у другій половині травня 2000 р. з таких напрямків:

Проблеми сучасної германістики та романістики (структура та система мови)
Проблеми комунікативної лінгвістики (прагматика, соціологія, психологія
мовлення, когнітивні та міжкультурні лінгвістичні дослідження)
Проблеми викладання іноземних мов
Методологічні та методичні проблеми перекладу

Для участі у конференції та публікації тез доповідей просимо до 1 грудня 1999 р. надіслати до оргкомітету конференції тези обсягом 1,5 - 2 сторінки у вигляді 3,5” дискети в редакції Word для Windows версія 6.0, 7.0 без ручних переносів слів разом з двома примірниками тексту. Електронний варіант тексту можна замість дискети надіслати за e-mail адресами <konstanta@vl.kharkov.ua> , <konst@euro.kharkiv.com>.

Відцентрована назва публікації друкується великими літерами, під нею в центрі звичайними літерами прізвище, ініціали автора та поряд у дужках назва міста. Основний текст рукопису друкується через 1,5 інтервали шрифтом 12 Times New Roman або Times ET, поля ліворуч, вгорі, внизу — 2,5 см, праворуч — 1 см. При використанні спеціальних шрифтів або символів просимо додавати відокремленими файлами ці шрифти. При наявності ілюстрацій просимо подавати їх відокремленими файлами. Сторінки рукопису нумеруються олівцем на звороті. Ілюстративний матеріал подається курсивом.

Посилання у тексті оформлюються так: (Levinson 1983:35). Підрядкові виноски не допускаються. Завершує публікацію “Література”, подана в алфавітному порядку з дотриманням стандарту ВАК України.

В окремому файлі та на окремому аркуші подаються відомості про автора (прізвище, ім'я та по батькові повністю), науковий ступінь, звання, місце роботи, посада, домашня адреса, телефон. Разом з матеріалами просимо надіслати 2 конверти для листування.

Робочі мови конференції:

українська, російська, англійська, німецька, французька.

Про фінансові умови автори тез будуть повідомлені окремо.

Адреса оргкомітету:

310007, м.Харків, майдан Свободи, 4, Харківський державний університет,
кафедра англійської філології, тел.: (0572) 45-75-04

Голова оргкомітету
декан факультету іноземних мов
Валентина Григорівна Пасинок

ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ РУКОПИСІВ СТАТЕЙ ВІСНИКА ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Матеріали для опублікування приймаються від спеціалістів у галузі романо-германської філології та методики викладання іноземних мов.

Мова публікацій: українська, російська, англійська, німецька, французька.

Обсяг публікацій у межах: 7 стор. для докторів та кандидатів наук;

5 стор. для аспірантів та викладачів.

Правила оформлення рукописів:

- стаття подається у вигляді 3,5" дискети в редакції Word для Windows версія 6.0, 7.0 без автоматичних переносів слів разом з двома примірниками тексту.
 - відцентрована назва публікації друкується великими літерами жирним шрифтом (розмір шрифту 14), під нею в центрі звичайними літерами прізвище, ініціали автора та поряд у дужках — назва міста;
 - основний текст рукопису друкується через 1,5 інтервали шрифтом 12 Times New Roman або Times ET, поля ліворуч, вгорі, внизу — 2,5 см, праворуч — 1 см. Відступ абзацу — 5 знаків. Чітко диференціюються тире (—) та дефіс (-);
 - при використанні спеціальних шрифтів або символів їх додають відокремленими файлами. При наявності ілюстрацій їх теж подають відокремленими файлами;
 - сторінки рукопису нумеруються олівцем на звороті;
 - ілюстративний матеріал подається курсивом. Елементи тексту, які потребують виділення, підкреслюються. Значення слів тощо беруться у лапки;
 - посилання у тексті оформлюються згідно з нумерацією списку використаної літератури, наприклад: С.Левінсон (1:35), де перший знак — порядковий номер за списком, а другий — номер цитованої сторінки;
 - завершує публікацію ЛІТЕРАТУРА (друкується жирним шрифтом великими літерами з відступом 5 знаків від лівого поля). Нижче впідбір до тексту подається занумерований перелік цитованих робіт (довідники включно) в алфавітному порядку авторів, оформлений із дотриманням стандартів ВАК України (див. Бюлетень ВАК, 1977 р.), наприклад:
1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. (1963). — М.: Высш. школа. — 335 с. 2. Богданов В.В. (1989). Коммуниканты // Вестник Харьковского ун-та. — № 339. — С.12-18.
- При необхідності надається список джерел ілюстративного матеріалу, оформлений так само, якому передую назва **ДЖЕРЕЛА ІЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛУ**;
- підрядкові виноски не допускаються.

В окремому файлі та на окремому аркуші подаються відомості про автора (прізвище, ім'я та по батькові повністю), науковий ступінь, звання, місце роботи, посада, домашня адреса, телефон, електронна адреса.

Аспіранти та викладачі додають до рукопису виписку із протоколу засідання кафедри/вченої ради з рекомендацією рукопису до друку.

Разом з матеріалами просимо надіслати 2 конверти для листування.

Усі зазначені матеріали подаються в папці для паперів або файлі.

Подані матеріали не рецензуються і не повертаються.

Редакційна колегія

ВІСНИК ХДУ №435

Відповідальний редактор
Редактор
Технічний редактор
Художній редактор

І.С. Шевченко
А.В. Бондарь
Л.П. Зябченко
Г.П. Ульяніч

Підписано до друку 20.03.99. Формат 60х84/16
Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура Прагматика.

Ум. друк. арк. 9,75. Ум. вид. арк. 11,25

Зрк Зам. № УП0203/99 Наклад 300 прим.

Видавництво "Константа"
310145 м. Харків, вул. Космічна, 26.

Віддруковано в друкарні видавництва "Константа"
310145 м. Харків, вул. Космічна, 26.